

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ИЗ ПЕРВЫХ УСТ

Сборник воспоминаний

Ставрополь
2010

УДК 9(с)27
ББК 63.3(2)622
В 27

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО Ставропольского государственного
педагогического института

Редакционный совет:

докт. пед. наук, профессор *Л.Л. Редько*,
докт. пед. наук, профессор *С.В. Бобрышов*,
канд. истор. наук, доцент *Г.Н. Каменева*,
канд. истор. наук, доцент *А.С. Нестеров*,
канд. истор. наук, доцент *П.Г. Немашикалов*,
канд. филол. наук, доцент *Т.Б. Кузнецова*

В 27 Великая Отечественная война: из первых уст: Сборник воспоминаний. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. – 294 с.

ISBN 978-5-91090-046-6

В сборник, посвящённый 65-летию Победы в Великой Отечественной войне, вошли воспоминания очевидцев и участников войны, подготовленные студентами и преподавателями Ставропольского государственного педагогического института.

УДК 9(с)27
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-91090-046-6

© Ставропольский государственный педагогический институт, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

65 лет отделяет нас от самой тяжелой из всех войн, когда-либо пережитых нашей страной. За это время написаны тысячи книг, посвященных войне, обнаружены новые факты, новые документы. Однако, несмотря на всё многообразие изданной литературы, существует своеобразный дефицит первоисточников, так называемых реликтов прошлого.

Особой редкостью являются источники личного происхождения, дающие возможность описать индивидуальное человеческое мировосприятие и взаимодействие. Они имеют значение запечатлённых фактов «из первых уст», помогают реконструировать прошлое в деталях, содержат оценочный аспект событий, исполняют роль «фондокументов» и позволяют исследователю выявить определённый дух эпохи, представляют большой научный интерес для междисциплинарных исследований.

С каждым годом становится всё меньше живых свидетелей Великой Отечественной войны – участников и очевидцев событий. Поэтому не случайно в канун знаменательной даты Великой Победы в Ставропольском государственном педагогическом институте были реализованы два студенческих научно-исследовательских проекта «Воспоминания ветеранов» и «Война глазами детей войны», в

которых приняли участие более сотни представителей военного поколения, студентов и преподавателей вуза.

Своеобразием и ценностью сборника является возраст опрошенных – дети и молодые участники боевых действий, как правило, последнего призыва, те же «вчерашние школьники».

Редакционная коллегия выражает глубокую признательность всем участникам проекта, благодаря которым создан сборник воспоминаний, позволяющий приблизиться к наиболее объективному пониманию одновременно трагического и великого события в истории Родины.

ЧАСТЬ I. ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ

Алексеевко Сергей Корнеевич

Откровение фронтовика

Я, Алексеевко Сергей Корнеевич, родился 27 сентября 1925 года в Актюбинской области Казахской ССР. Мои родители еще во времена царизма туда переехали из Бессарабии, в нескольких километрах от Актюбинска нашли хорошее место и создали там село Бессарабка. У нас в семье было четверо детей: старшая сестра Александра, я, брат Дмитрий и младшая сестренка Татьяна. В нашем селе жили молдавские переселенцы, поэтому между собой мы говорили в основном по-молдавски. Но потом я подружился с местными ребятами, потому мог разговаривать и по-казахски, а вот по-русски мы почти не могли говорить.

В 1932 году в Казахстане из-за засухи случился сильный голод, поэтому родители решили переехать поближе к родным местам. Правда, переехали не все сразу, а вначале поехали только мы с отцом. Он нашел себе работу в селе Унтиловка Красноокнянского района, который тогда входил в состав Молдавской АССР. И когда отец стал работать чабаном на овцеферме в совхозе «НКВД», то забрал к нам и маму с остальными детьми и нашей больной бабушкой. Они поехали через Москву, и там произошло несчастье, – у мамы украли все документы, и только с помощью милиции их посадили на поезд и они приехали к нам. Я помню, что сначала мы жили в совхозном общежитии, но потом папа вырыл для нас отдельную землянку, в которой мы стали жить.

Где-то в конце 1932 года или 1933 года перед новым годом у нас произошло сразу два несчастья: 30 декабря умерла наша бабушка, а к утру умерла и наша младшая сестренка. Я до сих пор помню, что тогда стояли очень сильные морозы, и как мы бабушку и сестренку хоронили в одном гробу.

В 1934 году наш совхоз расформировался, и отца позвали работать в соседнее немецкое село Трехграды, в колхоз «имени Карла Либкнехта». В нашем районе это был самый передовой колхоз и село. Где-то в километре от села, немцы построили отличную овцеферму, а для нашей семьи еще и хороший домик. Причем, нам в доме провели электричество, и радио, в те времена это были просто шикарные условия.

В Трехградках была только семилетняя школа, поэтому восьмой класс я оканчивал в школе соседнего села Гулянка. И когда в 1940 году я окончил восьмой класс, то в наш сельсовет поступила разнарядка на отправку одного человека на учебу в железнодорожную школу ФЗО, которая находилась в Одессе. А я как раз мечтал быть железнодорожником, поэтому с радостью согласился и поехал на учебу.

Над нашим училищем шефствовал морской ДОСААФ, и на утро 22 июня 1941 года нам назначили занятия по гребле на лодках. Бараки нашего училища, в которых мы жили, находились на Пересыпи, и часов в семь утра мы уже пришли на берег моря. Нас было человек сорок, и только мы хотели сесть по лодкам, как прибежал дежурный по училищу и велел срочно вернуться: «Война!»

Для нас эта новость оказалась полной неожиданностью. Правда, еще ночью мы слышали, как очень низко пролетел самолет, и над морем были какие-то вспышки и звуки взрывов. А мы в нашем бараке из-за этого сильно перепугались, и как овцы шарахались из одного угла в другой. Может те, кто был постарше и опытнее, знали, что скоро начнется война, но мы, например, даже и не догадывались. Таких разговоров между собой мы никогда не вели, а из преподавателей училища нам никто ничего такого не говорил. Мы, конечно, сразу захотели пойти записываться в армию, что бы помочь Родине победить врага, но нам сразу сказали, что наше училище вскоре эвакуируют в Магнитогорск.

Мы уезжали из Одессы так поспешно, что даже не успели попрощаться с родными. Поэтому мы просили тех, кто оставался, передать весточку нашим родным. В августе подали состав, который состоял из вагонов-телятников, и всех нас перевезли в Магнитогорск. По дороге нас не бомбили, и все было очень хорошо организовано.

Приехали, и нас сразу отправили на строительство железной дороги Магнитогорск-Уфа, правда, там мы пробыли недолго. Когда я вспоминаю тот период, то помню, что буквально все наши ребята говорили: «Чего мы здесь сидим? Пусть другие дороги строят, а нам на фронт быстрее надо...» И очень сильно мы переживали, что наша армия отстывает. А уже, наверное, в сентябре нас отправили в Астрахань и там мы фактически целый год строили железную дорогу Астрахань-Кизляр и мост через Волгу. В каком-то тупике стояли пассажирские вагоны, в которых нас разместили.

Что вам сказать, условия, конечно, были очень тяжелые. Ведь техники почти никакой не было, и мы все таскали на носилках и на тачках, а норма на человека была три кубометра в день. Работали кирками и ломками, рельсы руками таскали. И вот так от зари и до темна и, конечно, без всяких выходных. Помню, что нам выдавали замерзший хлеб, так мы эти буханки топором рубили на кусочки, и клали их на печку, чтобы они хоть немного оттаяли, и их можно было есть. А вот рыбу, например, часто давали, так что у нас от голода никто не умер, хоть и было очень тяжело.

Вот так мы там год отработали, а 30 августа 1942 года нас призвали в армию. Тех, кто имел по десять классов образования, брали в авиацию и танковые войска, а меня с моими восемью товарищами взяли в связисты. Меня направили учиться в отдельный запасной полк связи (ОЗЛПС), который в начале находился в Астрахани, но вскоре нас всех отправили в Чкалов (Оренбург). Причем, из нашего ФЗО туда взяли несколько ребят. И вот в этой школе мы проучились до мая 1943 года. Помню, что тогда была очень холодная зима и нас часто отправляли, чтобы мы специальными шестами сбивали с проводов намерзший лед.

Считаю, что в запасном полку подготовили нас неплохо. В этом полку было всего четыре роты, а я учился в телефонно-кабельной роте. Обо всем остальном мы тоже имели какое-то понятие, но так поверхностное. Например, рацией мы тоже умели пользоваться, но исправить в ней что-то или починить уже не могли. В основном изучали свою специальность, воинские уставы, оборудование, оружия и даже трофейные телефоны. Ориентировку на местности изучали, картографию, и даже кормили там более-менее сносно. Но, напри-

мер, в увольнение нас совсем не пускали, фактически весь срок учебы в училище и провели.

Когда закончили учебу, то мне за хорошую учебу присвоили звание сержанта, и весь наш выпуск из Чкалова отправили в Москву, где как раз формировался 935 отдельный батальон связи. Причем, так как у меня был очень красивый почерк, то меня вначале хотели оставить в Москве писарем в штабе. Но за время учебы я очень сдружился с Василием Кобылянским из Красных Окон, с которым мы учились еще в ФЗО. Мы считали и даже называли друг друга братьями. Поэтому, когда мне сказали, что нас двоих оставить в штабе не могут, то я отказался, и потом ни разу об этом решении не пожалел. Вообще в то время у нас у всех был такой подъем, что наоборот все сами рвались на фронт, чтобы драться с немцами и быстрее победить.

Вот, кстати, вспомнился смешной случай, который произошел, когда мы были на формировании в Москве. Как-то я остался дневальным, и Вася Кобылянский должен был мне принести обед. Смотрю, он несет в какой-то стеклянной фляге прозрачную жидкость, а в руке капустный лист: «Вот я принес тебе твой борщ...» На формировке кормили очень плохо, но «покупатели» нас «утешали»: «Ничего, на фронте хоть не будете голодать...»

Кормили на фронте, я бы сказал, нормально, а под конец уже даже и хорошо, например, часто выдавали американские консервы. Ну и, конечно, наше обычное питание: разные каши. Конину часто приходилось кушать. Как кавалерию побьют, так у нас конины хватало. Но немецких продуктов я, например, не пробовал. Как-то проезжали мимо сахарного завода, зашли туда, сахара там не было, но я взял три мешка сырца на всю роту и выдавал его солдатам как сладости. А после того, как меня назначили старшиной нашей роты, то мне приходилось ездить на армейские склады, получать там продукты и распределять их среди солдат. Спиртное на войне выдавали редко. В первый раз, когда нам выдали спирт, то даже закусить было нечем, а пожилой ездовой Некрасов меня учил: «Сынок, ты снегом закусывай...» Этот эпизод мне даже сейчас иногда снится.

Фактически весь наш выпуск целиком попал в этот батальон связи, в котором я и провоевал до самого конца войны. В батальоне было четыре роты, в каждой из которых было по сорок человек, а

меня назначили помощником командира взвода в телеграфно-кабельной роте. И уже в мае 1943 года, нас отправили на Центральный фронт, где вскоре состоялась битва на Курской дуге. Еще по дороге на фронт нас бомбили, а когда приехали, то наш батальон передали 18-му Стрелковому Корпусу 65-й Армии, которая прошла от Сталинграда до Восточной Пруссии.

В составе Центрального, а потом и Белорусских фронтов мы освобождали Россию, Украину, Белоруссию, Польшу, и закончили войну в Германии недалеко от Ростока. Наш батальон обеспечивал связь штаба корпуса с дивизиями, которые в него входила 37-я Гвардейская и, кажется, 15-я и 69-я стрелковые дивизии. Моя рота, например, обеспечивала шестовую связь штаба корпуса со штабами дивизий. А уже оттуда до самой передовой кабели тянули по земле.

При форсировании реки Десны мне с напарником поручили проложить и обеспечить связь. С катушками за плечами мы пошли с передовыми частями. Хорошо рядом был лес, так мы сделали плотик, приспособили колесо от телеги, привязали к кабелю кирпичи, чтобы он не лежал прямо на поверхности воды, а уходил на глубину. И вот за то, что мы тогда в таких условиях, там ведь обстреливали просто страшно, успешно справились и обеспечили связь, в октябре 1943 года нас наградили орденами «Красной Звезды».

В комсомол я вступил еще в 14 лет, а в Партию мне предложили вступить, когда я получил орден «Красной Звезды». Я был патриотично воспитан, поэтому с радостью согласился, хотя мне тогда было всего девятнадцать лет. Политработники у нас были достойные, авторитетные люди.

За годы войны потерял много товарищей-сослуживцев. Когда в октябре 1944 года меня только назначили старшиной, то у нас в роте еще не было машины, а была только одна повозка и два ездовых. Оба пожилые люди, один узбек, а другой русский, по фамилии Некрасов. Один сапожник, а другой портной. И как-то под вечер на марше мы попали под бомбежку. Я успел залезть под танк, а когда все закончилось, побежал к нашей подводе. Прибегаю, а лошади еще трясутся от страха. Смотрю, узбека легко зацепило, а Некрасов лежит с осколком в груди... На санитарной машине срочно отвезли его в медсанбат, но уже там он умер... Тогда я решил забрать его

в нашу роту, чтобы самим похоронить. Но узбек мне сказал: «Чего мы его туда-сюда возить будем? Давайте сами тут и похороним». И мы вдвоем выкопали однофамильцу великого поэта могилу под деревом... Смерть его я переживал тяжело.

Бывали случаи, когда было очень страшно во время артподготовки перед наступлением. Когда тебя захлестывает дикое нервное напряжение перед атакой. Бывали случаи, когда мог погибнуть. Например, был случай, когда я тянул кабель, и прямо в поле меня начал обстреливать немецкий самолет. Был ещё случай: как-то мы вдвоем с напарником тянули провод, бежали вдоль какого-то песчаного склона, и я только слышу звук «взвить-взвить». Оказывается, это по нам снайпер стрелял. ... Помню, что когда мы только приехали на фронт, то потери были большие. Но потом у нас появился опыт, и кое-что мы в своих действиях изменили. Например, вначале наши связисты бегали на линию устранять порыв по одному, но часто случалось, что они или вдвоем, так надежнее. Бывало, поднимем каску, что бы узнать, есть ли снайпер, так в нее тут же пуля «цык». А мы смотрели, и по пулевому отверстию определяли направление, с которого он стреляет.

Стрелять приходилось и мне, особенно, когда в ночное время находишься на передовой. Но я думаю, что я никого не убил... Вначале у нас были карабины, потом автоматы, а когда я стал старшиной роты, то мне уже выдали пистолет.

Вспоминаю своих командиров. Командиром нашего батальона был все время Кирпичев. Ничего такой, хороший был командир. А командиром роты вначале был Анохин. Но как-то он с Кирпичевым и его ординарцем стояли на пригорке, смотрели, как лучше проложить связь. Немцы видно их заметили и обстреляли из миномета. Анохина наповал, а Кирпичева и его ординарца легко ранило. И вот после этого до самого конца нашей ротой командовал Москаленко, он тоже был хороший офицер. Приходилось видеть и командиров высокого ранга. Жуков перед самым наступлением любил ходить по войскам, и мне его приходилось видеть. Про него у нас очень хорошо отзывались. Я лично не видел, но говорили, что от него и палкой некоторым офицерам доставалось. Видел я и нашего командира корпуса Иванова, а командира нашей 65-й Армии, Павла Ивановича Батова, я не только видел, но и потом в 1985 году в составе делегации ветеранов нашей Армии ездил на его похороны.

Мы закончили войну в Восточной Пруссии. Мы же связисты, поэтому, конечно, всё узнавали раньше всех. Радость была просто неопи- сываемая. Стреляли в воздух буквально из всех видов оружия. Все были рады тому, что мы на конец-то победили и все-таки остались живы.

Мой самый близкий друг по ФЗО и школе младших командиров Вася Кобылянский был тяжело ранен в ногу еще на Курской дуге, и из-за этого ранения его из армии сразу комиссовали. А еще в Трех- градах я очень дружил с двумя ребятами. Но потом меня забрали в школу ФЗО, Кушнир пошел в морское училище, а Володя – в тан- ковое. И когда я вернулся с войны, то узнал, что они оба так и не вернулись. Вот так из нашей тройки друзей остался я один.

После войны я встречался с однополчанами довольно регулярно. Впервые мы встретились в Минске, потому что у нас несколько человек там жили. Дали нам тогда автобус, и мы целую неделю ездили по местам, которые освобождали. А потом уже часто встречались в Москве.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1 курса факультета специальной педагогики Ставропольского государственного пе- дагогического института *Коршикова Юлия Сергеевна*.

Азберг Яков Георгиевич

Повезло, остался живой сапер, не ошибся ни разу

Я, Азберг Яков Георгиевич, 1924 года рождения. Родился я где-то в таежной глуши, в Сибири, в верховьях Енисея. Отец мой был ссыльным царского времени. Он из Прибалтики, учился в Тартуском университете. В 18 лет что он там натворил я не знаю, но его в кандалах отправили в Сибирь на пятилетнюю каторгу. Где-то в Енисейской тайге он её и отбывал. Родители его из-за этого от него отказались, потому как считали, что он оскорбил семью своим поступком. Тогда нравы были очень строгие.

Отец отбыл каторгу и остался в Сибири. Встретил маму, Пелагею Ивановну Пшеницыну, уроженку Ставропольской губернии. Они поженились. Жизнь в Сибири была суровая, сложная. Избушка стояла на половину в земле, заметённая снегом под два метра. Отец добывал золото, мать за ним «таскалась». Родила троих детей. Я бал самым младшим в семье. Мать меня родила там же в тайге, под каким-то пеньком. Как рожала? Ведь никого не было рядом.

Когда мы были маленькие, отец приревновал мать, а мать ведь была молодой, красивой женщиной. Отец всегда мотался по тайге, и кто-то ему накаркал, и он взял ружье и сказал, что убьет её, а если он так сказал, значит, он так и сделает. Матери женщины про это рассказали, она собрала латок, бросила хлеб, соль и что-то ещё и на лыжах зимой ушла далеко в тайгу. И мы остались с отцом.

Отец нас потом отдал в детский дом учиться. До исполнения 16 лет нас держали в детском доме. Я вышел последним. В 1935 году сестра Мария приходит и говорит, что у нас мама приехала. А я ведь её совсем не помню, потому что был ещё маленький, когда она ушла. Я сказал Марии, что нет у нас никакой мамы. В 1937 году отца расстреляли, до этого его не раз арестовывали, он сидел в Минусинской тюрьме. Ну, вот так она меня месяц уговаривала. В общем, уговорили, и я уехал с матерью. 1939, 1940, 1941 годы я жил с матерью.

В 1942 году я окончил девять классов там же в Сибири, в Рудниках. Как-то собралось нас человек 5-6 нас из класса, и мы рванули

с Рудника через тайгу в районный военкомат. С порога заявили, что мы комсомольцы и просились на фронт. А нам сказали:

- Идите домой, пацаны, вы там нужнее.

Мне тогда было всего 17 лет. На войну брали старшее поколение и всё сибиряков – это надежный народ, закаленный, их и выбили, конечно, больше. Утром мы с пацанами опять пришли к военкомату, там принимал другой дежурный. Мы ему сказали, что комсомольцы, хотя никто из нас не был комсомольцем. Он нам говорит: «На фронт пойдете?» Мы конечно согласились. Мы то вроде пацаны-пацанами, но пацаны то мы закаленные. Я с 8 лет с ружьём на рябчика ходил. А это было очень важно в то время.

Мы были рады, что нас на фронт отправили. Загнали нас в Абакан, потом мы сели в поезд и поехали город Берск недалеко от Новосибирска. Нас учили саперному делу, и, надо сказать, учили очень хорошо. Мы были неленивыми и добросовестными учениками. Вся подрывная техника были немецкая. Я знал все системы немецких бомб: как их ставить, где ставить, как разминировать, какие есть уловки. И как говорят: «Повезло, остался живой сапер, не ошибся ни разу».

Нас сгруппировали и повезли на фронт в начале января 1943 года. Немец наступает! Наша команда потеряла две армии в Харькове. Нас перетасили в Донец, в городок Чукурьев, мы там встали, потом через Донец это уже март месяц, на Донце наледь пошла. Мы прошли 100 метров. Радовались, что живые вышли, ведь вокруг немец стоял. Гоняли нас как зайцев. Потом мы встали, заняли оборону и стояли мы до конца лета.

В конце лета, месяца через полтора нас не кормили ничем, абсолютно ничего не было, снабжений нет. Выживай как хочешь... Ну, а как можно выжить? Украина – это богатая сельская страна. Кругом колхозы, склады всякие. В одном месте мы нашли склад с пшеном, в другом с ячменём, в третьем с овсом. В этих складах остались остатки, что немцы не разбазарили, не сожгли и не забрали. Вот так и выживали в голодные времена. А потом к концу лета привезли нам американское питание. Работала такая система «Lend Liza» (Ленд Лиза) – это американские поставки питания. Питание поставлялось через Канаду, Америку, через Север, через Восток, Иран. Это были жестяные банки небольшого раз-

мера, а внутри колбаса. Аромат от неё... Слюнки «текут». Кушашь не отрываясь. Американцы уже тогда, туда все добавки ароматические добавляли, и получалась вкуснятина невероятная. Нам на неделю давали две таких банки.

Среди нас было ещё два старика. Но, как два старика – они были 1920 года рождения, а мы все 1924 года. Их к нам с границы прислали. Они с целого взвода из 30 человек, только вдвоём выжили. А от состава нашего нового взвода из 30 человек к концу войны в живых осталось только 5.

Наступательные операции начались в 1943 году. Это победа под Сталинградом, на Курской Дуге и пошли, пошли... Запомнилась операция по форсированию Днепра. Подошли к берегу и как говорится у Гоголя «... еле птица долетит» – невидно. У нас был толковый инженер, он сказал, чтобы мы сооружали плоты из деревьев, досок, из старых хижин. Мы сделали плоты и перебрались на другой берег. Немец конечно не ожидал. Там была деревня Шиновка. Мы туда потихоньку зашли. Мы уже тогда были опергруппа по операциям. Больше шума, больше гама, больше стрельбы, чтобы не дать занять боевую оборону немцам. Ну, вот так мы сразу на целый километр отхватили деревню у немцев. Удержались. На следующий день мы пошли дальше...

Далее освобождение Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии. Были исключительные бои. Немцы с боями отступали, отчаянно сопротивлялись.

Из освобождения Венгрии вспоминаются сильнейшие бои на озере Болотон. Когда на заднюю сторону Дуная уже переехали госпиталя с ранеными (их там оказалось очень много), немцы ворвались в госпитали, и всех раненных перестреляли. В Венгрии немцы взяли в плен 40 наших солдат. Загнали их в церковь, закрыли. Сами немцы ни одного нашего не тронули, а взяли венгров – ярых противников русских. И вот из этих венгров (мадяров), кто стрелял в наших, кто вилами закалывал прямо в церкви, кто топором головы рубил. А церковь то была католическая. И вот в ней закололи 40 русских людей. Когда наши колонны приехали, то увидели ужасную картину. Впоследствии всех венгров, кто участвовал в казни советских солдат, поймали и расстреляли.

Вошли в Австрию 8-9 мая. К нам подошел наш инженер и сказал, что война закончилась. Мы ему: «Как закончилась? Вот же нем-

цы на «хвосте сидят». Они нам не сдавались и убегали к американцам. 16 мая – огни, стрельба... Мост мы ночью разминировали. Рванули в бой, а утром уже очнулись, на той стороне ущелья.

У меня имеется одно боевое ранение в голову. Я его получил тогда, когда взорвалась мина и осколок, отлетел мне в голову. Он у меня до сих пор в голове. Я как-то раз пошел к врачу, чтобы он мне его удалил, но врач мне посоветовал не делать операцию, иначе могут возникнуть осложнения. Я его послушал. Вот так и живу практически всю жизнь с осколком в голове.

Я награждён орденом «Красной звезды» за занятие плацдарма на Западном берегу Днепра, орденом «Отечественной войны II степени» и тремя медалями «За отвагу», для меня они самые ценные награды. Редко встретишь ветеранов, у которых три медали «За отвагу». Кроме того, был награждён медалью «За боевые заслуги». А вообще, мы ведь когда воевали, не думали ни о каких наградах. Какая награда, когда воюешь. Живым бы остаться.

В подготовке текста воспоминаний оказали помощь студентки 2 курса историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института – *Толочко Юлия Евгеньевна* и *Краус Татьяна Викторовна*.

Астраданцева Татьяна Никитична

Я кричала от ужаса, как не в себе

Я, Астраданцева Татьяна Никитична, родилась 7 августа 1927 года в г. Ачикулаке. Отец, Астраданцев Григорий Трофимович, – мастер на все руки. Мать, Наталья Сергеевна, работала в школе, занималась воспитанием детей. В нашей семье нас было трое: брат Андрей и сестра младшая Людмила. Отец и брат сразу же ушли на фронт.

В апреле 1942 года фронт подошел к Ачикулаку. И я, надев военную форму, ушла с отступающей армией. Дома осталась мать с сестрой. Слезы на глазах так и наворачивались. До конца так и не понимала, что же все-таки происходит, как будто во сне. Кажется, сейчас вот-вот глаза открою и все закончится. Но все только начиналось.

Медленно идёт время в пути, час за часом, накапливается усталость. Одни засыпали на ходу, другие падали, где попало, во время коротких привалов, третьи начинали изобретать болезни. Были среди нас и выносливые, сильные, горевшие желанием скорей попасть в бой. Мы отмеряли километр за километром, каждый старался не отстать, не оказаться слабым. Так минула ночь, наступил рассвет, поднялось солнце. Стала донимать жара, а дороге, казалось, нет конца.

Показалась деревня, на ее окраине стоял колодец. Один или два красноармейца бросились к воде, но их остановили: «Товарищи, имейте выдержку, на нас смотрит народ». Действительно, полдеревни собралось у крайнего дома: женщины с детьми. Вдалеке показались отставшие однополчане. Чем ближе они подходили, тем неприглядней картина: многие едва плелись, а такие молодые! Кто-то натер ноги и теперь поднимал пыль голыми пятками. А как кинулись к колодцу – всей толпой, лезут головами в корыто. Сзади подходят другие, толчая еще больше. Все признаки войны, с ее трудностями, где-то с падением нравов....

Сначала были курсы связиста. Наконец, казарма. Получили новое обмундирование, немного поднялось настроение, когда вместо

ботинок с обмотками выдали кирзовые сапоги. Получили карабины и технику связи. Мне надо было работать на коротковолновой переносной радиостанции 6-ПК. Станешь ее настраивать – сплошной треск, шум, абонента не слышно.

Оказалось трудным дело – использовать теоретические знания в «поле». Мы перестроили свой внутренний распорядок таким образом, что два часа с утра занимались до завтрака, затем завтракали и на шесть часов выходили в поле. Это дало нам возможность рационально использовать светлое время и не держать бойцов около казармы. Но мы встретились с большими трудностями. Пережитки прошлого, шаблон, условности, которые существовали в военном деле, повторяются и сейчас. Особенно это касается тех командиров, которые еще и сейчас хотят руководить вопросами боевой подготовки из канцелярии, из кабинета. Такие случаи есть. Для того чтобы улучшить качество боевой подготовки, мы задались целью выявить опытных командиров, которые бы учили бойцов показом. Это положительное явление, обеспечивающее качество учебы. Затем выявили лучший взвод дивизии, популяризировали его, и потом каждый командир взвода старался вывести свой взвод на уровень показательного. По полковым школам развернули эту же самую работу.

Наконец, начались боевые стрельбы с выходом в поле. Первые результаты порадовали. Вспоминаю, как после стрельб строили шалаши, уставшие, но довольные пели: «Мой костер в тумане светит...». Майор угощал командиров хорошими папиросами. Он и комиссар полка Андреев умели поднять настроение и относились к нам, молодым, по-отечески...

Всех нас, конечно, интересовал вопрос: «Куда же мы попадем, на какой участок фронта?» Строили самые различные предположения. Я была направлена на Юго-Западный фронт радистом. В 771-м стрелковом полку служить много девушек, но большинство мужчин. Вложив на свои плечи нелегкую военную службу, я старалась ни в чем не уступать мужчинам. Дежурила по 12 часов в сутки. Было очень тяжело, очень хотелось спать, было страшно.

Шесть часов утра, погожее летнее утро, почти все еще спят. Вдруг резкий грохот потряс состав. Я выскочила из вагона, и, падая на зем-

лю, заметила в небе два немецких самолета. Одна бомба угодила в вагон, где ехали семьдесят пять человек, вторая в теплушку с лошадьми, третья ударила в рельс второго пути, да так, что кусок рельса вырвало, а концы загнулись, как салазки. Из эшелона высыпаются бойцы, бегут врассыпную в лес. Когда самолеты улетели, пошла в голову состава, где упали бомбы. В вагоне с людьми бомба пробила крышу и пол, кругом исковерканные трупы. Один убитый висел под вагоном головой вниз, глаза остекленели от ужаса и слезы просто сами стали лить ручьем и я кричала как не в себе... Весь вагон был в кусках человеческих тел, жутко смотреть. В конском вагоне месиво из мяса и костей. Половина туши лошади валяется под колесами, а другую половину выбросило взрывом. У нее нет передней ноги и осколками разворочен живот. До сих пор в памяти глаза этой лошади, полные слез. А солдаты гибли, как животные... ужас... хотелось кричать и кричать...

А к станции на носилках несут раненых. Впереди горит вагон, но его никто не тушит: все потрясены внезапной бомбежкой и смертями. Кто-то кричит: «Спасайся! Снаряды горят!» Все снова бегут кто куда. Страшный взрыв – на месте вагона огромная дымящаяся яма. Почти одновременно раздался второй взрыв. Огонь и куски металла падают, над ним вспыхивает столб огня. Снова взрыв, и, наконец, тишина. Подхожу к лежащему на земле бойцу. Лежит лицом вверх, ноги скрестил, лицо закрыл руками. «Вставай, парень!» – говорю. А присмотрелась: «Батюшки! В голове кровавая яма!» Так и не доехал до фронта. Автобусы увозят раненых, убитых закопали на этой безвестной станции. И снова команды: «По вагонам!». Гудок паровоза и нарастающий перестук колес... это было жестокое зрелище, когда ты этого не ожидаешь и тут на тебе... смерть и кровь это конечно очень страшно... Мы прибыли первыми, не было никакой связи ни с командованием дивизии, ни с местными властями. Я не смогла наладить связь, так как от нее почти ничего не осталось.. Отвели полк в леса и стали ждать своих. Только на четвертый день прибыл эшелон с командиром дивизии.

Эти дни были особенно тяжелы своей неизвестностью. Перед штабом дивизии стояла тогда масса проблем. Главное – нужно было

собрать дивизию в кулак, а ее эшелоны растянулись на сотни километров. Голова была тут – это мы, а хвост еще только выехал. Представьте себе положение полковника, фронт приближается, а дивизии нет. Нервотрепка и напряжение были страшными. А на дорогах бомбежки, связи так и нет. И на меня кричали, ну делай же что-нибудь, ты же можешь. Обстановка на Западном фронте в конце июня – начале июля 1942 г. была очень тяжелой.

На улицы выбегали жители, выносили молоко и хлеб. Но не успели части расположиться на привал, как налетели немцы, поливая село огнем из пулеметов. Машины, повозки, упряжки с орудиями – все стали разъезжаться по сторонам, бойцы укрывались за стволами деревьев. Загорелись хаты. Застонали первые раненые. Но этот налет вражеских самолетов не остался безнаказанным: дружным огнем мы старались дать им отпор. Помню, как мы как-то подбежали к упавшему немецкому самолёту, вытаскивали летчика, и удивлению наших солдат не было предела: это была женщина! Да такая нахалка – кусается, царапается, ругается... Нелегко было сохранить боевой дух частей дивизии, когда навстречу идут и идут группы измученных окруженцев, и только и слышно: «Танки! Десанты! Немец прет!» До начала нашей атаки гитлеровцы сбросили небольшой десант диверсантов. Основная часть десанта попала в боевые порядки и была расстреляна еще в воздухе. Некоторые укрылись во ржи и в роще и потом немало навредили, нарушая связь. Один такой диверсант пристроился к моей линии связи и предложил сдаться, а взамен пообещал, если за меня ему дадут денег, поделиться со мной. Бойцы приволокли этого нахала. Отправили его в штаб дивизии, но конвойные не довели, пристрелили.

Когда привели первого пленного немца-диверсанта, мы сбежались смотреть на него, как на медведя. Здоровый, волосы, как рожь, с виду русский, смотрит нагло. Переводчик пришел, спрашивает его, тот молчит. Подумали, может быть, он финн, побежали искать, кто финский знает, а он по-русски, как вдруг крикнет: «Гитлер победит!». Нас такое зло взяло, что кто-то врезал ему хорошенько. Таковую наглость, несмотря на наш гуманизм, стерпеть было невозможно.

Вспоминается, сначала тишина мертвая. Вдруг в стороне рявкнет наша гаубица, за ней другая. По воздуху с шелестом полетели снаряды. И – взрывы! Красиво было смотреть. Но не долго было чувство романтики: загорелись дома в деревне, по полю пшеницы побежали немцы, зажужжали мины, начала стрелять наша пехота. Запахло смертью, настоящим адом...

Мне довелось идти в первой цепи четвертой роты. Атака была дружной, мощной. Немцы сначала растерялись, но потом открыли сильный пулеметный огонь. Мы залегли, но тут же с возгласами «За Родину! За Сталина!» поднялись и ринулись вперед. Добежали до первых домов деревни, немцы отступают, на ходу ведут огонь, потом уже побежали, изредка оглядываясь. Кругом убитые, раненые, горят дома, машины. Перебежав к роще, немцы залегли там, но мы вышибли их и оттуда. Азарт у всех был просто неопиcуемый... На сближение с противником мы шли всю ночь, в самую непроглядную темноту вышли на поле, тут нас обстреляли немецкие мотоциклисты, но быстро укатили. Помню, как идет навстречу солдат с оторванным подбородком, весь в крови. Еле поняла, что он хотел сказать: «Где санчасть?» Остался ли он жив? Не знаю даже.

За установление связи в Донбассе награждена медалью «За боевые заслуги» при наступлении на г. Краков была назначена начальником радиостанции.

Еще свежи в памяти моей события войны, как гибли и просили о помощи солдаты... простые люди... Нам повезло на командиров. Полковник прекрасно знал свое дело, опытный методист-воспитатель, очень выдержанный, спокойный человек. Начальник штаба капитан пользовался в полку авторитетом. Он никогда не повышал голос, всегда разберется, обдумает решение, никогда не бросал слов на ветер. Штабную работу он знал прекрасно, умел хорошо организовать любое сложное дело. Уважали в полку и комиссара Петра Александровича Васильчикова. Человек большевистской закалки, он сумел быстро завоевать авторитет и любовь личного состава полка.

Наши земляки сражались на разных фронтах. Я знала многих земляков, кто не вернулся с войны. Каждый из нас достоин памя-

ти. Жизнь каждого уникальна и неповторима. Все они будут для нас своих потомков, примером стойки, мужества и беззаветной любви к своему Отечеству.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 5 курса историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Волобуева Юлия Сергеевна*.

Борковский Леонард Мичиславович

Иных уж нет, а те далече...

Я, Леонард Мичиславович Борковский, родился 8 мая 1926 г. в Украине, в селе Буртын, расположенном в Волынской области Полонского района. Моя жизнь была, в основном, драматической, если не сказать трагической. По национальности я поляк, но родился и вырос в СССР. Как мои предки оказались в России, я, к сожалению, не знаю, и от этого мне становится даже несколько стыдно.

Когда мне исполнилось пять лет, наш отец Мичислав вместе с семьей, включая маму и пятеро моих братьев, был вынужден уехать на Кавказ, поскольку на Украине началась коллективизация, и друзья предупредили отца о том, что им всерьез заинтересовалось НКВД. Но здесь, на Кавказе, сразу стало известно, что мы поляки. На Украине на это правда, мало обращали внимание, ведь там мы жили почти у польской границы. А здесь почему-то это вызвало негативную реакцию. Поначалу нам вроде ничего не угрожало, и мы, будучи детьми, ни о чем не подозревали. А родители не хотели посвящать нас в свои тайны, да и нам лучше было бы их не знать.

Так в 1935 году, оставив прежнее место жительства, мы переехали в село Новоблагодарное. Отец устроился работать в колхозе бухгалтером, а мама занялась детьми. Здесь родился наш седьмой брат Жора. Постепенно, с разницей в два года, мы стали ходить в школу. Все было, вроде бы, нормально и ничего не предвещало беды. Между тем отцу все чаще стали говорить, чтобы он уезжал отсюда, иначе его рано или поздно посадят в тюрьму. Но мой отец, не боясь никаких угроз, отвечал: «Никуда я не поеду, я не преступник и ни в чем, ни виноват!».

И вот нагрянул 1938 год. Это был страшный год не только для нашей семьи, но и для всей России. Начались массовые репрессии

и моего отца нашли-таки в чем обвинить. Его арестовали, обвинив в шпионаже в пользу Польши. Но как простой сельский бухгалтер мог быть шпионом? И мог ли он иметь доступ к какой-либо секретной информации? Конечно же, нет! В августе 1938 года отца увезли в район и судили по 58 статье, как «врага народа», приговорив его к шести годам лагерей. С тех пор мы больше его никогда не видели. А за что его забрали? За какие такие провинности? Этого я до сих пор понять не могу!

Для нашей семьи настали тяжкие «черные дни». Мама в это время не работала, и мы остались, как говорится, у «разбитого корыта». Ни отца, ни жилья, ни еды, ни одежды. С того момента наша жизнь на какое-то время утратила всякий смысл. Я и вся наша семья в один миг тоже сделалась «врагами народа». Но самое страшное было то, что мы остались без отца, и впереди нас ожидала полная неизвестность. Мы стали буквально нищими, всеми презираемыми и всеми гонимые. Всякий раз, когда я вспоминаю о тех временах, тело холодеет от ужаса и страданий, которые нам довелось пережить. Со мной и моими братьями никто не хотел разговаривать. нас обходили стороной и даже побаивались, ведь мы тоже были якобы «врагами народа» и никто не хотел пятнать свою репутацию. Жить полякам среди русских с таким клеймом было невыносимо.

Однажды я шел вечером по селу. Навстречу мне верхом на лошади ехал какой-то мужик. Увидев меня, он вдруг закричал: «А, поляк, враг народа, дави его!». После этих слов он пустил лошадь прямо на меня. Мне ничего не оставалось делать, как прижаться к забору и, что есть мочи, звать на помощь. Но окружающие лишь хохотали, и никто даже не заступился за двенадцатилетнего мальчишку.

Еще я вспоминаю, как меня с моим меньшим братом, окружили деревенские пацаны и начали стегать нас кнутами, приговаривая: «Бей поляка, бей поляка!». Нечто подобное повторялось постоянно, и каждый случай был печальней другого. Поэтому мы были вынуждены вновь сменить место жительства и уехать туда, где нас не знали.

В конце 1942 года наша мама перевезла нас в хутор Водопад, расположенный в восьми километрах от Пятигорска, где проживали наши двоюродные родственники. Кроме места жительства я, как и

мои братья, был вынужден сменить свое имя, и стал отныне Леонидом Дмитриевичем. Я везде говорил, что я русский и так русским ушел в армию, а затем на фронт, и никто даже не догадывался о моем польском происхождении.

После ареста моего отца прошло где-то четыре года, которые отложили свой отпечаток на наши судьбы и наши характеры. Казалось бы, после такой несправедливости по отношению к нам, мы должны были озлобиться, возненавидеть страну, людей, но к счастью, этого не произошло.

Нас ненавидели, как настоящих «врагов народа», а мы же ненавидели только свою нищету, которая так мощно обрушилась на нашу большую семью. Чувство Родины также не утратило для нас своего значения. И хотя высшее руководство страны покоряло и всячески унижало своих людей, ему не удалось сломить нашей веры и нашего духа.

Наступил 1941 год, и страну всколыхнула страшная весть – началась война, которую народ назвал Отечественной. Впервые о войне я услышал от жены нашего бывшего счетовода Павленко. В свое время, уже будучи офицером, он переехал в польский город Белосток, и впоследствии, обустроившись, перевез туда свою жену. Когда началось немецкое наступление, он в первый же день решил отправить жену обратно в Новоблагодарное. До места она добиралась почти неделю, а когда приехала в село, то сразу сообщила всем о начавшейся войне. Услышав эту весть, вокруг нее сразу собралась большая толпа из местных жителей. Тогда вместе со своими родными я и узнал о том, что началась война. Слушая ее рассказ, некоторые женщины начинали плакать и рыдать, и по их лицам можно было понять, что произошло что-то действительно страшное.

Люди, естественно, засуетились, забегали. На моих глазах женщины со слезами провожали на войну своих мужей, сыновей и дочерей. А старики собирались группами и обсуждали разные вести, вспоминая события Первой Мировой и Гражданской войны. Они говорили, что далеко немец не пройдет, и мы его разобьем, а в это время он уже всю топтал Белорусскую и Украинскую земли.

Страшное слово «война» ворвалось тогда в каждый дом, но я еще не знал, что это такое и для многих она была необъяснимым и нео-

писуемым событием, в одночасье всколыхнувшим все население нашей страны. Я помню, как на призывных пунктах выстраивались целые очереди добровольцев, и повсюду громко звучала песня:

...И на вражьей земле
Мы врага разобьем,
Малой кровью,
Могучим ударом.

И как нам хотелось верить в эти слова, но, увы, ведь разбить врага малой кровью не получилось.

Два моих старших брата отправились на войну, а я вместе с матерью и еще четырьмя братьями, остался в селе и до призыва в армию продолжал работать в колхозе. Правда, нынешнему поколению, не очень понятно, что это такое, и я желаю ему никогда не узнать, чем был советский колхоз в те годы. Ведь за труд нам платили не деньгами, а так называемыми «трудоднями», которые в последующем обменивались на сельхозпродукты. Расчет производился только в конце года, а все остальное время, как хочешь, так и живи. Поэтому выживать приходилось по-разному. И часто бывало так, что весь свой заработок за целый год можно было увезти на одной небольшой телеге.

В 1943 году мне было неполных семнадцать лет. В стране еще полыхала война, и где-то в глубине души я тоже готовился к ней. Годы мои подходили к призывному возрасту, но время еще было.

Я хорошо помню, как 1 мая 1943 г. решил вместе со своим другом Володей и двоюродным братом Филиппом отправиться в Пятигорск. В советские времена Первомайский праздник всегда отмечали с особым размахом: устраивались грандиозные шествия с лозунгами, плакатами и портретами «выдающихся» личностей. В городе было весело, но не всем. Идя в Пятигорск, мы наивно думали, что нас будто бы кто-то ждал. Правда, по одному нашему внешнему виду можно было сразу понять, как мы жили. У меня даже не было обуви и, чтобы не идти в город босиком, я одолжил у кого-то старые тапочки. Пиджачок на мне тоже был чужой и изрядно поношенный. А мне казалось, что я оделся довольно прилично для такого мероприятия. В тот день мы долго гуляли в парке «Цветник», но нам было, почему-то, не до веселья. В кармане

у нас не было ни гроша, так как наших денег едва хватило на то, чтобы сфотографироваться у грота Дианы. Теперь, глядя на эту фотографию спустя много лет, я понимаю, что мы, полунищие сельские ребята, были будто чужими на этом празднике и никому до нас не было никакого дела.

Меня забрали в армию 3 января 1944 года. До этого меня призывали уже три раза, но всякий раз, когда я приходил в пятигорский военкомат, меня почему-то отправляли обратно домой. На четвертый раз меня уже призвали по-настоящему. Я даже помню, как перед отправкой в часть, нас всех повели в баню, расположенную рядом со зданием военкомата, а всю нашу одежду отправили на дезинфекцию. Когда мы закончили помывку, было уже поздно и нас решили расположить на ночевку в двухэтажных бараках, на противоположенной стороне от военкомата, которые, впрочем, стоят там и по сей день и мимо которых я прохожу с особым чувством ностальгии, навевающим на воспоминания былых лет.

Станица Солдатская, куда нас повезли, находилась в 90 км от Пятигорска. Там нас разместили в казармах, которые располагались прямо в коровниках, и чтобы в них вселиться, нам сначала надо было выгнать оттуда весь скот. Коек у нас, естественно, не было, и спать приходилось на траве, соломе, камышах или еловых ветках. В общем, каждый из нас сам заботился о своей постели.

Рацион нашего питания был весьма скудный. На первое нам давали перловый суп, а на второе – перловую кашу, порция которой ограничивалась двумя столовыми ложками. На день нам выдавали всего двести грамм хлеба, а на третье у нас был чай. Еще нам, конечно, давали компот, но это было редко. Поэтому, как только мы выходили из части, то по возможности шли с товарищами на базар и покупали за пятак у местных бабушек домашние пирожки, которые, как говорится, уплетали за обе щеки.

Вместе со мной в части служило пять моих земляков с хутора Водопад, и в наших отношениях всегда присутствовало особое чувство землячества, которое помогало нам выжить в суровых условиях военного времени. Но это не значит, что мы обособливались по этому принципу. В армии мы все были товарищами, единым коллективом. Хотя и здесь бывали всякие мелкие стычки. Но это было

настолько незначительно, что все сразу же забывалось. А что касается фронтовых лет, то они сплотили людей в армии еще больше, и после войны мы вообще были как одна семья.

Однажды нам сообщили, что мы должны отправиться на какие-то полевые учения и в связи с этим приказали собрать вещевые мешки. В станице Солдатской нас посадили в грузовые вагоны-телятники и повезли в неизвестном направлении. Тогда мы все были уверены, что действительно едем на учения, ведь мы были в армии и разного рода сборы, стрельбы и выезды на местность были там привычным делом.

Нас было сорок человек. Высадили нас в Чечне, неподалеку от села Ачхой-Мартан. По-прежнему, ничего не зная о намерениях высших военных чинов, мы все были размещены в казарме. А следующей ночью нас по команде неожиданно подняли с кровати и приказали построиться. В помещение зашел представитель в гражданской форме и объяснил, что мы приехали сюда для того, чтобы высылать чеченцев, которые якобы ожидали прихода немцев и в честь этого события уже готовили Гитлеру некий подарок.

Тем же утром, в День Красной Армии, нас всех вывели на улицу и вновь приказали построиться. Все тот же человек в гражданской форме рассказал, как мы будем действовать и что конкретно мы будем делать. Он объяснил, что сначала мы должны заняться строевой и тактической подготовкой, а по сигналу ракеты должны растянуться и перекрыть местность у села Ачхой-Мартан.

Перед этим нам выдали достаточно много патронов, и мы были при полном боевом снаряжении. Когда мы увидели ракетный залп, то тут же растянулись в линию и отцепили указанный нам район. Между тем, в село уже приехали внутренние войска и сотрудники НКВД. Всем чеченским мужчинам от 16 лет до этого объявили, что они должны были собраться в общем порядке и отправиться на строительство укреплений и окопов. Им сказали иметь при себе кирки, лопаты, ломы и другой рабочий инвентарь, необходимый для работ в горной местности. Чеченцы знали, что в стране шла война, и поэтому послушаться приказа они не могли.

Утром 23 февраля 1944 года вереницы мужчин, неся на плечах разный инструмент, потянулись на сельскую площадь. Когда все

чеченцы собрались в одном месте, село тут же со всех сторон было окружено солдатами, и на площадь въехала тачанка с пулеметом. Поднять какой-либо бунт или оказать сопротивление безоружные чеченцы, разумеется, уже не могли, и работники НКВД, которых в народе называли «краснопогонниками», поспешили приступить к массовой депортации «неблагонадежной нации».

Чеченцев выстроили в строй и под ружьем повели на вокзал. Там их затолкали в грузовые вагоны, и, заколотив двери досками, отправили куда-то в Казахстан. Как потом выяснилось, их высаживали прямо посреди безлюдных степей и цинично заявляли: «Выживите – будите жить! Нет – подыхайте!».

Вся эта операция по выселению чеченского народа держалась в тайне буквально до последнего дня. И если бы чеченцы узнали, что их собираются выселить, я думаю, они наверняка бы ушли в горы и смогли спастись. Но поскольку они не знали о коварных намерениях советского правительства, все это стало для них полнейшей неожиданностью.

Когда мужчин отправили на вокзал, солдаты вернулись обратно в село и принялись выгонять из домов их семьи. В село подогнали несколько тракторов, к которым были прикреплены громадные листы железа. На них военные приказали чеченцам грузить свои вещи, но брать разрешали только самую малость. Всем кто не слушался, «краснопогонники» угрожали расправой. Народ был в панике и смятении от происходящих событий. Отовсюду слышался женский плач, ропот старух и детские крики. Все это зрелище было ужасным, и смотреть на него без тяжести в сердце было нельзя.

К пяти часам вечера село словно вымерло, и после этой чудовищной зачистки в нем не осталось ни одного человека. Тогда мне еще особо запомнилось, как вечером Ачхой-Мартан был встревожен собачьим воем. Почувяв беду, преданные животные продолжали лаять и выть всю ночь и они, наверное, понимали, что их хозяева уже не вернуться. Но никто, разумеется, не проявил к собакам никакого сострадания, и на утро нам было приказано их перестрелять.

Так же в селе осталось много овец и баранов, которые огромными стадами, похожими на тучи, бесхозно бродили по округе. Правда, чтобы весь этот скот не пропал, в Ачхой-Мартан из Курска были

направлены отряды молодых девчонок, которым поручили остаться в селе и ухаживать за всей этой скотиной. А мы, спустя какое-то время, вернулись обратно в станицу Солдатскую, где нам предстояло продолжить нашу службу.

В итоге после девятимесячной военной подготовки, вместе с другими ребятами, 1 сентября 1944 года нас отправили на фронт. И это уже был особый период в моей жизни, разделивший ее на «до» и «после», ведь военные годы, проведенные на фронте, наложили неизгладимый отпечаток на всех, кто через них прошел.

На фронт нас отправили тоже из станицы Солдатской. Как и прежде, нас погрузили в вагоны-телятники и отправили в путь. До пункта назначения мы ехали где-то пятнадцать дней, и дорога эта была весьма изнурительной.

Я знал, что нас везут в Польшу на пополнение 1-го Украинского фронта, который освобождал ее от фашистов, и надо было понять мои чувства. Ведь я впервые ехал на мою историческую Родину, и ехал не просто так, а для борьбы с ее оккупантами. Это было непередаваемое, волнительное и светлое чувство, переполнявшее меня изнутри. Чем ближе мы подъезжали к границе, тем тревожнее становилось у меня на душе. Я боялся, что мы пересечем границу Польши ночью и тогда я просплю самый волнительный момент в моей жизни. Но мне повезло, и мы пересекли границу в два часа дня. Я высунулся из двери поезда и, как говорится, смотрел во все глаза.

- Эй, люди, посмотрите сюда! Это я, поляк, я понимаю ваш язык, эй! – хотелось кричать мне во весь голос, но мои товарищи вряд ли поняли бы такую выходку, и от этого мне стало несколько не по себе.

Я сел обратно на солому, которой был устлан вагон, и опустил голову. Сослуживцы спрашивали меня, что случилось, а я отвечал, что меня просто мучает сильная изжога. А что еще я мог им сказать?

Так мы ехали еще два дня и, наконец, нас высадили ночью на каком-то полустанке, названия которого я уже и не помню. Прошагав по территории Польши еще 70-75 километров, мы оказались перед красавицей Вислой. Эта река сразу очаровала и поразила меня. Она тихо несла свои воды по польской земле, поражая своей красотой и изяществом, с которым она так органично вписывалась в окружающий ее ландшафт.

Но теперь, после жутких боев, ее берега были завалены сгоревшими танками, разбитыми пушками и другим металлоломом. Вся местность была изрыта воронками, дома были сожжены, а некоторые еще дымились. Картина была ужасной. Нам сказали, что два дня назад здесь был жесточайший бой, после которого весь фронт надолго встал в оборону. Этот район тогда назывался девятым сталинским ударом.

В этот же день мы переправились по понтонному мосту на другой берег Вислы и вышли к селу, которое русские называли Двигозы. Расположено оно было в большой долине и окружено красивым лесом. Но людей в селе мы не видели, так как во время боев многие покинули свои дома и попрятались в подвалы или землянки. Уставшие и голодные, мы расположились в самом начале села на левом склоне долины.

На следующий день нас всех выстроили и велели двигаться на близлежащее поле. Оказалось, что работники НКВД и военно-полевой суд решили устроить показательную расправу над «изменником». Весь этот фарс был, пожалуй, устроен для того, чтобы запугать новоприбывших солдат и показать, что случается с теми, кто предает Родину. Фамилия несчастного была Осадчий и вся его вина заключалась лишь в том, что он побывал в немецком плену. Но разве можно считать этот суд справедливым и объективным? Конечно, нет! Ведь человек просто побывал в плену, и, бежав, хотел лишь вновь присоединиться к своей войсковой части. Но суд был безжалостным и жестоким.

- Признаете себя виновным? – спросил судья.

- Нет, – с дрожью в голосе ответил подсудимый, – пощадите, у меня дети. Отправьте меня в штрафную, – умолял он, – я оправдаю!

Но судья в военной форме начал зачитывать приговор. Он читал его с невероятно холодным чувством, читал, чуть ли не по буквам, выговаривая каждое слово так, будто бы боялся пропустить что-то главное. В конце, после небольшой паузы, прозвучало это страшное слово «расстрелять!».

Наступила мертвая тишина. Подсудимый упал на колени, но стоявший рядом офицер, грубо отдернул его за воротник и повел в сторону кустарника. Приговор был тут же приведен в исполнение. Так

без всякого права на защиту мнимый «изменник» был убит. Несчастного застрелили прямо у нас на глазах, выпустив пулю ему в затылок. А перед этим обвиняемого заставили лично копать себе могилу.

Военно-полевой суд думал, что таким образом он до смерти испугает необстрелянных восемнадцатилетних юнцов и заставит их в дальнейшем беспрекословно подчиняться любым приказам. Но этим судилищем военные лишь еще раз показали, чего на самом деле стоили людские жизни для советского руководства.

После этого жуткого зрелища нас расположили во дворе одного из домов. Там стояла телега с едой, лежали бревна и доски, на которых сидели солдаты и, гремя котелками, ели кашу с салом. Вкусной эту еду назвать было нельзя, но ничего другого у нас не было, и поэтому никто не жаловался.

Я, как и все солдаты, подошел к телеге и взял полагающуюся мне порцию. И тут неожиданно прогремел какой-то мощный взрыв, и, испугавшись, я сонулся. Меня всего осыпало землей, но, к счастью, я не пострадал. Этот взрыв был произведен снарядом, выпущенным из немецкого миномета. Так получилось, что разлетевшиеся осколки никого не задели, и пострадал только один солдат. В этот день мне так и не удалось нормально поесть, так как я вырлил свой котелок, и мою кашу смешало с землей.

В селе Двиказы мы прожили еще три дня. В сарае, в котором нас разместили, пахло свежей соломой, а сквозь щели внутрь пробивались холодные осенние лучи заходящего солнца. Я подолгу лежал и, вдыхая этот чудный аромат, напоминавший мне о чем-то родном и близком, выходил во двор лишь для того, чтобы наполнить свой котелок очередной порцией перловой крупы, которую мы называли «конский зуб».

Через три дня явился старшина и приказал нам собрать вещи и проследовать за ним. А что нам было собирать? Кинул вещмешок за плечи и пошел. На улице уже вечерело. Мы шли тихо, не задавая никаких вопросов. Итак, все было ясно – впереди линия фронта. В тот момент я, конечно, думал о жизни. Я был еще молод, и мне хотелось жить, ведь я даже ни разу не целовал девчонку. И таких как я были тысячи, и каждый из нас мог легко умереть. Но зачем? Почему? Чтобы погибнуть, не прожив и восемнадцати лет?

Для чего же я тогда родился? Неужели для того, чтобы умереть? С такими грустными мыслями, опустив голову, я шагал за старшиной.

Мы вышли из долины и оказались на ровном, как стол, поле. Синяя даль распростерлась перед глазами, и где-то вдалеке уже показался темный горизонт. Мне стало немного жутко. И тут над нашими головами внезапно засвистели пули. Пытаясь понять, откуда они летят, мы завертели головами, но тут же услышали чей-то крик: «Ложись!». Мы как подкошенные рухнули на животы и прижались к земле, а пули продолжали рассекать воздух. Но тут все стихло, и мы услышали впереди чей-то звучный хохот. Мы присмотрелись и, наконец, поняли, что это солдаты, копающие окоп, решили таким образом подшутить над новоприбывшими. Но мне и многим другим эта шутка показалась очень глупой и злой. И только когда мы спустились в траншею, камень упал с моего сердца. На душе стало невероятно легко и меня уже, похоже, ничто не страшило.

Поскольку в течение пяти месяцев фронт стоял в обороне, то нам пришлось хорошо окапываться, и мы каждый день работали лопатами, врываясь в польскую землю. Когда мы рыли окопы, я мысленно повторял одну фразу, напоминающую чем-то молитву: «Моя историческая, родная, оберегай своего блудного сына».

Когда земляные работы были окончены, меня и еще некоторых новоприбывших отобрали в специальный отряд боевого охранения, позиции которого располагались на двести метров дальше от основных окопов. Здесь мы тоже должны были хорошо окапаться и занять оборону. В случае нападения немцев мы должны были первыми принять их удар, и тем самым возвестить наши основные силы об атаке.

Когда я заступил на службу в этот боевой отряд, у меня даже не было никакого оружия. По своей же военной профессии я был стрелком ПТР (противотанковое ружье), но на передовой этих противотанковых орудий не оказалось. Кроме того, мне даже не дали обычной винтовки, так как в то время на фронте по-прежнему был дефицит оружия. Поэтому я еще четыре или пять дней ходил без оружия, и если бы враг напал, то, наверное, мне пришлось отбиваться от него голыми руками. К счастью, мне все же выдали винтовку.

Здесь в отряде боевого охранения меня назначили на должность связиста, и моей главной задачей теперь было наводить связь, которая являлась в армии жизненно необходимым элементом.

В наступление наши войска перешли 12 февраля 1945 года. Начались по-настоящему жаркие и кровопролитные дни, в ходе которых я потерял ни одного товарища.

Моя работа фронтового связиста была не из легких, так как здесь, в первую очередь, надо было иметь хорошую реакцию. Пехота, к примеру, получала команду «встать», «бегом» и «ложись», а я получал лишь команду «встать» и «бегом». Команды «ложись» для меня попросту не существовало, потому что я должен был сматывать и разматывать кабель, длина которого была где-то семьсот метров и катушка, на которую он был накручен, весила немало. Я, естественно, не поспевал за солдатами, и в каком именно направлении они ушли, мне было не известно. Можно сказать, я двигался за ними лишь по какой-то внутренней интуиции. Когда я их догонял, всем опять давалась команда «ложись», а я должен был вновь разматывать провод, и во что бы то ни стало наводить связь, а над головой то и дело свистели вражеские пули и пролетали снаряды.

И я могу по праву гордиться тем, что волей судьбы мне довелось освободить мою историческую Родину от фашистских оккупантов. И это несмотря на то, что мне тогда исполнилось всего восемнадцать лет.

Ранило меня 14 февраля 1945 года под польским городом Краковым. Осколок пробил мою солдатскую каску и, оставив в ней квадратную пробоину, застрял у меня прямо в черепе. Если бы не каска, то это ранение могло стать смертельным. Лечение я проходил в одном из полевых госпиталей города Глогу, который немцы называли Глогау и который теперь принадлежит Польши. В госпитале я пролежал где-то недели две, и считаю, что мне еще крупно повезло, так как мое ранение оказалось не таким тяжелым, и я быстро шел на поправку.

Когда я был в команде выздоравливающих, к нам в госпиталь приехали представители из различных воинских частей, которых мы называли «покупателями». В зенитной артиллерии тогда была острая нехватка людей, потому что люди гибли, а новых им не присылали и большую часть солдат зачастую определяли на пополнение во фронтовую пехоту. Так же на передовой не хватало танкистов и полевых артиллеристов. Поэтому «покупатели» были вынуждены

ходить по госпиталям и искать себе новые кадры. А поскольку я был ранен и не знал, куда конкретно двинулась моя часть после наступления, меня было решено взять в артиллерию. Таким образом, я попал в зенитный полк.

В городе Сандомере нам еще довелось какое-то время вести огонь по немецким самолетам, но тогда их уже было очень мало и позже мы перебазировались в другой польский город Ченстохова.

Там наш зенитно-артиллерийский полк продолжал нести свою боевую службу. По тактическим соображениям во время войны повсеместно создавались разведывательные посты, с целью предупреждения атаки вражеской авиации. Я как раз был назначен командиром такого поста. Там нас было четыре человека. Война к тому времени шла к своему логическому завершению, и многие с нетерпением ждали объявления победы, потому что она была очевидна и, похоже, ни у кого уже не было сомнений в том, что фашисты в скором времени капитулируют.

В ночь на 9 мая 1945 г. я дежурил у телефона. Около шести часов утра раздался звонок из дивизиона. Звонила дежурная телефонистка.

- Дежурный по НП-4 слушает, – сказал я.

- Поздравляю! – закричала в трубку дежурная.

- Ты что орешь? – возмутился я.

- Победа, победа! – воскликнула радостным голосом телефонистка.

И несмотря на то, что мы ждали победу, я еще не мог поверить в услышанное. Трудно было воспринять то, чего мы с нетерпением и надеждой ждали на протяжении долгих четырех лет!

- Не верю! – вдруг заявил я. – Позови лейтенанта!

Телефонистка ушла, а я, держа трубку, ждал, когда же к аппарату подойдет лейтенант. Тогда мне почему-то показалось, что вместо нескольких минут, прошла целая вечность и что к телефону больше никто не подойдет.

- Ну что же лейтенант не подходит к телефону! – вслух возмутился я и тут же услышал на другом конце провода его голос.

- Фома ты неверующий! – закричал в трубку лейтенант. – Коли говорят тебе победа, значит победа!

- Ура-а-а-а! – наконец закричал я, и, казалось, что меня слышал весь мир.

Мои сослуживцы вскочили со своих постелей и, не жалея патронов, начали стрелять в воздух. Что там творилось, словами, пожалуй, не передать, ведь в то утро вся Польша буквально вскочила на ноги! Люди живым потоком хлынули на улицы городов. Они поздравляли друг друга, горячо обнимали, плакали, пили и радовались изо всех сил. Так к нам пришла весть об окончании Великой Отечественной войны.

В августе того же года нас повезли домой. Остановились мы в украинском городе Дрогобыч, неподалеку от Львова. Здесь я прослужил еще целых пять лет. В 1950 г. я был демобилизован и ушел на гражданку. Я был рад окончанию службы и тому, что боевые годы осталось уже далеко позади, но вместе с тем, мне было очень жаль, что мои старшие братья так и не смогли вернуться с войны и переступить порог отчего дома.

Первый мой старший брат, Болеслав Мичиславович Борковский (1920-1941), за свою недолгую жизнь успел поработать продавцом в магазине, учителем начальных классов в школе и, естественно, большую часть своего времени работал в колхозе. С началом войны Болеслав, как и многие другие добровольцы, обивал порог призывного пункта, но его не брали из-за болезни. Наконец, он добился своего, и вступил в ряды советской армии. Там, где он проходил военную подготовку перед отправкой на фронт, набирали добровольцев в польскую армию им. Костюшко, и Болеслав подал туда свой рапорт. Это было в 1941 году. По требованию Польского правительства, которое располагалось в Англии, их армию перебрасывали через Египетскую пустыню в Англию, но там она попала в такую жесточайшую схватку с немцами, что от многотысячной армии осталось только 700 человек. Там и погиб мой брат Болеслав.

Второй мой старший брат, Анатолий Мичиславович Борковский (1922-1942), после окончания семи школьных классов уехал на учебу в Омск в сельскохозяйственный техникум. Правда, проучился он там недолго. Голод и холод, как говорится, заставили его искать другие жизненные пути. Толик бросил техникум и перешел учиться в военное училище. Там он, наконец, получил каждодневное питание, жилье и, конечно, обмундирование. Я считаю, что он поступил правильно. Там он получил звание лейтенанта, но еще не подозревал, что че-

рез пару дней его отправят на фронт. Война тогда была в самом разгаре, и немец был уже под Москвой. Там и погибло большинство молодых лейтенантов, в том числе и мой дорогой брат Анатолий.

Также от фашистской руки погиб и еще один мой брат, Стефан Мичиславович Борковский (1924-1943). Стефан по своей натуре был вольным человеком. Он готов был на подвиг и часто необдуманый, сначала делал, а потом думал. И это он сумел доказать в жизни, когда не побоялся утащить из-под носа у немцев тушу барана. В нашем селе у Стефана был один душевный друг, которого звали Иван Уральский. И я начал замечать, что они стали часто уединяться в сарае и что-то подолгу обсуждать. Как потом выяснилось, друзья обсуждали план террористического заговора против немецкого коменданта. После неудачного покушения Стефан и Иван были тут же арестованы нашим участковым Удовенко, который в свое время, в 1938 году, участвовал в аресте нашего отца. Стефана посадили в Пятигорскую тюрьму, располагавшуюся под горой Машук. А в 1943 году, когда немцы отступали из Пятигорска, они зверски умертвили Стефана и других заключенных. Это была страшная смерть. Всех арестованных фашисты загнали в большую яму с негашеной известью и залили водой.

И мне всегда хотелось спросить у советского руководства: «А могли ли «враги народа», каковыми нас считало правительство, отдать четырех из семи своих сыновей на защиту Родины, трое из которых погибли, защищая Отечество, которое было к ним так жестоко и несправедливо?»

Еще трое моих братьев Саша, Володя и маленький Георгий, которые по возрасту еще не могли попасть на войну, пережили ее в тылу, помогая фронту своим детским трудом. Но ярлык «врагов народа», повешенный коммунистами, давал о себе знать, и они хлебнули горя сполна. Но, несмотря на все эти гонения и репрессии, войну, голод и нищету, мы выжили и выросли честными и порядочными людьми. Правда, судьба так распорядилась, что мы братья Борковские могли быть вместе только в детские годы. Потом жизнь нас развела, разбросала по всему свету, и причиной тому была Великая Отечественная война. По этому поводу мне даже невольно вспоминаются слова А.С. Пушкина: «Иных уж нет, а те далече...».

Быть все вместе мы теперь можем только на нашей детской фотографии, которую незадолго до войны решила сделать наша мама. Тогда, будучи детьми, мы стояли в нашем сиреневом саду и еще не знали, какие испытания выпадут на нашу долю. И кто знает, может там, в другом мире, нам, братьям Борковским вновь удастся встретиться и вспомнить, какими мы были.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 4 курса историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Вяткин Александр Александрович*.

Верескун Анна Филипповна

Как больно видеть смерть

Я, Верескун (Мурзина) Анна Филипповна, родилась 7 января 1923 года в хуторе Логовском Калачевского района Волгоградской области в крестьянской семье. По национальности – русская. По вероисповеданию – христианка. До войны окончила в 1939 году школу. В 1940 году окончила 2-х годичную школу медсестёр в городе Сталинграде. Работала в женско-детской консультации медсестрой.

Когда началась война, мне было 18 лет. Узнала о начале войны 22 июня в городе Сталинграде. Мне никогда не забыть тот момент, когда объявили о начале войны. Был обычный день, ничего не предвещало беды. Вечером решили прогуляться с подружками. Приплыли на пароходе в Сталинград; на площади находилось много народа. И тут по радио объявили о начале войны. На тот момент мы были совсем молодые и не поняли, насколько это страшно.

- Ань, смотри, что мне прислали? – размахивая над головой, как флажком, листком бумаги, пританцовывала я перед сестрой-тёзкой 6 августа 1941 года.

- Наверное, в любви кто-то объяснялся? – усмехнулась Аня-старшая.

- Тю, скажешь тоже... Нужны они мне...

- Значит, от мамы письмо из Калача, – сделала ещё одну попытку сестра.

- Опять промахнулась, – засмеялась я и, не удержавшись, радостно, выпалила: – Повестка это из военкомата, понимаешь! Завтра меня на фронт забирают!

Впрочем, о том, что меня забирают на фронт, в повестке не было сказано ни слова. Она лишь обязывала меня «17 августа 1941 года в 7 часов 30 минут прибыть в военкомат Ворошиловского района, имея при себе паспорт и самые необходимые вещи». Но даже между

этими скупыми строками я увидела то, что мне хотелось увидеть: Родина зовёт меня на защиту от врага.

Услышав, что меня забирают на фронт, подбежала племянница, вцепилась обеими ручками в мою юбку и закричала тоненьким голоском на всю улицу: «Тётя, не ходи на войну, тебя там убьют...»

- А я не боюсь. И ты за меня не бойся! – успокоила я её.

Я была призвана Ворошиловским военкоматом города Сталинграда 17 августа 1941 года. Прибыла в пункт военного формирования 18 августа 1941 года в городе Сталинграде (военный госпиталь). Целый год я работала в госпитале №2108 города Сталинграда.

С этого времени начались тяжёлые фронтовые дни.

Передовые части фашистов уже бомбили Сталинградскую ГРЭС. Госпиталь, в котором я работала, срочно эвакуировался за Волгу. Сопровождая тяжелораненых, переправлявшихся на противоположный берег на речном трамвайчике, я даже не подозревала, что вернуться в свой госпиталь мне уже не суждено: путь назад перекрыли фашистские бомбардировщики и истребители.

Вскоре выяснилось, что таких, как я, то есть отрезанных от своих госпиталей, здесь больше 20 медсестёр. Нас приписали к хозяйству одной из воинских частей. Днём мы занимались хозяйственными работами, а по ночам стояли в карауле, охраняя кухню и конскую упряжь.

Безделье угнетало.

- Вы, девочки, как хотите, а я пойду просить начальника санслужбы, чтобы он отправил меня на фронт, – заявила голубоглазая блондинка Полина, о которой мы узнали только то, что она чудом вырвалась из блокадного Ленинграда, похоронив там всех своих близких.

- Я с тобой! – поддержала её я.

К полковнику пошли все. Он приказал откомандировать нас в 333-ю стрелковую дивизию 3-го Украинского фронта. Казалось бы, добившись положительного решения своего вопроса, мы должны были радоваться. Но когда мы вернулись в хата, где квартировали, отбившись от своих госпиталей, некоторые из медсестёр, осознав случившееся, запаниковали, дескать, дуры мы дуры: сами к чёрту на рожон напросились...

- Замолчите! – резко оборвала их причитания Полина, – нас сюда не на смотрины призвали. И если сейчас направляют на фронт, значит там мы нужнее, чем в тылу.

В 333-й дивизии был один артиллерийский и три стрелковых полка, разведрота, медсанбат и санитарная рота. Вот по этим подразделениям нас и распределили.

Меня направили в медсанбат.

Прибыв к месту назначения, я встретила с капитаном, который внимательно посмотрел на меня, сказал: «А я вас знаю, девушка. Вы в Сталинграде работали в госпитале 2108. Я в то время находился у вас на лечении». Его лицо действительно было мне очень знакомо. Напрягла память, и я, наконец, проявила нужный кадр: я прогуливаюсь в саду госпиталя с выздоравливающими бойцами, а в окно палаты тяжелораненых за нами кто-то всё время наблюдает...

- Если бы вы знали, как я завидовал тем бойцам, – признавался капитан, – зато теперь они позавидовали бы нам, потому, что я могу видеть вас каждый день.

Наверное, ему надо было постучать по деревяшке, но капитан не догадывался это сделать, или побоялся прослыть суеверным. Через несколько дней он вновь попал в госпиталь, теперь уже его лицо было так обезображено разрывной пулей, что он никого не мог видеть...

Там я познакомилась со своим будущим мужем. Это был майор из особого отдела. Он часто навещал в госпиталь, интересуясь, кто и с каким ранением поступил на лечение. Выявлял симулянтов. Иногда хирургические медсестры сами вызывали его в госпиталь, если под первичной повязкой на руке, или ноге поступившего к ним на лечение раненого бойца обнаруживали ожог от пороха. «Дезертиры, самострелы и предатели – это наш внутренний враг, пятая колонна фашистов, которую мы должны разгромить в первую очередь, чтобы добиться победы в этой войне», – говорил особист.

«А когда же вы её разгромите?» – спросила у него я.

«Когда все станут бдительными, и будут сообщать нам о каждом факте неблагонадёжности в поведении бойцов», – серьёзно ответил майор.

Правда, командир медсанбата подполковник Дрель на этот счёт был другого мнения: «Наша страна – живой организм. Народ – его рёбра, армия – боевой дух. Дайте этому духу о рёбра опереться, и выгонит он из своего организма проникшую в него фашистскую заразу...»

На фронт соединение было отправлено в 1943 году. Начинала в составе 333 стрелковой дивизии 419 медико-санитарном батальоне сначала Сталинградского, а затем 3-го Украинского фронта, на во-

инской должности – хирургическая медсестра (командир медико-санитарного батальона майор Лыхварь).

Боевой путь проходил через город Сталинград (1943), станица Белая Калитва (1943), город Каменск Ростовская область (1943), город Изюм (зима 1943), город Николаев (зима 1944), город Одесса (весна 1944), Молдавия (1944), город София (лето 1944).

В дни активных боевых действий дивизии медики сутками стояли за перевязочными и операционными столами, стремясь быстрее и как можно квалифицированнее оказать помощь раненым, уменьшить страдания, успокоить крик, плачь от нестерпимых болей раненых. Постоянные бомбёжки, артиллерийские обстрелы, постоянные поступления с поля боя раненых. И всю работу необходимо проводить в относительно приближённой чистоте рук, перевязочного материала и обработке ран. Очень страшно было видеть муки, смерть, увечья своих ровесников, а то и ребят младше нас.

Так как бои продвигались вперёд, медсанбат тоже продвигался вперёд. На новом месте всё заново надо было оборудовать и приготовить к приёму раненых. После тяжёлых боёв дивизию отводили на пополнение. По тревоге сворачивали медсанбат, переезжали на новое место. Там вырубали деревья, кусты, очищали площадку, ставили палатку, распаковывали имущество, разворачивали перевязочную, операционную. Капали траншеи для себя и раненых.

Война для фронтовых медиков была очень трудной работой. Операционные столы ставили в землянках, в полуразрушенных деревенских избах. Всё было связано с борьбой за жизнь раненых. В годы войны медики вернули в строй более 73 % раненых бойцов.

Во время войны медики вспоминали о себе в последнюю очередь – всё было подчинено трудной борьбе за жизнь раненых. Очень нужен был свет. Нами было придумано хитрое приспособление. Бралась гильза снаряда от «Катюши», сплющивалась сверху и зажимала краями кусок ткани от шинели. В гильзу заливался бензин. Получался «Катюша»-светильник. Периодически его нужно было наклонять, чтобы лучше поступал бензин.

Осенью 1943 года немцы взорвали ДнепрогЭС. Вода стала заливать низменные места. Медсанбат располагался в лесу, и то место заливала вода. Был дан приказ часть батальона отвести назад, а часть на лодках переправить на другой берег со всем необходимым

имуществом. Было 4 лодки по 4 человека с перевязочным материалом и имуществом. На левом берегу Днепра наш плацдарм был 7 км длиной и 3 км шириной. Переправляться надо было без шороха. Днепр постоянно обстреливался и днём, и ночью. Мы благополучно переправились. Начало светать. Было тихо, хотя немцы были близко. И вдруг начался страшный артиллерийский обстрел. Наши полки выбили немцев с их оборонительных рубежей и пошли в наступление. Бой шёл целый день. Немцы бежали, бросая технику и убитых. Благодаря такому броску плацдарм был расширен.

Обстрелы всегда длились очень долго, казалось, что стреляли со всех сторон. В медсанбат поступало очень много раненых. Всем старались оказать помощь. Спасти удавалось, увы, не всех. Очень тяжело было видеть, как на твоих глазах умирают хорошо знакомые тебе люди. Ещё тяжелее было от того, что именно в эти моменты начинаешь осознавать свою беспомощность.

Бывало, что не спали по несколько суток. В такие дни нельзя было даже садиться, иначе ты сразу проваливался в сон. За операционными столами стояли сутками, всем надо было помочь! Ведь от нас, от нашей помощи зависела жизнь каждого поступившего к нам раненого.

Как больно видеть смерть. Впервые я увидела расстрелянных мирных жителей в городе Каменске Ростовской области. В погребе прятались 12-15 человек: старики и дети. Немцы стреляли каждого в голову. Второй раз – при освобождении Одессы в песочном карьере также были расстреляны женщины, дети и старики. В то время Советская Армия вытесняла фашистов с родной земли, немцы чувствовали свой крах и зверски уничтожали невинных людей. Это зверство не забывается.

Жутко было видеть разрушенные города. Немцы проходили через множество городов, оставляя после себя лишь развалины. Больно было смотреть, во что превращаются прекрасные сады, дома, детские площадки. Уходя из города, немцы старались оставить после себя как можно больше разрушений. Некоторые города были почти совсем разрушены. Ужасно было смотреть на детские площадки, где вместо качелей лежали снаряды, стояли танки.

Война основательно потопталась по памятникам архитектуры, разрушив до основания некоторые крупные и множество небольших рус-

ских городов. Во время Великой Отечественной на оккупированных немцами территориях СССР уничтожено 1710 городов и около 70000 сёл и деревень. В силу особенностей российского национального характера города мы не сдаём. И они в большинстве своём погибают. Сколько их уничтожено за прошедшие столетия? Крупных, упомянутых в летописях, или небольших, о существовании которых не всегда знают даже археологи, – подсчитать невозможно. В первую очередь страдали памятники архитектуры. Только в XX веке их начали пытаться спасти. Но это в столице. А в городах поменьше таких возможностей не было, как и времени. Поэтому судьба некоторых особо приметных зданий часто была печальна – их уничтожали и враги, и свои.

Такие крупные советские города, как Ленинград, Киев, Курск, Орёл и многие другие подверглись значительному разрушению. Минск, Сталинград, Воронеж, Ростов-на-Дону, Ржев почти полностью лежали в развалинах. После Великой Отечественной Войны практически все разрушенные города были восстановлены. В этом состояла колоссальная задача того времени – символ Великого Преодоления. Нет ни одного города, даже разрушенного немцами до основания, который бы исчез после войны с карты страны. Всё отстроено заново.

Однако мы были молоды и хотели жить. В дни затишья мы с девушками устраивали представления для раненых: пели, танцевали, шутили. Костюмы шили из марли, бинтов, простыней. Красили наряды йодом, зелёной, стрептоцидом. Благодаря таким дням становилось легче на душе и нам и раненым.

Победу я встретила в городе София. Когда узнали о конце войны, поначалу даже не верилось, что этот долгий кошмар закончен! Когда все пришли в себя, нашей радости не было предела. Каждый обнимал друг друга и плакал от счастья! Наступила – Победа! А с ней тишина и пение птиц, шелест листьев и звон ручья – всё то, что заглушалось воем снарядов и грохотом взрывов долгие дни, недели, месяцы, годы. Она пришла – Победа, и значит можно мечтать, строить планы на будущее, смеяться и любить, не опасаясь, что всё это прервёт маленькая пуля, или в клочья разнесёт граната.

Спустя некоторое время, люди стали вспоминать об ушедших родственниках (во время войны об этом некогда было даже вспомнить). И тогда из глаз людей покатались слёзы горя. На этой страшной войне почти каждый потерял родных и близких. Я в этой войне по-

теряла брата – Мурзина Лаврентия Филипповича. Он погиб под городом Майкопом в 1943 году.

Демобилизовалась летом 1945 года и вернулась в Сталинград. Среди боевых наград мне наиболее дорог орден Красной Звезды, которым награждена за форсирование Днепра.

После расформирования дивизии о судьбе своих однополчан я не знала до 1986 года. Написала письмо в Москву в центральный совет ветеранов войны, и мне ответили, что в каждом городе, который освобождала наша дивизия, есть совет ветеранов. Так я нашла однополчан. Первая встреча была в городе Камышине Волгоградской области. Там формировалась 333-я дивизия. На встречу приехали однополчане из Одессы, Новокузнецка, Волгограда, Баку, Узбекистана, Ростова, Астрахани, Башкирии, Татарстана, Киева, Орла, Херсона, и из других областей. Встреча была в зале заседаний исполкома горсовета. Пионеры преподнесли цветы и сувениры. После торжественной встречи мы посетили ряд предприятий города и выступали перед учениками и рабочими.

Встречались в Синельникове и Запорожье. Эти встречи незабываемы. Посетили мемориал на месте переправы Днепра. Посещали места захоронения, возлагали цветы, венки.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 4 курса психолого-педагогического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Локтионова Оксана Сергеевна*.

Гончаров Виктор Осипович

Берлин брал вместе с супругой и отцом

Я, Гончаров Виктор Осипович, родился 2 апреля 1920 года в селе Московском, Изобильненского района, Ставропольского края. Русский. Православного вероисповедания. До войны окончил педучилище, которое было переведено из Ставрополя в город Пятигорск, а затем на базе педагогического училища открылся Пятигорский педагогический институт. С августа 1939 года работал сельским учителем третьего класса Московской начальной школы №8. В 1939 году был призван в армию. В 1939 году было призвано в армию десять возрастов, начиная с 1910 года по 1920 год рождения включительно. В начальной школе остались старики.

В январе – феврале 1940 года был направлен в Минское пехотное училище. Обстановка в стране была тревожная, предвоенная. Потребовались офицерские кадры, так как армия нуждалась в них. Один батальон из Минского училища был отправлен в город Могилёв. На его базе было сформировано Могилёвское пехотное училище, в котором учился я и окончил его в мае 1941 года, как раз перед войной.

1 мая 1941 года был первый выпуск Могилёвского пехотного училища. Я учился в пулемётной роте. Весь выпуск пулемётной роты был направлен на границу в укрепление района. Мы заняли доты и дзоты, так как в это время была проведена частичная мобилизация. Войска из Сибири, Урала, вновь сформированные, направлялись в составе Западно-Белорусского, Киевского военного округов. Обстановка была очень напряженная и тяжелая.

Я узнал о начале войны 22 июня 1941 года в городе Вольске, куда было эвакуировано Могилевское пехотное училище, которое прибыло сюда в день начала войны, и поэтому был срочно проведён второй выпуск специалистов этого училища. Мне вручили диплом.

Сразу после выпуска меня направили в девяностый запасной стрелковый полк в Пензенскую область, в должности командира

стрелкового взвода маршевой роты и убыл на фронт в составе 937 стрелкового полка 256 стрелковой дивизии в начале июля. Вступил в бой в должности командира стрелковой роты. Командиром полка был майор Хрюкин, а командиром батальона капитан Пшеничный (или Пшеничников). Во время боя проходили через лес, бездорожья, болота, не было никаких населенных пунктов, время было очень напряженное. А в декабре 1941 года встретились с нашими войсками в городе Селижарово Калининской области. До Селижарово ничего не было, кроме леса, болот и бездорожья и, проходя мимо истока волги, и узнали это из надписи на часовне, встретилась по дороге.

Мой полк был срочно переброшен на защиту города Калинина в декабре 1941 года, куда прорывался немецкий танковый полк. В это время город Калинин был важным стратегическим центром. Приходилось участвовать в уличных боях города Калинина, а после падения города защищал автостраду Москва – Ленинград, где 16 октября 1941 года был ранен и направлен в ЭП51, ЭГ23-36 города Москвы. Ранение было осколками мины, в районе города Калинина, мягких тканей правого сустава и левого голени с наличием инородных тел. Лечился в Москве с 16.10.41 по 21.10.41, а с 29.10.41 года ЭГ3352 эвакуировали госпиталь и меня в город Тюмень.

После выздоровления назначен командиром пулеметной роты 422 стрелкового полка и направлен на Волховский фронт, где была попытка прорвать блокаду Ленинграда. Был очень тяжелый бой, 7 мая 1942 года меня ранило, но я сразу это не почувствовал. Было пулевое сквозное ранение левого лучезапястного сустава мягких тканей. Лечился со 2 июня 1942 года в Эвакогоспитале 3780 на озере Сунгуль и пробыл на лечении до 6 июля 1942 года в районе верхнего Уфалея на озере Чебаркуль.

После выздоровления в июле 1942 года был назначен офицером связи в 37 механизированную бригаду первого механизированного корпуса. В декабре 1943 года участвовал в боях в районе города Белый. Корпус имел задачу не допустить переброску с Калининского и Западного фронтов танковых войск противника. Этой опера-

цией руководил маршал Георгий Константинович Жуков. Немец бросил танковые дивизии и окружил наш корпус. По приказу Г.К. Жукова корпус вышел из окружения и командир корпуса доложил Г.К. Жукову, что корпус понес большие потери среди солдат, было много ранено и убито, но боевую задачу успешно выполнили. После этих боёв командир генерал-майор танковых войск Соломатин М.Д. получил звание генерал-лейтенанта танковых войск и был награжден орденом Суворова 1-й степени. Мне постоянно приходилось передавать боевые приказы, донесения командиру корпуса и я видел как была напряжена обстановка на фронте. С 26 декабря 1943 года до 12-13 января 1944 года продолжались операции. А с 15 сентября 1943 года по 20 января 1944 года был слушателем усовершенствованного офицерского состава при военной академии танковых и механизированных войск.

А 20 января 1944 года по 30 декабря 1944 года был назначен начальником разведки и заместителем начальником штаба 37 механизированной бригады. С 30 декабря 1944 года по 4 сентября 1945 года постоянно ходил в разведку и приносил важные сведения о передвижениях немецких войск.

В период с 6 июля 1942 года до 9 мая 1945 года был трижды легко ранен и контужен, но боевой позиции не покидал, продолжал воевать, а раны залечивал в медсанбате и был всё время в бою. В 1943 г. погиб мой родной брат Гончаров Василий Осипович, 1923 года рождения.

Берлин брал вместе с супругой Анной Петровной и отцом. Отца встретил на фронте в 1944 году и постарался добиться, чтоб его перевели в мою бригаду и до конца войны мы воевали вместе. Анна Петровна была награждена орденом «Отечественной войны» 2 степени и 2 медалями «За отвагу». Отец был награждён медалью «За боевые заслуги», за освобождение Варшавы и за взятие Берлина. Нас благодарил товарищ Сталин. Верховный главнокомандующий маршал Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин приказал всему личному составу 1-му Красногвардейскому механизированному корпусу, в том числе и мне, принявшему участие в боях, объявить благодарность. Корпус прошёл с боями за

войну 2500 километров, освободив во взаимодействии с другими частями более 1200 населённых пунктов.

Среди наград орденом Отечественной войны 2-й степени, медали за освобождение Варшавы, Берлина, Белоруссии, медаль Жукова, «За воинскую доблесть».

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 4 курса факультета искусств Ставропольского государственного педагогического института *Мезина Виктория Олеговна*.

Гордеева Татьяна Николаевна

Огненный дождь над Керченским проливом

Я, Гордеева Татьяна Николаевна, в девичестве Желудкова, родилась в семье волжских крестьян в селе Пологое-Займище Владимирского района Астраханской области в 1924 году. В семье было 14 детей, но в трудных условиях жизни из-за болезней и недоедания выжило только шестеро: пять братьев и я. Все вместе с мамой трудились по хозяйству, отец работал в колхозе.

Из-за слабого здоровья в первый класс я пошла только в 10 лет, а когда закончила седьмой, наступил 1941 год. Никто из жителей нашего села не ждал страшного известия, все трудились на полях и на домашних огородах, готовились к осеннему севу. Мой отец отвез документы для моего перевода в старшую школу в село Петропавловка. Я мечтала учиться там, вступить в комсомол, стать выпускницей... Но война решила по-своему.

22 июня 1941 года все репродукторы моего родного села Пологое-Займище заговорили голосом В.М. Молотова. Нам сообщили, что началась война, что немецкие самолеты бомбят наши города. Сначала все люди стояли молча, потом взрослые женщины начали плакать. Мы, дети, не сразу поняли, что случилось, но все чувствовали, что пришла страшная беда, одна на всех. А потом зазвучала музыка, совсем другая музыка, которую не крутили раньше. Помню, что паники не было. Все вернулись на свои рабочие места, многие почти сразу направились записываться на фронт. Люди рассуждали вслух, что война будет недолгой и потому молодые спешили успеть повоевать, а пожилые заботились о том, что бы сохранить порядок в селе.

Уже осенью стало ясно, что учиться я не смогу, и отец привез документы обратно, а позже я узнала, что в том же 1941 году школу разбомбили.

Вскоре отец ушел на фронт. Мама трудилась на полевых работах. Я считалась уже взрослой, а потому летом 1941 года была сразу принята на работу в колхоз своего села Пологое-Зваймище сче-

товодом. Вместе с другими старшеклассниками я принимала участие в строительстве железной дороги Сталинграда. Работали наравне со взрослыми. Техники почти не было, но никто не спрашивал, сколько нужно работать, все трудились, пока старший не говорил, что можно идти домой.

На полях работали в основном женщины. Работы было много, а людей не хватало. Пахали на коровах, домой приходили затемно, а уходили еще на рассвете. Все домашнее хозяйство было на детях. Все помогали, как могли. Весной 1943 года отца демобилизовали, в связи с непризывным возрастом, он вернулся домой, а старший брат Дмитрий пошел на фронт.

В мае 1943 года в свои девятнадцать лет я тоже ушла добровольцем, т.к. девушек не призывали. В нашем сельсовете находился военно-учетный стол, где составлялись списки призывников и добровольцев. Председатель колхоза сам оформил документы на меня и еще на пять девушек из нашего села. Нас никто не провожал, потому что все были на работе, все молчали, но каждый думал, что обязательно вернется домой.

Потом нас посадили на телеги и повезли в Ленинск Сталинградской области. Там нас объединили в отряды и отправили в Сталинград, где учили азам военного дела. Всех выстроили, торжественно объявили солдатами и распределили по курсам. В отрядах все были молодые, многие, как и я, еще не закончили старшую школу, но спрашивали с нас как со взрослых и мы гордились этим.

Многие пошли на шоферов. В войну за рулем грузовиков с ранеными и продовольствием часто ездили девушки, и все они были добровольцами. Я же пошла учиться на телефонистку. Не все сразу получалось, но все понимали, как многое на фронте зависит от связи, и старались разобраться во всем до конца.

Когда нас учили стрельбе, то сначала выдавали винтовки, а только потом карабины. Когда первый раз взяла в руки винтовку, то она показалась мне ужасно тяжелой, но потом привыкла и почти не замечала. При полном обмундировании я несла на себе столько, что вес винтовки казался незаметным. Потом нас распределили по частям. Не все земляки попадали в одну часть, но мне повезло, и все девочки из моего села попали в одну часть со мной.

С 20 июля 1943 года я уже состояла на военной службе. Служила в звании ефрейтора, в должности телефонистки в части 1570 малокалиберного зенитного артиллерийского полка. Мы относились к Сталинградскому Краснознаменному корпусному району на Восточном фронте. Довольно длительное время мы стояли в районе поселка Ельманка, охраняли девятью первый Химический завод.

Потом зимой 1943 года нас в составе эшелонном отправили в станцию Крымскую Краснодарского края. Теперь мы относились к Северо-Кавказскому дивизионному району Западного фронта. Этой же зимой я была награждена значком «Отличник ПВО». Там нашей части 1570 малокалиберного зенитного артиллерийского полка поменяли тридцати 7-миллиметровые зенитные пушки на 45-миллиметровые. Все понимали, что мы готовимся к настоящим боевым действиям. Обстановка была напряженная, но страшно не было.

С 3 февраля 1944 года участвовала в боевых действиях на Западном фронте в составе 63 взвода управления 5 артиллерийского Северокавказского дивизиона. Нас посадили на грузовые машины и отправили на Керченский пролив, на косу Чушка. По приказу мы отвечали за переправу через Керченский пролив. Когда приехали на место, то увидели, какое огромное пространство открытой местности нам предстоит охранять. Ширина косы Чушка составляла пятьсот метров, а длина около восемнадцати километров. Мы около месяца удерживали переправу под жестким огнем немецких орудий.

Когда мы дислоцировались на косе Чушка, то первое время жили прямо в грузовиках, спали рядом, согревая друг друга. Потом нам привезли палатки. Там конечно было лучше, во всяком случае, не так сильно дул ветер, но вода была совсем рядом. По ночам особенно было холодно, сыро и ветрено, но боевой дух не падал. Девушки вместе с мужчинами делили скромный паек, грелись возле костров и не позволяли себе поблажек.

Немец плотно сидел в Керчи и буквально поливал нас снарядами. Атаки длились часами безостановочно. Казалось, что ночь практически не наступает, потому что небо все время было ярким от взрывов и света прожекторов. Вода бурлила от множества снарядов и багровела от крови раненных и погибших. Сначала я пыталась укрываться от огня, соблюдать четкие инструкции в бою,

как учили, но потом все настолько смешалось, что на выполнение правил по выживанию не оставалось ни времени, ни сил. В таких жестких условиях нельзя было расслабляться, чтобы перенести все эти потери и ужасы сплошных бомбежек. Не чувствовалось ни страха, ни усталости. Казалось, что все вместе и каждый по отдельности, слышали только приказы командиров и выполняли все, чтобы отстоять пролив.

Свободного времени не было. Бой сменялся поиском живых и раненных. Потом начиналось самое трудное – вылавливание из реки погибших, их захоронение практически тут же на берегу, подальше от воды. Погибших было так много, что иногда казалось, что вместо воды около берега живая заводь из тел. Наконец-то в апреле началось наступление нашей армии именно в районе Керченского пролива. И снова грохот артиллерии. Теперь сильная артиллерийская атака, длящаяся по несколько часов подряд, громила немцев.

Какой бы страшной не была война, но люди старались оставаться людьми, часто каждый находил свои радости и как мог, поддерживал других. Был у нас свой «Данила-мастер», все фигурки из дерева мастерил и для каждого свою, всегда умело подбирая, как знал, что именно это понравится. Как звали его полностью, уже не помню, а среди молодых все называли его уважительно – Федор Иванович.

Помню, как-то на новый год старший полевой кухни раздобыл где-то пряников. Вот это был подарок! Их разрезали на маленькие кусочки, и мы рассасывали их как конфеты, запивая кипятком. Лучшего подарка холодной военной зимой на Новый Год и представить себе было трудно.

А еще любили все стихи слушать. Читали кто, что знал, а некоторые даже свои сочиняли. Рассказывали их тихо, в редкие часы передышки по ночам. На одном из писем я написала кем-то рассказанные строчки про маму. Даже не знаю, кто автор этого стихотворения и как сложилась его судьба, да только строчки эти я потом часто перечитывала, пока домой не вернулась:

Я сейчас далеко, но ты рядом всегда
В сердце, в мыслях и в строчках письма.
Гладишь голову мне и глядишь, как всегда,
Словно знаешь про все сама.

С тихой нежностью, грустно в глаза глядишь
И не спрашиваешь ни о чем,
А я слышу твой голос и песни твои
Про любимый мой отчий дом.
И я верю, что будет Победы час,
Будет встреча моя с тобой,
Будет мирный рассвет над рекой у нас,
И земля обретет покой...

И было в каждой строчке что-то магическое. То ли близость смерти, то ли жажда жизни, то ли ранняя взрослость... На войне все казалось другим, более ярким, значимым, важным. И конечно пели песни. Их передавали из уст в уста. Мы пели их тихо в боевых условиях, но от того они еще больше проникали в душу и согревали ее. Вот до сих пор помню строки из песни «Соловьи»:

Но что война для соловья –
У соловья ведь жизнь своя.
Не спит солдат, припомнив дом
И сад зеленый над прудом,
Где соловьи всю ночь поют,
А в доме том солдата ждут...

Были на войне и такие случаи, о которых слагались фронтовые истории. Никто точно не знал, насколько они правдивые, кто их настоящий герой, а кто автор добавлений, но они всегда помогали отвлечься от тягот и невзгод и не утратить в себе все человеческое, ради чего ты и воевал. Вот одна из таких историй мне тоже запала в душу.

История эта про преданность и дружбу между человеком и собакой. «Пристала как-то во время боя к части дворняга. Вокруг пули свистят, снаряды взрываются, а она прижалась к воронке и сидит. А когда бой закончился солдат, что рядом был, увидел, что лапа у пса перебита. Он к медсестре, а она ни в какую, говорит, мол, для людей медикаментов не хватает. Но солдат, все же, уговорил ее. Забинтовали собаке рану, а тут уже и в путь двигаться пора. Так тот солдат помимо всего, собаку эту на себе несет. Командир отозвал его, приказал силы беречь, большой бой на переправе впереди. А солдат говорит, что силы будут, да только собаку бросить не

может, она же в бою ранена была, а потому как в медсанчасть ее не определят, нести «товарища» будет он сам. Так и оставили пса в части. Солдат на руках ее много верст нес, на привале воды с фляжки своей давал, а как с новым местом определились, так и обед делил с ней. Кто смеялся над ним, кто нет, но только все стали привыкать к собаке, даже имя ей дали – Трезор. Пес оказался смышленным, куда не надо не лез и знал свое место.

Вот, наконец, добралась часть до переправы. К бою готовились основательно, знали, что придется нелегко. Трезор все время рядом с тем солдатом был, ни на шаг от него, даже когда начался бой. А бой был долгим, жестким, да еще и в ночных условиях. Отряд тот переправлялся в числе первых, вызывал огонь на себя, прикрывая технику. Но пес вел себя смело, и, казалось, даже не реагировал на взрывы. Только все время следил за своим солдатом. Как светать начало, закончился бой, начали искать по берегу раненных. Вдруг видят, в воде что-то барахтается. А это Трезор лапами в воде барахтает, а зубами за ворот своего солдата держит. Когда вытащили солдата на землю, увидели, что живой еще, но без сознания. Солдата того в санчасть, а пес на трех лапах за ним. Говорили, что если бы ни пес утонул бы тот солдат. Да друг у него рядом оказался хороший, ничего, что на четырех лапах. Все потом долго удивлялись, как же он смог его на плаву держать, ведь на берег вытащить не мог, вокруг столько тел, остатков деревьев, плотов, постоянные взрывы. А только смог и все, вопреки всему смог. Вот тебе и мужество, и героизм, и верность дружбе. А солдат тот поправился. Рассказывали, что даже командир разрешил пса с собой взять. Так и воевали они дальше вместе, два товарища, два боевых друга».

11 апреля 1944 года наши войска освободили многострадальный город Керчь. Среди моих однополчан были те, кто получил сильнейшие ожоги и ранения, для многих эта коса стала последним пристанищем, но мне повезло, и, если не считать нескольких незначительных осколочных «царапин», я практически не пострадала. А 15 августа 1944 года мне было присвоено звание младший сержант.

Потом мою часть перевели в станицу Капканы в Крыму (апрель 1944), а потом в район Каменоломен, где я и служила в составе 1570 части малокалиберного зенитного артиллерийского полка 87 дивизии.

Мы относились к Южному фронту. Все оставшееся время, вплоть до 1945 года, я в основном выполняла обязанности телефонистки.

Письма домой писала регулярно, хотя полевая почта 26187 работала с перебоями. Письма везли на лошадях, носили пешком и не всегда успевали к новому месту дислокации части. Но зато, когда их получали, на душе становилось тепло и уютно. Сами письма носили под шинелью, ближе к сердцу и очень дорожили ими.

В дни, когда прибывал банно-прачечный отряд, все оживлялись. Наступал какой-то момент мирной жизни. Люди шутили, смеялись и преображались на глазах. После купания, чистой одежды и сухой обуви все мечтали о мирной жизни и строили большие планы на будущее.

Мы с девочками из моего села старались поддерживать друг друга, но той лирической дружбы, которая бывает между девчонками в юности, на фронте тоже не получалась. Все как-то рано повзрослели и научились не задавать лишних вопросов и понимать все без объяснений.

Несмотря на то, что в части служило много молодых парней и девушек, между нами завязывались чаще дружеские отношения. Мы все очень хотели жить, и поэтому нас объединяло общее стремление победить врага. Будучи комсомолкой, я была выбрана комсоргом на полковом собрании 5 дивизиона. Занималась общественно-политической деятельностью. Я старалась держаться ровно со всеми. Многим объясняла важность поступков каждого в общем деле. Многих поддерживала морально в минуты, когда те, узнавали о горьких новостях из дома. А некоторых просто выслушивала, чтобы сам человек потом понял себя и смог прийти к правильному решению. Фактов трусости, подлости или предательства в составе моей комсомольской группы никогда не было. На собраниях мы не позволяли себе никого обсуждать, а только высказывали свое мнение и всегда готовы были поручиться за каждого.

В положительной служебно-политической характеристике, выданной мне 25 октября 1945 года начальником политического отдела полевой почты 26187 майором Кожемяка, говорится, что за время службы в полку я продолжительное время работала комсоргом дивизиона, с работой справлялась, своевременно и грамотно мобилизовывала комсомольцев на обеспечение и выполнение поставленных боевых задач. Товарищи и старшие по званию характеризова-

ли меня как политически развитую, преданную Родине, пользующую авторитетом у личного состава.

Победу я встретила в Крыму. Это было самое светлое и радостное событие в моей жизни! После объявления Победы наших войск меня направили в город Симферополь Крымской области (июнь 1945 года). Там я была зачислена ученицей на учебный комбинат при ГОСплане СССР. А уже в октябре 1945 года была назначена старшим бухгалтером районной конторы связи в Красногвардейский район Крымской области.

Только в июле 1946 года, после первого отпуска с момента моего ухода на фронт, я получила разрешение остаться на постоянном месте жительства в селе Капустин-Яр Капустиноярского района Астраханской области, в связи с тем, что вышла замуж. Так летом 1946 года в звании младший сержант я была демобилизована. Среди наград медаль и орден Отечественной войны 2 степени.

Война многое у нас забрала, но многому и научила. Теперь главное – память сохранить, чтобы другие на нашей жизни учились.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 4 курса психолого-педагогического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Гордеева Людмила Вячеславовна*.

Дудников Иван Георгиевич

Защищая родной Кавказ

Я, Дудников Иван Георгиевич, родился 9 мая 1924 года в селении Липчанка Радченского района Воронежской области. В 1937 году с родителями я переехал жить в Ставропольский край, на хутор Привольный Курского района. В 1941 году окончил семилетнюю школу. В этом же году я поступил в Моздокский элеваторный техникум. Узнал я о начале войны 22 июня 1941 в городе Моздоке. Вскоре я получил повестку в военкомат. Мне тогда еще не было и 18 лет, когда меня призвали в армию. Меня зачислили в 1-е Пехотное краснознаменное училище в июне 1941 года.

Мне очень тяжело вспоминать военное время. Все эти годы мне пришлось видеть, как убивают моих товарищей. Было больно смотреть, как нас становится все меньше и меньше. Но в моей памяти очень хорошо сохранились многие эпизоды.

Начинал участвовать в боевых действиях в октябре 1942 года в Моздоке, Орджоникидзе, Марухском перевале, где формировали стрелковые отряды для уничтожения отборных частей немецких войск группы «Эдельвейс» (горный цветок).

Я имел воинскую должность лыжник-разведчик, так как я в детстве хорошо занимался лыжным спортом, меня зачислили в горно-стрелковый отряд.

Я хорошо владел лыжами и был зачислен в 12-й горно-стрелковый отряд и направлен на Марухский перевал в качестве альпиниста-разведчика. Марухский перевал, который находится на высоте более 3 тыс. метров над уровнем моря, там была очень низкая температура, около -30 градусов, пальцы рук у меня примерзали к металлическим частям автомата. Немцы рвались через перевал, что-

бы выйти к Черному морю. В тяжелых условиях снежно-ледниковых гор сражались наши войны. Сейчас я вспоминаю одну из разведок: с нашей базы нас уходило 22 разведчика, а вернулось всего лишь 8. На горных вершинах не хватало кислорода, многие страдали горной болезнью, от морозов и ветров чернели лица бойцов.

У нас на перевале было 3 врага: немец, холод и голод. Погибших в боях опускали в снежные могилы – трещины. Герои навечно остались под снежно-ледниковым покровом.

С питанием было туго. Мой дневной паек составлял одну столовую ложку риса, который даже нельзя было сварить, ведь увидел бы дымок немецкий самолет – разведчик «Фоккевульф – 150», тут же сбрасывал бомбы.

В одной из операций мы захватили хорошо оборудованные, укрепленные, теплые немецкие доты (бетонированная землянка с окнами для пулеметов). В дотах были губные гармошки, бинокли, теплые вещи, оружие и разные продукты питания. Среди продуктов был хлеб, выпеченный в 1939 году, на внешний вид он казался свежим, и мы отдали его детям, которые остались без крова и родных. Но, несмотря на то, что мы были голодные и холодные, мы сорвали сопротивление фашистов.

В одной из разведок 1942 года на Марухском перевале я был ранен. Мне в левую ногу попал осколок от снаряда, и я лишился всех пальцев. Меня направили на лечение в один из госпиталей города Цели на территории Грузии. Лечение длилось около 1,5 месяцев.

После чего меня зачислили в школу авиационных механиков г. Гори, недалеко от Тбилиси, которую я окончил в 1943 году и был зачислен в 143-й гвардейский штурмовой авиационный Львовский полк орденов Богдана Хмельницкого и Александра Невского. Служил разведчиком авиационного полка под командованием подполковника Яковитского и его заместителя Афанасьева. Начинал в воинском звании рядового, стрелком-радистом.

Свой боевой путь продолжил в составе первого Украинского фронта 25-й части Воздушной армии. Во время боев в северной части Польши, недалеко от города Кракова, мой самолет был сбит, и я получил тяжелую контузию, вследствие которой потерял слух. В те

чение двух месяцев проходил лечение в полевом госпитале. Затем снова был направлен в свою часть.

Тяжёлой для полка оказалась осень 1944 года. Однажды, недалеко от города Зигендорф, была плохая погода, весь день шел дождь. Нашему полку было приказано выполнить оперативное задание – уничтожить врага. На задание вылетело 53 самолета, оно было выполнено успешно, но вернулось только 6 самолетов. Целый месяц было некому летать.

Со временем было произведено снабжение техникой и численное пополнение состава полка. Но вновь прибывшие были молодые и неопытные летчики, были даже случаи, когда они летали на боевые задания и забывали нажать кнопку выброса бомбы, а если это происходило, то самолёту нельзя было садиться, так как при посадке бомба могла взорваться.

На грузовых самолетах, так называемых «кукурузниках», нам привозили питание. У нас не было посадочной площадки и поэтому неопытные летчики точно не попадали на площадку, куда надо было сбрасывать продукты, и часто при выбросе мешки попадали в турбины и разлетались в клочья, как воробьи. Мы сглатывали слюну и шли воевать голодные.

Прошёл путь от Северного Кавказа до Германии. Боевые действия закончил недалеко от Берлина в городе Шпандау в звании сержанта. Демобилизован в октябре 1945 года.

Приехал в Аванский район Северной Осетии, где меня ждали мать и вернувшийся с фронта отец. Сначала не мог устроиться на работу из-за потери слуха. Затем окончил химико-технологический техникум в городе Грозный, переехал в город Ставрополь, там я работал бухгалтером, механиком, директором завода ЖБИ. В настоящее время пенсионер, инвалид Великой Отечественной войны. Среди моих боевых наград орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», медаль «За освобождение Северного Кавказа», «За взятие Берлина» и др.

Мы видели смерть, пережили потери родных и близких, но шли вперед, потому что знали, что надо выстоять, во что бы то ни стало и победить! Мы сумели всему миру доказать, что значит русский ха-

ракти, что может сделать советский человек, если речь идет о защите Отечества.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1 курса факультета искусств Ставропольского государственного педагогического института *Урванцева Виктория Викторовна*.

Захарченко Павел Сергеевич

Дважды рожденный

Я, Захарченко Павел Сергеевич, родился 17 января 1924 г. в г. Буденновске. В 1942 г. я закончил девять классов и в этом же году был призван в вооруженные силы в военно-пехотное училище г. Орджоникидзе. В конце июля немцы подходили к Пятигорску, нам был дан приказ оборонять. Это было для нас первое боевое крещение, и я там получил ранение в кисть. После обороны попал в госпиталь в г. Тбилиси вместе с друзьями подхватили кто брюшной тиф, кто ди-

зентерию... все были в тяжелом состоянии. Партиями нас отправляли в морг, меня и еще четверых привезли в морг вечером, а утром пришла похоронная команда: «Этого, этого и этого уносим, – говорил один из них – а этих двух еще нет – указывая на меня с со товарищем – у них еще глаза открыты...». Нас вернули в палату. Меня выходила уборщица-грузинка, хоть в то время вещи были на вес золота, но я отдал ей последнее, а она честно продавала мои вещи и покупала мне мацони для лечения.

После госпиталя дали отпуск в Чарджоу (Туркмения). А потом отправили в учебный полк учиться на сержанта в Ашхабаде. Летом 1943 г. наш полк участвовал в освобождении Смоленщины и Белоруссии, были тяжелые бои, наших много полегло. 14 ноября 1943 г., спасая друзей, я был ранен в правый бок. Должна была быть артподготовка, и надо было снять охранение... Тогда я 17 человек спас. Раненный, я пролежал около суток в воронке от снарядов, чувствовал, что лежу в воде. Потом сориентировался и пополз на четвереньках в сторону русских войск. Тут вижу, едет телега, извозчик, к счастью, меня заметил. «Браток, – говорит – садись». Помог мне

забраться на телегу. Наш путь был в полевой госпиталь на берегу Днепра. Там я лежал на соломе, мне сделали укол, и я заснул. Через некоторое время разбудили, отнесли на операционный стол, там молодая врач за 15 минут вытащила пулю. Дали выпить, поесть. Повезли после в госпиталь города Смоленска при церкви, а там где-то 250-300 человек, кто на ступеньках, кто на полу, кто на подоконниках. Меня сутки лечили, бинтовали и т.д.

Вскоре мне вручили первую награду – медаль «За боевые заслуги». Уже стали ходить поезда и меня отправили в Москву в госпиталь им. Бурденко. К нам приходили студенты, учащиеся с самодельными цветами и едой. Потом нас поездом доставили в Казань. Под Ижевском (Мордовия) остановили, выносили и хоронили убитых. Ехали пять суток до Казани в госпиталь, там лежал с ноября по март (1944). Выписали и определили в танковое училище, там я попросил, чтобы мне дали справку о легком ранении, а не тяжелом, хотя у меня было пробиты легкие и ребра. Девять классов в то время было высокое образование, меня взяли, и после четырех месяцев учебы, я получил назначение в полк.

В конце 1944 года я участвовал в боях по освобождению Польши, севернее Варшавы. Командовал фронтом Маршал Жуков. Дошли до Франкфурта на Одере. Готовились к штурму Берлина как физически, так и морально, нам говорили быть гуманными с гражданским населением. К началу наступления Жуков приказал собрать и установить 220 прожекторов. Их свет, отражаясь на воде, ослепил фашистов, а они от безысходности вели бесприцельный огонь. Мы старались идти недалеко танк от танка. Мы шли к Берлину, а на нескольких метрах от нас шли навстречу фашисты из Берлина на помощь своим. Нам Жуков кричал: «Вперед к Берлину!». У нас появилось чувство, что мы в Германии.

Нам на пути в деревне под Берлином встретился немецкий госпиталь, все врачи вышли и стали аплодировать, мы просто тогда не стали стрелять, мы же не звери все-таки. Мне было тогда 21 год. Такие страшные бои проходили, мы воевали сутками... 22 апреля 1945 года на рассвете слышу, механик кричит: «Командир, впереди Берлин!». Я повернул перископ, смотрю и вправду он. Жуков перекрестился.

У нас были новые американские танки, боевые качества немного слабее, чем у наших танков, зато эти удобнее. В бою в Берлине я

попал в окружение, смотрю, а немцы все ближе. Я тогда начал стрелять ракетницами, я так виноват перед Богом, что убивал.... Слышу, Сашка Урицкий кричит: «Прощайте, кто жив останется, о судьбе каждого расскажите родным» Затем по радию раздается: «Я буду танцевать танком! – это Мишка в помощь идет – Держись, Паша!». Ничего не видно, потом смотрю, танк разворачивается, Мишка начал бить без прицела. Я ему тогда по радию начал давать указания. Так он меня, получается спас... Мишку, после, уже и арестовать хотели, что приказ не выполнил вовремя.

27 апреля мне, Койкову и Айвазяну командир полка дает приказ – подготовить красные знамена, подъехать на танках в Рейхстаг и первыми водрузить знамя. До Рейхстага оставалось всего 70-80 метров, но из-за развалин, мы ехали медленно. 30 апреля дважды вступал в бой и выходил за боеприпасами. Немцы били отовсюду, мой танк был подбит – три человека сгорело, а я был контужен. Меня вытащили из танка, и я понял, что хотят отвезти в санбат, так как из ушей у меня текла кровь, я им ответил: «Нет, война кончается, я здесь останусь!». Тяжелая контузия, полгода не разговаривал и не слышал.

Мой танк не загорелся, сработало автоматическое противопожарное устройство. Мы уже были под Рейхстагом, в три часа утра. Тихо, на окнах были навешены белые знамена. Война закончилась. Хоть нам не удалось водрузить знамя, но мы гордились тем, что за нас это сделали наши соотечественники. Мне на руках объясняли куда ехать, смотрим, а там уже тысячи солдат, все расписываются на здании Рейхстага. Я залез на танк и написал повыше: «Мы с Кавказа!».

7 мая срочный приказ – ехать в Прагу, через город Дрезден. Мы мчались на громадной скорости, а когда уже доехали, то война закончилась. Прага была освобождена. Я остался служить в Дрездене в Мейсене, привез туда и свою невесту – Евгению Ивановну. В 1953 году поступил в академию и закончил в 1960г. Командовал батальоном, танковым полком, а затем военным советником при посольстве СССР в Йеменской Арабской Губернии, там нам с женой сделали перстни с нашими именами на память. Демобилизовался в 1975 году. После увольнения работал техническим методистом. На войне погибли три моих дяди и брат. Среди наград ордена Отечественной войны 1 и 2 степени, медаль «За боевые заслуги», медаль «За взятие Берлина».

Контр-адмирал Иван Иванович Меркулов написал мне стихотворение.

Павлу Сергеевичу

О жизни спокойной своей рассказал
В кровавые, страшные годы.
Как пулей пробитый в воронке лежал,
И выжил – он крепкой породы.
Про марши ночные на выдохе сил,
Про сон под охапкою сена,
Как солнце палило, как дождь моросил,
О пыли столбом и грязи по колено.
Как в морге в Тбилиси тифозный лежал,
Грузинка мацони лечила,
Как с другом ведерками гречку едал,
Как возвращалась сила.
Как в «Шерманах» дважды в Берлине горел,
Как «Фаусты» танки палили...
Я слушал и на героя смотрел,
Мы долго про все говорили,
Морщин почти нет на лице у него,
Не старит житейская вьюга,
Есть ангел-хранитель – жена у него,
Его боевая подруга.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 2 курса факультета искусств Ставропольского государственного педагогического института *Бовтунова Юлия Сергеевна*.

Иванов Сергей Семенович

Любой ценой попасть на фронт

Я, Иванов Сергей Семенович, родился 23 февраля 1926 году в городе на Неве – Ленинграде, в простой семье. Нас было четверо детей: 3 брата и сестра. Семья была дружная. Все друг другу помогали, ценили и уважали семью. Рано научившись читать, я очень быстро перечитал все книги, какие только он мог достать. Собственными силами достиг предельного для того времени образования в родных местах. До войны окончил 8-летнюю школу. Это считалось в то время как высшее – университет. Был с раннего детства самостоятельным. Всегда и во всем помогал родителям.

Дата 1941 года стала для меня красной датой. Мы узнали о начале войны по радио. Как только началась война, я, будучи несовершеннолетним, задался единственной целью – любой ценой попасть на фронт, чтобы защищать Отечество. Добровольцем ушёл на фронт в 17 лет. Мои братья и отец тоже ушли на войну. Осталась мать и сестра дома. Мать, помню, очень плакала и молилась за нас. Говорила: «Как мне жить, как мне жить теперь с такой раной на сердце. Осталась я одна, а мои дети и муж уходят, не знаю, когда же я вас увижу. И вообще, увижу ли я вас». Эти страшные суровые годы войны не обошли нашу семью. Я никогда не забуду глаза матери своей, когда она провожала нас всех. Каждый из нас знал и понимал, что идем на верную гибель и смерть. Но от этого никуда не деться. Я готов был отдать жизнь за мать и сестру. Только чтоб они жили.

После обучения на военных курсах воевал в 126 морской бригаде командиром пулеметного отделения. После неравных боёв, потеря многих однополчан, получили приказ отступить. Жуткая картина. Оставшиеся машины без бензина сжигали, танки взрывали. На себе несли все, что можно было унести, а по пятам за нами шли немцы. Частенько они нас обходили, и тогда приходилось принимать бой и выходить из окружения. Теряли боевых товарищей десятками. Решено было продвигаться небольшими группами только ночью. Днем же спасением были леса и перелески, зато ночью гибельны-

ми болота и топи. Вскоре к останкам солдат полка присоединился саперный батальон. Вместе двигались на Минском направлении. Под Барановичами вновь попали в окружение. Каждый день гибли десятки молодых парней.

Но с каждым днем росло и мастерство наших солдат и командиров, накапливался опыт. Подвижные группы в 50-60 человек – разведчики, автоматчики, саперы просачивались в оборону врага, нападали с тыла, внезапно, действовали умело и беспощадно. Нередко наши солдаты значительно уступали в численности и побеждали только за счет мастерства и мужества. Только на третий день вырвались из кольца.

Мы получили приказ – к утру идти вперед по дороге. Шли лесом, по проселочной дороге. Тяжелые кровопролитные сражения, многодневные марши измотали нас. Усталость накопилась такая, что мы порой засыпали на ходу, двигались вперед в полусне, с закрытыми глазами, держась рукой за повозку, пушку или соседа. В батальоне оставалось человек триста. В два часа ночи начали занимать оборону. До рассвета торопливо рыли ячейки и окопы, устанавливали пулеметы, минометы и орудия, маскировались. Стояла сонная тишина, солнце еще не показалось из-за горизонта, как с северо-запада мы слышали нарастающий гул. И мне было ясно, что снова будет кровь... смерть..., только бы выжить, – я говорил себе, – только бы остаться живым...

Подходили немецкие танки. Я насчитал штук десять. Шли они осторожно, не торопясь, не стреляли. Мы должны были удержать высоту и село. Заметив нашу оборону, танки стали обходить с флангов. Наши три «сорокапятки» открыли огонь, но броню они не пробивали! Хорошо были видны в бинокль только белые пятна на броне от выстрелов. Рассвело, бой разгорался серьезней с каждой минутой. Потери большие, бьют нас из танков. Положение становится отчаянное. По радиации связываюсь с полком. Говорят: «Жди помощь. Идет к вам помощь, только держитесь!» Я даже чуть поднялся духом, но немцы все лезут и лезут. Они в этот раз что-то особенно обнаглели. Грохот стоял страшный, сплошные разрывы. Я видел, как снаряд попал в корову, и она там так редела, было очень жутко и страшно. И так нервы напряжены, да еще она с воплями...

Дым стоит стеной на весь горизонт. Дороги не видно, управлять боем трудно, но пока отбиваемся. Стараюсь следить за полем боя, понять обстановку. Снова пошел к рации, вызвать командира полка, и не дошел метров пяти: сзади разрыв и как подкосило меня выше колен. Махал, махал руками, думал удержаться на ногах, но упал. Смотрю – кровищи, как собаки покромсали. Перевязали, положили на плащ палатку, на моих глазах сразу же убило двух солдат, взрыв и нет обоих...

Привезли мины, но минометы у нас почти все были разбиты. Повезли меня в медсанбат. Потом в медсанбате хирург дал мне на память горсть осколков, вынутых из ног. После боя в медсанбат приезжал друг, рассказал, что устояли, но от батальона осталось всего восемнадцать человек...

Принял батальон бой, связался с ротами, просил помощи, держался, отбивался. Вскоре немцы начали новую атаку. Идут танки, четыре машины, за ними пехота, идут смело. Думали, наверное, что нас тут никого не осталось и путь свободен. Наши саперы успели поставить несколько противотанковых мин, и головной танк подорвался. Бронебойщики подожгли вторую машину, а третью подбили солдаты из противотанковых ружей. Грохот, дым, пыль, но немцы все равно лезут, прикрываясь танком и двумя бронемашинами. Наши пулеметчики и минометчики работают изо всех сил... Немцы шли, переступая через трупы, не считаясь ни с чем. Это была какая-то безумная атака, животное упорство. Отбивались мы крепко. Много нашего брата погибло, а меня ранило в плечо и в грудь...

Метко били минометчики капитана Бондарева, но недалеко от него сухо хрястнул разрыв. Бондарев лежал на земле, гимнастерка на спине, голова не понятно как лежит, весь как-то обмяк. Подбежал я к нему и все понял: серые крупинки мозга из развороченного затылка густо облепили воротник и плечи...

Рогные связисты ползали буквально под гусеницами танков, восстанавливая связь. Казалось, весь батальон перепахан с землей, уже полтора часа шел бой... Четыре атаки отбил батальон. Сначала 7, потом 8, 12 и, наконец, 15 вражеских танков принимали участие в атаках. Но успеха враг здесь так и не добился. На поле боя остались три разбитых танка и 70-80 трупов немецких солдат. Но мужество

победило металл и противника. Противник, оставив на перепаханном снарядами поле дымившие танки и бронетранспортеры, убитых солдат, повернул назад. Мне было ужасно страшно в тот момент...дрожа по коже... и слезы на глазах...я жив, а мой товарищ нет...

В наступлении, если противник вел сильный огонь, пехота ложилась и окапывалась, а мы, облепив пушку, во весь мах выскакивали в ее цепи, отцепляли пушку, маскировали, снимали боеприпасы и только тогда сами окапывались. Однажды развернулись на опушке леса, впереди деревня, а кругом поля с поспевающим хлебом. Вижу, к сараю выполз «Тигр» и давай нас обстреливать. Бронебойных снарядов у нас не оказалось, ударили осколочными по гусеницам. Танк ушел в укрытие, но этими выстрелами мы раскрыли себя. С крыши сарая выстрелом снайпера был убит один наш боец из расчета. Развернули пушку, ударил по сараю, видно было, как с крыши прыгали немцы. Через прицел заметил в хлебах двоих немцев. Первым же снарядом уложил обоих. Бежит немец с крупнокалиберным пулеметом. Выстрел из пушки – снаряд попал немцу прямо в пулемет. Изоржи поднялись немцы в атаку – ударил осколочными... За этот бой я был представлен к ордену Красной Звезды. Получил его только в ноябре 1949 года.

А последний бой принял на польской границе. Впереди виднелись белые хаты небольшого городка, откуда на нас шли немецкие танки. Снаряд из танка угодил в тополь, стоявший за нашей пушкой, осколки попали в руку и в бок, но все обошлось. Развивая успех, дивизия продолжала стремительно продвигаться на запад. Но сопротивление противника возрастало буквально с каждым часом. В полосе дивизии появились свежие части вражеской пехотной дивизии, постоянно действовали 12 самоходок и танков, из глубины их поддерживали еще 8-10 танков. На первый взгляд, это были незначительные силы против целой дивизии, но вражеские самоходки, действуя как подвижные огневые точки, активно маневрировали на поле боя, и 3-4 таких машины с группами автоматчиков способны были контролировать огнем 2 км фронта, резко замедляли этим продвижение наступающих. Борьба с ними было чрезвычайно сложно. Наши батальоны значительно поредели, люди устали, не хватало артиллерии. Части дивизии дважды начинали наступление, но безрезультатно: мешал плот-

ный и организованный огонь. Фронт снова тронулся на запад. Дивизия ежедневно платила жизнями 15-25 своих солдат и офицеров, по 80-150 раненых проходило ежедневно через медсанбат.

Дни короткого отдыха закончились очень быстро. Вечером батальон был построен в походную колонну и двинулся к передовой. Шли всю ночь. Ночевали в большом лесу, костров не разводили. Начался день, ясный, безоблачный. Солдаты спали, кто-то писал письма домой, проверяли оружие, перетряхивали вещевые мешки, ну и, конечно, думали о завтрашних боях. Разговоры о предстоящем наступлении были тихими и как будто неинтересными. Но за всей этой обыденностью чувствовалась сосредоточенность и тревога. У каждого бойца в душе шла та внутренняя работа, в результате которой они поднимутся завтра в атаку и пойдут вперед, не думая о том, что далеко не всем повезет остаться в живых. Наш новый комбат вызвал командиров. По его настроению все поняли – завтра наступление. Комбат весело поздоровался, рассказал о боевой задаче: «Взломать оборону противника и освободить населенный пункт. Потом повернулся ко мне: «Раздай командирам рот карты, уточним задачу нашего батальона в деталях. А боевой приказ получите за час до наступления». Я подробно доложил задачу каждой роте.

Помню опушку леса, багряный закат солнца. Все сидели задумчивые. Выступали капитан Акулов и комсорг батальона Сергей Очеретник. Стоя навытяжку и сжимая автомат, он говорил: «Враг должен быть изгнан, для этого не надо много говорить, просто нужно быть верным солдатом своей Родины и отдать свою жизнь за нее». В тревожном ожидании прошла ночь. Солдаты еще раз ощупывали ремни, автоматы, диски с патронами. В общем, делали десятки в сущности уже ненужных движений, потому что все было приготовлено и подогнано. Некоторые жадно курили, все свое внимание, концентрируя на этом курении, будто это дело и есть сейчас самое главное. В сторону противника почти не смотрели. Наконец в восемь часов утра получили приказ. Атака – в девять. Стояла удивительная тишина. Жадно вдыхали чистый воздух – пахло цветами, переспевшей рожью. Именно здесь, на этих хлебных полях человек был ближе всего к смерти...

А вскоре задрожала земля, заходила ходуном. От воя снарядов и мин стоял страшный, сплошной гул. Небо чертили огненные трас-

сы снарядов «Катюш». Наконец, команда: «Приготовиться к атаке!» И солдаты то ползком, то перебежками стали продвигаться вперед. Огонь со стороны противника был сильный. Особенно нам мешал танк, до верха зарытый в башню. Видно было, как первая и третья роты достигли восточной окраины, зацепились, – сказал майор. Приглядевшись, я увидел на поле около десяти человек убитых из второй роты. Им уже не суждено было подняться. Лежали, устремив руки вперед, словно еще хотели ползти. Улицы в селе были пустые, стекла в домах выбиты, двери нараспашку. В траншее, захваченной второй ротой, валялись трупы в зеленых френчах. Метрах в тридцати я увидел солдата. Он как раз выдернул из автомата пустой диск, но вставить новый не успел – в траншею спрыгнули трое немцев. Двое тут же сползли вниз мешками – их срезал другой солдат, а третий, сбив его с ног, схватил его за горло и повалил на дно траншеи. Солдат с силой оттолкнул немца от себя, а другой солдат прошел немца короткой очередью. Фашист скорчился, этот солдат попытался встать, но не смог. В руке немца блеснул кинжал и с силой вонзился ему в грудь.

Надо было еще уничтожить танк, который вел губительный огонь. Со мной был Семен, я сказал ему обратиться к танку и забросать его гранатами. Семен пополз к танку, был уже в «мертвом» пространстве, когда танк двинулся на него, чтобы раздавить. Семен вывернулся из-под гусеницы и ударил гранатой по моторной части. Раздался сильный взрыв, и танк быстро окутался густым дымом. Путь пехоте был открыт. Это был отличный парень, умел поднять настроение солдат и повести за собой. И скоро уже фигурки бойцов устремились вверх по высоте, утопая в густой ржи. Но огонь был сильный – минометы, пулеметы – и наши залегли. Подоспела полковая артиллерия, с ней был капитан Ратин. Прямой наводкой батарейцы с близкой дистанции уничтожили несколько огневых точек. На миг стало тихо, и вдруг на поле появился человек, он размахивал автоматом. Это был солдат. Вслед за ним поднимались бойцы, один за другим и группами и вот уже вся рота идет в атаку. Снова застрекотали автоматы, полетели гранаты. Кое-где были видны рукопашные схватки. Видно было, как побежали немцы, отстреливаясь на ходу.

Бой вроде бы заканчивался, иду вперед за ротой. Встретился боец с перевязанной рукой, спросил его, из какой он роты. Он сказал, что из первой, показал, где найти комбата. Я пошел к отдельным домикам, где должен был быть комбат. Пробираясь через кустарник, я ощутил какое-то беспокойство. И чем ближе подходил к этим домикам, тем тревожнее становилось на душе. И вдруг – взрыв. Очнулся – боль в пояснице, в груди и в голове. Все тело колет и ноет. И чувствую, что кто-то меня тащит. Сквозь звон в ушах слышу голос чей-то. Это была девушка, маленькая, худенькая. Вытрет глаза платком и снова тащит меня, а у меня скрип в зубах от боли. Слышу, как она что-то ласково говорит... Попал в медсанбат...

На все жизнь осталась в памяти форсирование Немана. Оба берега сплошь были завалены трупами, а вода в реке стала красной от человеческой крови. Леденящая душу картина, как нам удалось спастись и переправиться на тот берег до сих пор не знаю. Я думал, что на этом моя молодая жизнь закончена. Но радость преодоления Немана была преждевременной. Не доходя до Минска, вновь попал в окружение, из которого уже вырваться не удалось. Всех ждал в лучшем случае плен, в худшем расстрел.

Загнали, как скот, в товарняк и отправили на восток. Я попал в концлагерь Вицендорфа. Колочая проволока под напряжением, овчарки, сторожевые вышки, охрана и ... норы, которые мы сами рыли, чтобы прятаться от дождя или жары, вот так нас содержали.

А чтобы не сразу пленные умерли от голода, нас кормили, выдавая раз день две картошки и граммов сто хлеба. Я настолько ослаб от недоедания, что меня уже водили под руки. Конечно же, ни о каком побеге не было и речи.

Мне кажется, еще дней пять такой жизни, и я бы просто умер голодной смертью. На счастье, нас переправили в другой концлагерь Ротенбург. Здесь пленных содержали в бараках, да и кормежка стала чуть лучше. Наверно, начальник лагеря был человечней. А еще русских пленных хорошо поддерживали французы. Им по линии красного креста переправлялись посылки, и они их содержимым делились с нами.

Через месяц новый лагерь. В Витофе некоторых на день брали крестьяне из деревни Рейсу, остальные работали на железной до-

роге. Пленный Иванов был прикреплен к семье Гобс. Днем работали на хозяина, а вечером возвращались в лагерь. В одну из ночей Витоф заняли американцы и англичане и нас, пленных, всех освободили. Тогда мы узнали об открытии Второго фронта.

Почти месяц я пробыл у американцев, потом передали своим. Попытался разыскать своих братьев, и отца – все они были участниками войны. Но, к сожалению, это было плачевно. Я узнал, что они ушли и не вернулись. Погибли все. Отдали жизнь за мать, за сестру, за дочь, за спасение детей, за спасение женщин, за Отечество. Когда я вспоминаю это, у меня текут слезы. Мать, как же мать наша, которая ждет нас и верит, что мы вернемся.

16 марта 1945 года советские войска форсировали реку Вислу. Бои были страшные. Сколько молодых и старых солдат освободителей так и не вернулись домой с войны, оставшись навеки в кипящем от огня, крови адском котле переправы. Бой продолжался почти трое суток. Мы практически одолели врага танками и артиллериями. На Висле уложил я 18 фашистов. Но фашистский снайпер, заняв удобную позицию, косил из пулемета советских солдат. Досталась фашистская пуля и мне. Но даже тяжелораненый, я продолжал строчить по врагу. Я пошел на отчаянный поступок, мне нужно было отомстить за погибших сослуживцев, за отца Семена Иванова, погибшего на фронте в 1942 году, за мать, умершую от голода в блокадном Ленинграде и похороненную на Пискаревском кладбище, двух родных братьев, Анатолия и Виктора, погибших при освобождении Румынии и Венгрии, за сестру Валентину Иванову. Перед самой войной она окончила мединститут и служила в составе 36-го медсанбата, который в 1942 году попал в окружение врага. Всех вырезали финны, погибла и молоденький врач Иванова.

Второе ранение получил в 1945 году в ногу, был госпитализирован. Лежал в гипсе почти 3,5 месяца в Закарпатье г. Новосончи (санаторий р. Висла). Нужно было обязательно выжить в этой смертельной схватке с врагом, и выжил солдат Сергей Иванов, выжил!

За годы войны я видел много смертей, много крови, испытал такие страшные чувства, но всё это было пережито ради сохранения мира на родной земле. Освобождая Отечество, с тяжелыми боями я дошел до Карпат. А шел солдат Иванов на Берлин, поэтому по-

гибнуть ему ну ни как нельзя было. Уже потому, что ради Великой Победы была погублена моя молодость, всех рода Ивановых, без колебаний, положивших на алтарь Победы свои яркие, сгоревшие, как кометы, мечты и жизни.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 5 курса историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Волобуева Юлия Сергеевна*.

Качанов Фёдор Тимофеевич

Это было под Ельней

Я, Качанов Фёдор Тимофеевич, родился 18 августа 1924 года, в селе Воробьёвка, Приютненского района Калмыкии, русский. Отец, Тимофей Иванович, был красным партизаном, участвовал в гражданской войне, за что был награждён орденом Красного Знамени.

До войны я окончил 6 классов. Дальнейшее образование я не смог продолжить в связи со смертью отца. Нас осталось пятеро детей на попечении больной и не молодой матери. Пришлось идти работать в колхоз имени Буденного в селе Воробьёвка, чтобы хоть как-нибудь помочь матери растить моих младших братьев и сестёр.

В 1940 году я окончил школу ФЗО (фабрично-заводского обучения) в городе Элиста. О начале войны узнал в 1941 году, в момент обращения к народу СССР по радио, будучи в то время разнорабочим в колхозе имени Буденного, в селе Воробьёвка.

В январе 1943 года по призыву Приютненского РВК был мобилизован в Красную Армию. В боевых действиях принял участие в феврале 1943 года, в городе Ростове-на-Дону в составе третьей инженерно-сапёрной бригады.

В марте 1943 года нашу бригаду передислоцировали под Москву на станицу Бугово. Там же, в 1943 году был образован штурмовой, инженерно-сапёрный батальон РГК (резерв главного командования). Меня зачислили в 3-ю роту, 11-го отдельного инженерно-сапёрного штурмового батальона РГК. Летом 1943 года, у деревень Ртищево и Носоново в качестве уже танкового десантника с РПД (ручной пулёмёт Дегтярева) началась моя фронтовая жизнь.

Летом 1943 года в качестве сапёра-штурмовика форсировал реку Угра, освобождал станицу Угричка, город Ельню, город Рудня в ка-

честве командира взвода, помощник командира взвода Курышёв погиб под Смоленском.

Особенно запомнились бои под Ельней. Потерпев сокрушительное поражение под Ельней в 1941 году, и потеряв при этом около 60 тысяч солдат и офицеров, немецкое командование к 1943 году создало на Ельнинском направлении мощную, глубокоэшелонированную оборонительную систему. Каждая её линия включала в себя: минное поле из противотанковых и противопехотных мин, противотанковый ров и проволочные заграждения. Многократные попытки наших войск прорвать эту оборонительную систему немцев кончались неудачей.

В прорыве этой линии пришлось участвовать и мне в составе специально обученного отдельного штурмового инженерно-сапёрного батальона резерва Главного командования. Обучали нас два месяца под Москвой, и выдали каждому, кроме личного оружия, бронированный щит.

На исходном рубеже у деревни Ртищево перед нами была поставлена боевая задача – танковым десантом подойти к укреплённой линии и под прикрытием огня проделать проходы в минном поле, противотанковом рву и проволочных заграждениях.

И вот на рассвете, сев по два человека на броню танков, после артподготовки мы вошли в нейтральную зону. И сразу стало ясно, что артподготовка не причинила большого вреда немцам, так как на нас обрушился ураганный огонь, в воздухе появились немецкие самолёты и начали бомбить наши боевые порядки, утро превратилось в ночь, земля дрожала от разрывов, казалось, что в этом крошечном аду, не останется ничего живого. Танки напоролись на минное поле, стали маневрировать взад-вперёд, а мы, спрыгнув с них, ползли вперёд, нащупывая и извлекая мины.

Коварным оказалось это минное поле, так как кроме противопехотных и противотанковых, были установлены мины с дополнительными донными и боковыми взрывателями. Разминировать такую мину практически невозможно, а под огнём противника тем более, ведь полагалось такую мину зацепить крючком на длинной верёвке, спрятаться в укрытие и вытянуть её, тогда она и взорвётся. Но в данной ситуации этот метод применять было невозможно, и мы, на свой страх и риск, выкрутив центральный взрыватель, извлекали мины из земли... В этом бою я разминировал семь противотанковых и две противопехотных мины.

Осенью 1943 года при подготовки форсирования реки Лучека под городом Витебском, у роши Щучья был тяжело ранен и находился на излечении в городе Братск до августа 1944 года.

Осенью 1944 года в составе 37-й гвардейской стрелковой дивизии 114-го стрелкового полка 2-й стрелковой роты в качестве пулемётчика под командованием генерала Батова на Наревском плацдарме (Польша) вновь был тяжело ранен в грудь осколком снаряда. Проходил лечение в полевом госпитале под городом Вышку, затем в городе Бресте, затем в городе Грозном (Ингушетия).

А 18 апреля 1945 года ВТЭК (врачебно-трудовая экспертная комиссия), при эвакогоспитале был признан инвалидом Отечественной войны второй группы. В Великую Отечественную войну погибли два моих двоюродных брата: капитан Дарминов Кирилл, рядовой Решетников Матвей Иванович.

22 апреля 1945 года вернулся домой в село Воробьёвка. Работал весовщиком, заведующим складом, а в 1950-е годы – управляющим отделением в совхозе «Ставрополец». Впоследствии окончил Ставропольский сельскохозяйственный институт и с 1964 по 1990 год работал председателем колхоза имени Свердлова в станице Новомарьевской.

Боевая закалка сказывалась всю жизнь. Среди боевых наград имею медали «За боевые заслуги», «За отвагу», а среди трудовых – медаль «За доблестный труд» и орден «Трудового Красного Знамени».

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1 курса факультета специальной педагогики Ставропольского государственного педагогического института *Рец Лилия Викторовна*.

Луканский Нинел Васильевич

Случайно на всю жизнь

Я, Луканский Нинел Васильевич, родился 10 сентября 1925 года в Белорусской ССР в городе Бобруйск. До участия в войне окончил техникум физической культуры.

О войне узнал 22 июня 1942 года дома в Москве в военном городке. Лежа в кровати, слушал по радио музыку и внезапно, на интуитивном уровне, понял, что что-то произошло.

Через месяц в Москву прорвались первые фашистские самолеты, и весь военный городок был эвакуирован в Красноярск. В декабре 1942 года добровольно поступил в Харьковскую авиационную школу (ХВАШ), эвакуированную из города Рогань. 23 февраля 1943 года принял присягу, курсантом окончил ХВАШ. И в 1944 году получил воинское звание младший лейтенант.

Весь боевой путь прошел в наступательных операциях фронтовиком 1-го Белорусского фронта в составе краснознаменного 661 БАП, 16 Воздушной Армии под командованием полковника В. Сонины.

Первый вылет был совершен 24 февраля 1944 г. со старшим лейтенантом Григорьевым А.И. на Штеттин, Лансберг (штурм аэропорта). Затем последовали: Висла – Одерская операция: полеты на Цехин (9 марта), Кюстрин (9 и 11 марта), Заксендорф (22 марта), Франкфурт (22 апреля); Берлинская операция: полеты на Берлин (23 и 24 апреля), город Топпер (в ночь 24 апреля), Люме (25 апреля), Керик (26 апреля), пригород Берлина – Мюнхехоф (29 апреля). Военные действия закончил в День Победы в пригороде Берлина Мюнхехофе (18 км до Рейхстага, 7 минут полета) штурманом самолета 661 Берлинского краснознаменного легкомоторного авиаполка в звании младшего лейтенанта.

В Мюнхехофе 8 мая 1945 г. перед ужином в полк вернулся экипаж Пети Бойко и Лени Огарева. Встреча была очень теплая и душевная. Поужинав, я отправился к стоянке самолетов, которые стояли на опушке леса хвостами под кроны деревьев. Солнце спряталось за горизонт, темнело. Кругом тишина, к которой мы уже нача-

ли привыкать. И вдруг – стрельба, взрывы (в лесу стояли танкис-ты). Первая мысль – ПОБЕДА! Бегом к ближайшему самолету, на крыло. Вот они – ракетница, ракеты – все вверх. Стреляло кругом все, что могло стрелять. Так встретили День Победы фронтовики 1-го Белорусского фронта вечером 8 мая.

День Победы и в личном плане был для меня особенным днём. Представьте себе, прошло много лет, когда два военнослужащих, находящихся на приличном расстоянии друг от друга, а именно один на полевом аэродроме в предместье Берлина – Мюнхехофе, а другой в Польше на аэродроме Ленчица, с 8 на 9 мая 1945г. одновременно были назначены на дежурство. Так получилось, совершенно случайно.

Рассвет 9 мая 1945 года. Польша. Аэродрома Ленчица. Узел связи. Телефонный звонок, в трубке голос: «...трубку не клади. Возьми лист бумаги и карандаш, все, что буду говорить ЗАПИШИ!» Телефонограмма была о Победе. Мою телефонограмму принимала дежурный телефонист рядовой А.М. Мишина. С телефонограммой она побежала будить замполита батальона, а с ним к комбату. Далее сбор, построение, митинг, объятия. Так встретили день Победы авиаторы 6 Воздушной Армии 2-го Белорусского фронта генерала лейтенанта ГСС Польшина.

Телефонистку Мишину А.М. я встретил в 1946 году на аэродроме Финов, севернее г. Берлина. Стройная, светловолосая, библиотекарь клуба батальона, большая любительница книг и их пропагандистка. А в 1946 году в Потсдаме в Советском представительстве был зарегистрирован наш брак. С этого года по 2003 жили с Анной в добре и согласии (до последних дней ее жизни). Прожили 57 лет, вырастили 2-х сыновей, 6 внуков, 3 правнуков.

После окончания войны мы сразу же перелетели с территории Германии в Польшу, местечко Плату – Плачки, под командованием командира авиаэскадрильи капитана Н. Я. Борисенко. Там занимались летной работой. Из Польши перелетели в Дрезден, а 6.09.1945 года нас направили на получение новых самолетов в Москву, оттуда эскадрилья перегнала самолеты По-2 в предместье города Дрездена – Клотше, где занимались боевой подготовкой. Затем перелетели в Альтенбург, там дислоцировались две дивизии – 9-я гвардейская и 242-я. В декабре 1945 года перегнали самолеты

По-2 из города Киржач (Подмосковье) в Альтенбург. Там дивизию расформировали, и я попал в отдельное буксировочное звено, которое обслуживало Альтенграбовский полигон.

Среди боевых наград орден Славы 3 степени, медаль «За боевые заслуги», медали «За взятие Берлина», медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

На всю жизнь я оказался связан с военной авиацией. Военная жизненная школа и 18 лет летной работы сделали меня специалистом первого класса. 40 лет я проработал в должности мастера практического обучения класса авиатехнической подготовки.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 2-го курса факультета искусств Ставропольского государственного педагогического института *Мартыненко Алена Евгеньевна*.

Москаленко Алексей Иванович

За стеной огня и дыма не было видно солнца

Я, Москаленко Алексей Иванович, родился 15 августа 1923 года в селе Спасском Бурлацкого района. В 1938 года окончил 7 неполных классов школы.

21 июня 1941 года я был на работе со своими товарищами. Один из приятелей начал подшучивать над нашим сверстником, и мы все смеялись над тем, как тот начал краснеть и оправдываться. Внезапно вошел ямщик, который пас быков. И говорит нам: «Ах вы, хлопцы, отставить смех, война началась, а узнал я это от человека который приезжал на лошади к колодцу и воду набирал. Он велел всем ехать по домам». От такой информации мы все растерялись и не знали, что нам делать, куда бежать, все были в панике.

В боевых действиях я начал участвовать по призыву Бурлацкого военкомата. 5 апреля 1942 года получил повестку. Военную присягу принял 17 мая 1942 года в объединенной школе радистов. Был отправлен на морской флот, по воинской должности – матрос, и получил удостоверение Черноморского Флота. Служил в 213-м отдельном артиллерийском дивизионе под командованием майора Лебедева и под командованием командира батареи Чернявского.

Наш боевой путь проходил из Новороссийска в город Сухум (Кабардино- Балкария) 1942-1943гг. Мы отражали атаки немецкой авиации, охраняли портовые пути в город, не давая врагу проникнуть на нашу территорию. Из пушек мы стреляли в немецкие самолеты по горизонтали на 15 км и по вертикали на 8 км. Воздушные атаки были внезапные и непостоянные, каждый из нас должен быть начеку. «За Родину! Ни шагу назад!» – с этими словами мы шли в бой снова и снова.

Осенью 1943 года нас и все наши боевые пушки, снаряды, винтовки погрузили на платформы и отправили в Кабардинку, в 8 км от

Новороссийска, где 213 дивизион охранял самолеты, которые подвергались постоянным нападениям с воздуха, а мы отражали атаку. В июне 1944 года наш дивизион включили в состав 3-го Украинского фронта под командованием генерала Малиновского.

В 1944 года в городе Одессе вместе с 3-м Украинским фронтом мы, отражая непрерывные огненные атаки, охраняли Одесский порт. Затем воевали в 1944 г в городе Измаиле (Мордовия).

В начале 1945 года под командованием Малиновского наш дивизион отправили освобождать Румынию, Югославию. На баржу были погружены пушки, все боевые снаряды, и мы поплыли вверх по Дунаю. Это были тяжёлые бои. Дивизион участвовал в освобождении города Турну-Северин и многих других населённых пунктов.

До сих пор в моей памяти эпизоды войны. Как-то от прямого попадания самоходка загорелась, командир орудия и механик сгорели заживо. Нашему командиру чудом удалось спастись. Обгоревшего командира отправили в госпиталь, лицо его было сплошной волдырь. В самый разгар боя у нас закончились боеприпасы. Недалеко от позиции машины моего экипажа стояла наша подбитая самоходка. Командир приказал доставить с нее боезапас, под разрывами бомб, снарядов и мин, непрерывным обстрелом заряжающий добрался до цели, через окровавленные мертвые тела танкистов сумел вытащить снаряды и доставить к нашей машине. И снова – в бой! За это сражение наш отважный экипаж был представлен к награде.

Свой орден Славы III степени получил за бой, который был настолько жестоким, что за стеной огня и дыма не было видно солнца. Из 83 человек подразделения, где воевал я, в живых осталось лишь 13. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За победу над Германией», медалью Жукова, медалью «За оборону Кавказа».

Во время боевых действий получил ранение в области левой стороны лица, осколок боевого снаряда вытащил сам и от лечения отказался, тяжесть ранения – легкое.

Военные боевые действия я закончил в 1945 году в городе Новые Сады. Радости не было предела, танкисты салютовали в небо, мы стреляли в честь Победы по три боевых снаряда. Все обнимались, смеялись, плакали и все вместе трижды кричали: “Ура! Ура! Ура!”.

Ведь мне и многим моим боевым товарищам пришлось пройти, можно сказать, непроходимый путь. И мы смогли все вынести, пережить и победить! Демобилизовался в марте 1947 года из города Измаила.

На войне погиб мой родной брат – Москаленко Виктор Иванович. В Литве шел жестокий бой, Виктор со своим дивизионом стоял насмерть, держа оборону. Его тяжело ранило, но он продолжал отражать атаку, и погиб за освобождение Литвы. И вот смотрю я на его фотографию, ведь он вместе со всем народом добывал Победу, напрягая все душевные и физические силы, не ожидая никаких наград, кроме Победы. Как все-таки хорошо, что после людей, остаются фотографии! Если пожелаешь, они о многом тебе расскажут. А ты о многом узнаешь, удивишься, посмеешься, всплакнешь и станешь на все глядеть другими глазами, станешь все мерить другими мерками – повзрослеешь. Будешь жить, мечтать и еще помнить о тех, кто уже не придет никогда, ещё больше любить тех, кто еще жив. Это твои корни.

После окончания войны я написал такие строки:

... Глянь на живых,
Запомни их награды,
Медали их и Славы ордена.
И помни: Ничего-то им не надо,
Была бы вечно
Счастливая страна.
Глянь на живых,
Они ведь смерть встречали.
И смерть поныне снится им порой.
Они грустят, они скорбят ночами
О тех друзьях, что спят в земле сырой.
А сколько тех,
Чьи очи отглядели,
Чьи души отлюбили навсегда!
Они ушли в созвездия,
В метели, в цветы,
Что украшают города...
Они ушли и стали пылью пашен,
Что улеглась в накрапах грозových...

Они живут! Они – дыхание наше,
Они – сердца оставшихся в живых.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1 курса факультета специальной педагогики Ставропольского государственного педагогического института *Олабенко Марина Николаевна*.

Москвитина Мария Ивановна

Война в моей судьбе

Я, Москвитина Мария Ивановна (в девичестве Маша Федорова), родилась 23 июля 1923 года в деревне Новоселки Калининской области. В 1934 году приехала жить в Ленинград к старшей сестре из Калининщины. В большой многодетной семье я была четвертой, где старшие дети старались, как можно раньше «переходить на свои хлеба». Сперва помогала нянчить маленькую дочь сестры, а, окончив вечернюю школу, пошла в ученицы к сестре на ткацко-прядельную фабрику имени Ногина. До сих пор я вспоминаю отрывки из своего коротенького детства, когда я бегала с подружкой покататься на качелях и поесть мороженого в парк им. Бабушкиного (Бабушкин сад). Столько было надежд на счастливое будущее, которое внезапно оборвала война.

По призыву Ленинградского комсомола я вступила в отряд добровольцем местной противовоздушной обороны. Было мне тогда всего 18 лет. Выдали форму, удостоверение с пометкой «Красноармеец 10 батальона НПВО», поселили в одной из школ города, где была жесткая дисциплина. После короткого обучения сразу были направлены на боевые точки, оказывать первую помощь раненым бойцам и мирным жителям во время артобстрелов и вражеских бомбежек, осуществлять перегрузку раненых, доставленных до города санитарными поездами с фронта, и расформировывать их по госпиталям. Сколько погибло подруг во время тушения и сбрасывания с крыш города фугасных бомб и зажигательных смесей. В одной из таких военных операций я и сама была ранена, о чем сегодня напоминает шрам на спине.

Блокада не щадила ни солдат, ни мирных жителей. Голод наступил внезапно, когда закончились продукты в магазинах. В это же время фашистская авиация целенаправленно разбомбила Бадаевские продовольственные склады, где хранилось запасов, как минимум, на год, чтобы прокормить 2 млн. 400 тыс. ленинградцев. Источником жизни стал маленький 125-граммовый кусочек хлеба, состоящий из десяти процентов воды, из десяти процентов целлюлозной муки и на тридцать про-

центов из суррогатов и заменителей: бумаги, опилок, столярного клея. У сестры Нади оставались какие-то запасы пшена, так эта крупа до сих пор несет для меня такое же святое значение, как и хлеб.

Отопление, освещение, транспорт, связь с ноября 1941 года до лета 1942 были парализованы. К страшным испытаниям людей добавился холод. Маленькие печки-буржуйки и кипятик были тогда тоже спасительным огоньком жизни. Чайник воды, полено или доска были приравнены к хлебу. А санки зимой служили незаменимым транспортом: на них везли истощенных, обессиленных, мертвых, с ними шли за водой к заледенелым берегам Невы. К проруби люди просто скатывались, а наверх обратно к берегу могли подняться далеко не все. Сколько их, граждан блокадного Ленинграда, осталось тогда сидеть или лежать на полпути, превратившихся от снега в маленькие сугробики... А некоторые уже совсем не выходили из квартир, не реагируя даже на тревожные призывы в репродукторы: «Граждане, тревога! Всем пройти в бомбоубежище!»

Я до сих пор не могу без слез вспоминать, как в одной из квартир на пятом этаже обнаружили умершую от голода молодую женщину под кучей одеял и тряпья. В свертке у ее груди кто-то слабо попискивал. Это был ребенок, похожий на старичка. Под его прозрачной кожей была видна грудная клетка с пульсирующими ударами сердца, а к ручке привязан листок с надписью «Володя». Малыша определили в дом ребенка. А своего первенца потом в 1947 году я с мужем так и назвала Владимир, который тоже был жертвой последствий блокады, родившись в девять месяцев весом в один килограмм пятьсот граммов.

В теплые дни на Ленинград надвигалась эпидемия от разлагающихся трупов, их были сотни: в домах и на улицах. Может, там и надорвалась я, маленькая, хрупкая (мой рост сто пятьдесят шесть сантиметров, а весила тогда сорок два килограмма), вынося с подругами и накидывая доверху на машины этот страшный груз. Может, и ослепла спустя годы потому, что перед глазами прошли сотни ужасов человеческих смертей....

Печальна и трагична блокадная статистика. За девятьсот дней и ночей от бомб и снарядов погибли 16 467 человек. Около миллиона граждан погибло от голода. На январь 1944 года в Ленинграде насчитывалось 560 тысяч жителей – одна шестая часть его довоенного населения....

Трудно поверить, что в таких нечеловеческих условиях работали фабрики и заводы, переоборудованные на военное производство. На фабрике имени Ногина, где продолжала работать сестра Надя, производили специальную мешковину для санитарных носилок и сукно для солдатских шинелей. С конвейера знаменитого Кировского завода шли прямо на фронт танки и оружие. Кто не мог стоять у рабочего места, мог сидеть, подросткам, которые не доставали по росту до станка подставляли специальные табуреточки.

В ноябре 1941 года наш батальон участвовал в закапывании скульптурной группы «Укрощение огня» Аничкова моста на Невском проспекте, античных скульптур Летнего сада, укрывал купола знаменитых храмов и соборов. Но ни на одну минуту Ленинград не был в одиночестве. С воздуха наши самолеты сбрасывали для высадки на огородах (огородами были газоны, клумбы, парковые зоны) семена лука, лебеды. А с ноября 1941 по март 1943 стала действовать Дорога жизни – так называли сами ленинградцы транспортную магистраль, связывающую блокадный город со страной через Ладожское озеро. В период навигации ее путь составлял сто тридцать пять километров, зимой по льду немного короче, но и опаснее – 35 километров.

Батальоном МПВО не раз приходилось сопровождать раненых и эвакуированных детей-сирот на поезда до станции Какариево, а оттуда уже шла перетранспортировка людей на корабли или зимой на машины – «полуторки». Немало было и там трагических моментов, когда машины с людьми проваливались в полыньи (ведь ехали ночью) и никто не мог прийти на помощь, так как по приказу машины, идущие сзади должны были мчаться без остановки. Были такие случаи, когда голодные люди с криками отчаяния бежали по льду к тонущим машинам с продуктами и бросались под лед, забывая о смертельной опасности. Мир никогда не забудет чудовищных преступлений фашистских летчиков, когда они обстреливали и топили корабли с сидящими на верхних палубах детьми из детских домов. Их одинаковые костюмчики и платяца, панамочки и беретки хорошо были видны с воздуха. Те, кто видел этот ужас, никогда не забудет и не простит такого греха. В моей памяти на всю жизнь останутся радостные глаза и счастье детей, которому не было границ, а ведь, уезжая из Ленинграда, они верили, что никогда больше не увидят этот ужас.

Фашисты даже пытались сбрасывать диверсионные группы для подрыва сообщений на Ладоге. Но благодаря мужеству и необы-

чайной бдительности работников тыла и фронта, по Дороге Жизни было эвакуировано 539 400 человек, доставлено продовольствия и военных грузов свыше 1615 тонн. По дну Ладоги были протянуты электропровод и нефтепровода для подачи электричества и нефтепродуктов, что заметно оживило город и приблизило победу.

Уже в конце войны заскочил к нам, сестрам, на Ленинградскую квартиру (я помню адрес до сих пор: проспект Обуховской обороны, дом 17, квартира 12) мой родной мой брат Николай. Зашел не один, а с другом – краснофлотцем Федором Москвитиным, с которым воевал. Наши сердца в первую же встречу взволнованно застучали... А закончилось все рождением молодой фронтовой семьи, о чем повествует сегодня бережно хранящийся документ в семейном архиве: Свидетельство о браке №989 А.Г.С. Красногвардейского района города Ленинграда от 2 августа 1946 года. Настоящим подарком судьбы всегда он считал встречу в конце войны с юным бойцом МПВО Машей Федоровой, то есть мной, которая стала его единственной любовью и спутницей жизни.

После демобилизации из флота в конце августа 1946 года Фёдор привез меня, молодую жену, на родное Ставрополье, в отчий дом хутора Спорный. Отца Феде уже не было в живых, другие братья с семьями теснились в маленькой хатке, а строиться тогда было еще не за что. Муж подыскал работу, сначала на хуторе Румяная Балка, где снимали квартиру у дальних родственников и добрых людей, а потом переехали на второе отделение совхоза «Каменобродский», впоследствии ОПХ «Семеновод», а ныне поселок Равнинный, где и бросили навсегда свой житейский якорь Москвитины Федор и Мария.

Федя долгое время после войны ходил на работу в черном балтийском бушлате, ведь одевать тогда было нечего, за что и прозвали его в народе «морячком». Это доброе прозвище перешло и на его сыновей, внуков. Так и называют нас иногда – не Москвитины, а «Морячковы». Родилось у нас трое замечательных сыновей, от которых разрослось семейное древо на восемь крепких ветвей – внуков, и пока – на шесть росточков – правнуков. Прошло уже пятнадцать лет, как перестало биться сердце Феде. Он был солдатом до последней минуты жизни: сердце его остановилось 27 января 1994 года – ровно через 60 лет после прорыва блокады Ленинграда. Трудно и долго мы переживали эту утрату.

Как защитница Ленинграда, имеющая медаль «За оборону Ленинграда», орден Отечественной войны II степени, я являюсь почетным гражданином Санкт-Петербурга. А муж, Фёдор Москвитин – медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией».

Я часто напеваю своему дорогому девятому правнучку, который подходит к кровати старенькой бабушки, гладит мои натруженные в жилочках руки и ласково называет «Манюша», колыбельную, свою любимую фронтовую песню, куда так рвется сегодня моя душа по вечному зову памяти:

Зимой машины мчались вереницей,
И лед на Ладоге трещал.
Возили хлеб для Северной столицы,
И Ленинград всех радостно встречал.
Эх, Ладога, родная Ладога!
Метели, штормы, буря и волна,
Недаром Ладога, родная Ладога
Дорогой жизни названа.
И жизнь моя продолжается!

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 5 курса историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Москвитина Инна Викторовна*.

Мошников Николай Александрович

Когда возникала необходимость, шёл врукопашную

Я, Мошников Николай Александрович, родился 22 апреля 1926 года в селе Алексеевском Благодарненского района. Мои родители были простыми крестьянами. В нашей семье было трое детей. Старшая сестра Лида, я и брат-Александр.

Когда началась война, мне было 15 лет. Конечно, мы, мальчишки, ничего не понимали, вначале обрадовались, что теперь покажем фашистам, какая у нас Армия – самая сильная в мире. Но прошло немного времени, и мы поняли, что предстоит очень тяжелое для страны время. Помню, как тяжело было работать на уборке урожая без взрослых мужчин, недолгую, но запомнившуюся оккупацию села. Как от голода воровали у немцев, стоявших в старой школе, печенье. Как прятали у себя отставшего от своих капитана Красной Армии, застрелившегося из-за боязни попасть в плен. Наша семья вся воевала, кроме матери. Отец ушел на фронт в 1942 году, погиб под Севастополем. Лида в 24 года попала в ряды Красной Армии.

Меня призвали 10 января 1944 года. Попал в полковую школу младших командиров в станице Солдатской Прохладненского района, где до сентября проходил обучение. В сентябре 1944 года в звании сержанта я попал на 1-й Украинский фронт. Под мое командование дали стрелковое отделение из 12 человек. Первое боевое крещение получил на реке Висла в Польше. Воевал в 3-й Гвардейской армии, 58-й Краснознаменной дивизии, 170 полку в качестве разведчика. Наш полк дислоцировался близ города Сандомир, участвовал в форсировании рек Одер, Нейсе, Бобр в феврале 1945 года. Несколько раз наше отделение направлялось в разведку с целью взятия «языка». Пересекая линию фронта, проводили разведку боем, а когда возникала необходимость, то пристегивал к автомату штык-нож и шел врукопашную атаку.

События той поры сохранились в памяти до сих пор. Когда мотострелковый полк находился на территории Германии, поступил приказ обследовать территорию небольшого населенного пункта. Оказавшись на окраине, мы внимательно осмотрели дома и хозяйственные постройки, кругом тишина. На другом конце села я заметил часового, который охранял три пушки на конной тяге. «Сняв» часового, я подошел к дому, в котором горел свет. Рассмотреть, что происходит в комнатах, оказалось невозможно. Окна были закрыты. И тогда мы приняли решение атаковать противника. Ворвавшись в дом, автоматной очередью я прошелся над головами ошалевших от неожиданности немцев. Фашисты не ожидали такого поворота событий и предпочли сдаться в плен. В соседнем помещении мы обнаружили танк, который в любой момент мог вступить в бой. Меня за взятие в плен немцев наградили орденом Славы 3 степени и приняли в комсомол.

Уже в самом конце войны был получен приказ переправиться через реку Нейсе и оценить обстановку на другом берегу реки. Дело было ночью, поэтому мы не заметили, как оказались в засаде. Противник открыл шквальный огонь. В ходе боя погибли десять человек из двенадцати. Моих бойцов в живых осталось только двое. Сам был тяжело ранен. Меня и двух других тяжелораненых бойцов нашли утром, когда началось наступление советских войск. Очнулся в госпитале. Доктора сделали несколько операций, но так и не смогли удалить осколок мины, который остался в легких. И сегодня ношу его с собой. Это произошло 6 апреля 1945 года близ города Губен в Германии. До Берлина оставалось 60 километров, а до Победы, которую я встретил в госпитале города Грюмберг, – 32 дня. Конечно, было немного обидно, что совсем немного не дошел до немецкой столицы, но я был очень рад Победе.

Много получено было впечатлений от увиденной в Европе жизни. Особенно поразила Германия с ее аккуратными, чистыми домиками, мощеными улицами, горящими фонарями (даже в селах).

Медаль «За отвагу» получил спустя пять лет после Победы. Я тогда уже работал в колхозе. Мне ее вручил на общеколхозном собрании военный комиссар Благодарненского района. Эта награда мне была присвоена за мой последний бой.

После войны вернулся в своё родное село. До самой пенсии работал водителем в колхозе на молочно-товарной ферме, возил молоко на молокозавод. В 1984 был на встрече бойцов прославленной 58 Краснознаменной дивизии. Сейчас живу один. Занимаюсь огородом. Немного похвастаюсь: мой огород один из лучших в селе, закрутки на зиму делаю только сам. А какие у меня яблоки!

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1 курса факультета специальной педагогики Ставропольского государственного педагогического института *Уманская Анастасия Константиновна*.

Орлов Исай Гаврилович

Ранение было тяжёлым

Я, Орлов Исай Гаврилович, родился 5 марта 1924 года в селе Спасском Бурлацкого района. В 1939 году окончил 7 классов школы №7.

22 июня 1941 года в моем родном селе с моими друзьями мы весело проводили время: играли у мельницы в прятки. В этот день мы узнали о войне из радиоприемника, который висел на столбе. От неожиданного сообщения мы растерялись, заплакали и разбежались по домам.

В боевых действиях я начал участвовать по призыву Бурлацкого военкомата. В 2 часа в Буденновске сообщили по радиоприемнику, что Минводы и Георгиевск захвачены. 5 августа 1942 года мы должны были с сопровождающим отправиться в боевой путь, но он ушел с нашими документами, ничего нам не объяснив. Остался с нами только повозчик и его сын. Подъехали они к нам, и повозчик говорит: «Кладите мешки, здесь делать нечего, поехали по дома».

В 1943 году меня отправили в Краснодарский край станицу Афинскую. 17 мая 1943 года я находился во фронтовых частях под станицей Крымской, в составе 66 стрелкового полка 2 батальона 4 роты. Мы все вместе держали оборону, отражали атаки. В сентябре нас отправили на Южный фронт, на Крымский Перешеек, у села Ворошилова прорвали оборону противника. 27 сентября рано утром наш батальон вошел в село Черниговка и освободил его от немцев.

1 октября 1943 года я получил множественные ранения (левой руки, левой ноги, живота, переносицы, один из осколков попал в область легкого, который и по сей день там находится). Лечение проходило в местном фронтовом госпитале. Затем меня отправили в город Донецк, где я пролежал целый месяц, после чего меня направили под Новочеркасск в город Шахты, а затем в Семиполатинск. 27 марта 1944 года меня выписали, наконец, из госпиталя выдали историю болезни и освободили по состоянию здоровья от участия в боевых действиях.

В войне погибли два моих родных брата – Орловы Селифан Гаврилович и Иван Гаврилович.

Среди моих наград орден Отечественной войны второй степени, медаль Жукова и др. День Победы я встретил в родном селе Спасском, и радости моей не было предела.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1 курса факультета специальной педагогики Ставропольского государственного педагогического института *Олабенко Марина Николаевна*.

Орлова Валентина Ивановна

Я освобождала 30 населенных пунктов родного края

Я, Орлова (Головашова) Валентина Ивановна, родилась 31 августа 1922 года в селе Порос Грайворонского района (сейчас Борисовский район) Белгородской области.

В 1930-е годы семью нашу раскулачили, отца репрессировали, а нас выгнали на улицу. Но отцу удалось сбежать. Ему помог конвоирующий, сказал, что даст два выстрела в воздух, а отец должен в это время бежать. Потом папа достал документы. До войны приходилось каждые 2-3 года менять место жительства. Жили в Грузии, Донбассе, Кисловодске. А с 1937 года поселились в Ставрополе и жили здесь до начала войны.

К началу войны я окончила 8 классов. Должна была поступать в Орджоникидзеvский институт в Осетии, но позвонил отец, сказал, что началась война. Вернулась домой. Папу к этому времени уже вызвали в военкомат и мобилизовали на фронт.

Меня вызвали в райком комсомола, сказали, что на фронте сейчас трудно и по комсомольскому призыву я оказалась на фронте. Присягу я приняла 5 апреля 1942 года, и пошла воевать солдатом (рядовой). Попала в школу связи, находящуюся в Георгиевске. Выпускники школы должны были выходить младшими сержантами и сержантами, но нам не удалось её закончить. Началось наступление. Я как раз дежурила на складе, началась эвакуация. В этой суматохе про меня забыли, моя часть отступила без меня. Уже приближались танки, когда ко мне подошел лейтенант и спросил, что я здесь делаю. «Ваша часть уже отступила», – сказал он. Приказал, чтоб я уходила, рассказал, как добраться до части. Я догнала свою часть.

Воевала я в составе 127 отдельного батальона связи, 11 стрелкового корпуса, 9 армии у города Беслана СОАССР (Хумалах, северо-восточный район Беслана) – 1942 год. Служила телефонисткой. Мы держали оборону у реки Терек. Немцы считали, что на Юге России три главных пункта, которые русские войска никогда не смогут у них взять – Эльхотовские ворота, Голубая линия и Крым. Но

советские войска прорвали оборону. Это и стало доказательством того, что Победу мы одержим.

В последствие из 127 батальона связи я попала в 227 стрелковую дивизию (Темрюкская). Служила там с ноября 1943 года по январь 1944 года. В нашем 127 батальоне было около 10% девочек, все связисты. Затем с января 1944 года по февраль 1945 была переведена в 339 стрелковую дивизию, а с марта 1945 года по 2 июля 1945 года – в 186 гаубичную бригаду артиллерии, командиром части был полковник Дятленко.

Всю войну считала себя рядовой, но уже после войны узнала, что мне было присвоено звание старшего сержанта.

В составе 127 корпуса освобождала 30 населенных пунктов Ставропольского края: Эльхотово, колхоз Комсомолец, Незлобную, Минеральные Воды, Нагутское, Курсавку, Водораздел, Невиномысск, Армавир, Пищаноконск, Тимижбекскую, Проеноковск, Кавказскую, Крапоткин, Лавенское, Выселки, хутор Новостринский, Красные Нивы, Малинин, Новобуденовск, Ангелинскую, хутор Отрубной, Староджерельевский и др. В Краснодарском крае освобождала населённые пункты: Краснодарское, Борониковское, Славяновский, Сады Соловья, Ханьков, Шедогуб.

В Краснодарском крае нам приходилось сидеть в болотах по грудь. Там я заболела малярией. Была сильнейшая лихорадка, меня всю трясло. На меня набрасывали шинели, чтоб хоть как-то согреть.

Когда мы были в Краснодарском крае, я наблюдала такую ситуацию. За болотами, в лесу стояли немцы. Этим минометным расчетом командовала русская баба-казачка. Она была в галифе, блестящих сапогах, подтянутая, в каракулевой кубанке. Она командовала по-русски: «Пли!», ругалась матом. Потом ударял залп огня.

В составе 227 дивизии освобождала Таманский полуостров: Курчаты и Темрюк. В составе 339 дивизией участвовала в освобождении Крымского полуострова. На косе Чушка была потеряна связь, и меня перебросили туда её восстанавливать, высаживалась морским десантом, а наши войска в это время прикрывали огнём, обстреливали немецкие окопы.

Потом меня перебросили в район Керчи. В Крыму была контужена. Рот был перекошен, заикалась. В госпиталь надо было пере-

правиться через Керченский пролив. В госпитале говорю: «Дайте мне вместо больничного отпуск на десять дней». Мне дали отпуск десять дней без дороги. Я поехала домой. Дома пошла в поликлинику, меня посмотрели и сказали, что могут комиссовать. Я оттуда ушла и больше не являлась.

Мне одной из первых удалось переправиться через пролив. Во время одной из бомбёжек в Крыму я была в землянке. В землянке со мной сидел пожилой солдат. Мы с ним разговаривали, он говорил, что у него дочка моего возраста. Я хотела переобуться, наклонилась, чтоб поправить портянку, в это время один осколок оторвал пальцевую часть на сапоге, другой пролетел над головой. Когда я очнулась, солдат был уже мертв.

В Крыму был такой случай. После очередной атаки наши войска отступали, мертвых оставляли на нейтральной территории. Я целый день пробыла у радики, меня никто не сменял, поздним вечером, наконец-то, сменили. Я взяла котелок и пошла за своим ужином. Было уже темно, очень темно. Старалась идти по своей территории, но забрела на нейтральную. Я иду и вдруг слышу голос: «Девушка, помоги!». Я сначала испугалась, потом прислушалась. Недалеко от меня лежал солдат. Я положила перед ним шинель. Он на неё перекатился, и я потащила его до нашего госпиталя.

Я была телефонисткой и линейным надсмотрщиком. В мои обязанности также входило исправление телефонной связи. Однажды телефонная линия была повреждена, и её надо было срочно починить. Был сильнейший обстрел, я побежала спрятаться в стоге сена, но солдаты сказали, что два раза мина не падает в одну воронку и прятаться надо именно в них.

А летом 1944 года начали освобождать Белоруссию. В 1945 году началось освобождение Польши. 17 января 1945 года освободили Варшаву.

В одной польской деревушке мы попали на праздник. Тогда в Польше была такая традиция, когда девочка становилась девушкой, ей устраивали праздник. Девочке сшили подвенечное платье, испекли четырехугольные пирожки, была музыка. Так её короновали на женщину. Отец этой девочки пригласил меня танцевать.

Однажды в Польше во время большого наступления я сидела с радией, вдруг налетели мессеры, обстреляли всю колонну. Я спрята-

лась под машину, затем легла в воронку, но меня увидел немецкий летчик и начал пикировать на меня. Пока он в очередной раз разворачивался, я успела убежать в лесополосу, что была неподалеку. Оттуда я увидела дом и побежала к нему. Вошла в дом, там были наши разведчики. Когда лётчик меня обстреливал, выстрелами сжег мне шинель и юбку. Пока я шла по лесополосе ревела, а зашла в дом разрыдалась. Солдаты спросили, в чем дело. Я рассказала. Они отвели меня на второй этаж, там было очень красивое бельё. Я такого еще никогда не видела. Я пошла в туалет, чтоб переодеться, вдруг слышу шорох, подняла голову, а на отопительных трубах лежит немец. Я начала кричать, прибежали наши солдаты и схватили его.

Весной 1945 года наша армия подошла к Берлину. Первым пунктом нашим были Зиеловские высоты, недалеко от города. Там были очень тяжелые бои. Эти высоты наши войска то брали, то отдавали. В нашем подразделении был один солдат, хохол, и он все время говорил командиру: «Товарищ командир, мы ж эти Зиеловские высоты учера вже бралы и опеть бэрэм». И, в конце концов, Зиеловские высоты были взяты. 2 мая 1945 года был взят Берлин. Я дошла до Бранденбургских ворот, и там война для меня закончилась.

В городе было полно юных гитлеровцев. Эти молоденькие ребята прятались в канализационных люках с винтовками. Когда наши солдаты открывали люки, они открывали стрельбу. Наши их оттуда вытаскивали и говорили: «Гитлер, капут!». Но они отвечали: «Хай, Гитлер!»

К моменту освобождения Берлина мне приходилось таскать на плечах сумку с медикаментами и радиостанцию РБ, а это было где-то 23-26 килограммов.

Из Берлина нас вывели практически сразу, так как второй эшелон хотел в город. Они расписывали стены, здание рейхстага. Я демобилизовалась 2 августа 1945. Была уволена в долгосрочный отпуск, но часть еще долго там оставалась. Демобилизовали только девочек и старших по возрасту. 12 июля 1945 года было вручение благодарности за подписью Жукова и Телегина (член военного совета). Нас построили в строй 2 или 3 ряда, вызывали из строя и вручали благодарности. Вызвали меня. И вдруг выбегает солдат, которого я тащила в Крыму на шинели к госпиталю, обнимает меня.

Потом мы отправились домой в Ставрополь. На каждом вокзале нас встречали, дарили цветы. Расспрашивали, может мы знаем кого-то из их родных. Наш эшелон был первый, который вернулся из Германии домой. Среди многих моих наград медаль «За боевые заслуги», 4 медали «За отвагу» и орден Красной Звезды.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 3 курса историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Митрохина Елена Валерьевна*.

Павлючук Виктор Петрович

К вам тут юнга просится

Я, Павлючук Виктор Петрович, родился 28 мая 1929 года в городе Ставрополе. Отец с матерью развелись, когда я был еще совсем маленький. У меня появилась мачеха. Хорошая женщина. В 1936 году поступил в 1-ю общеобразовательную ставропольскую школу. Учился хорошо. На третий день после начала войны отца сразу же забрали на фронт. Больше от него не было никаких вестей.

Где-то в августе месяце 1941 года в Ставрополь приехала формироваться морская бригада, 12 тыс. моряков с Черноморского флота с кораблей и из частей береговой обороны собрали всех, которые выжили, в эшелоны и повезли в Ставрополь. Это те, которые успели спастись с затонувших кораблей в первые дни. Моряков распределили в первой, во второй, в шестой школе, в музее, на втором этаже. Военный городок около Верхнего рынка – там тоже все моряки жили. Жили в интернате. Короче, по всему городу.

На призыв мы пришли вдвоем: я и Миша Страхов (4-х кратный чемпион мира по акробатике). Потом пришел Володя Лебедев. Он еще живой и живет в Ставрополе.

Когда мы пришли, моряк, который там был спросил: «В чем дело, ребята?» Мы сказали, что хотим попасть к вам в моряки. Мне тогда было 12 лет. Моряк засмеялся. И тут подходит офицер, лейтенант. Он тоже интересуется, что мы тут делаем. Он нас забрал и повел за собой. В канцелярии школы находился батальонный комиссар Шеин. Он начал нас расспрашивать. Страхова: «С кем живешь?». Тот отвечает: «Мать, два брата, сестра». Лебедеву: «А ты с кем живешь?» Он: «С матерью, сестрой». «А ты?» – спрашивает он у меня. Я говорю, что мой отец пропал без вести, наверное, погиб, а живу с родственниками моей мачехи. Ее саму убило током в

1939 году. Он попросил меня принести справку из домоуправления в доказательство, что я живу с этими людьми.

Я прибежал туда и стал просить эту справку. Меня спрашивают «Зачем?». Я объяснил и мне тут же ее выдали. На следующий день приношу эту справку, а меня спрашивают: «Может, ты хочешь просто пофорсить, чтоб тебя одели в военную форму?». Я сказал, что нет: я хочу попасть на фронт. А пошел я в моряки, потому что много прочитал произведений Жюль Верна и фильмы морские любил. Все это оказало на меня влияние. Я жил рядом с кинотеатром «Гигант». Фильм «Балтийцы» – мой любимый фильм. Я его наизусть помню. Раз 15-ть смотрел его.

Мне сказали, что я пока буду ходить в школу. На третий день после этого Мичман Барбашов, старшина дивизиона, приходит и говорит, что мне надо одеваться. В руках у него был большой сверток. Мы пошли на проспект Карла Маркса. Там раньше было ателье «Американка», где шили очень быстро. Мы зашли туда и мичман говорит, что на этого парнишку надо сшить форму. Он достает брюки, фланельку, бушлат. Полностью, кроме бескозырки. Сказали, что через два дня будет готово. Мичман говорит, что раньше надо. «Хорошо, сделаем!»

А дома меня уже ищут. Я ушел из школы. Все это втайне от домашних, потому что они меня, конечно бы, непустили. Приходила тетя Маруся, с которой я жил. Я ее увидел и на чердак забрался. Меня разыскивали. Я дождался, пока она ушла, и только через час после этого спустился. Комиссар говорит: «Ты говорил, что они тебе не родные. Но к тебе то хорошо относятся. Почему ты убежал?» В общем, я взял форму, а он пошел мне навстречу. Я остался в этом дивизионе.

Я пошел служить в 82 морскую бригаду, в составе которой был 314-й отдельный истребительный противотанковый дивизион. Мы и по-пластунски лазили и т.д. В другую погоду мы и не ходили. Меня жалели и спрашивали не в полную меру.

После того, как кончились учения, бригаду распределили по четыре эшелона. Моим командиром был капитан 2-го ранга Кичко. А комиссар – капитан 3-го ранга Шеин. В каждом вагоне было по 90 человек. В вагоне было две печки-буржуйки, небольшой запас угля, немного дров.

Дали с собой сухой паек, котелки и повезли. Отправились на войну, когда первый раз немцы Ростов взяли и наши выбили их.

Когда мы приехали на ст. Кавказскую, была хорошая погода. Нам сказали, что нескоро поедет, и мы пошли, кто куда. Мы пошли на рынок, а там старушки торгуют яблоками. Один милиционер привязался к бабке и давай спрашивать, что торгуешь без разрешения и т.д. Она говорит, что это ее собственное. Матросы подошли и говорят: «Что ты к ней привязался?». А милиционер: «Уходили отсюда». Так, они забрали его в вагон и только в Москве выпустили. Он ведь вместо того, чтобы воевать, наживался на том, что гонял бабок. Матросы никого не боялись.

На третий день мы были уже в Ростове. Пришли мы, а мост через р. Дон в Батайске был разрушен. На вокзале трупы валялись, было много крови. Тогда я в первый раз в своей жизни увидел ужасы войны. В Батайске первый раз нас бомбили.

Из Ростова в Подмоскowie. Там есть такая станция Лихоборы. Там были бани, санитарные пропуска, нас мыли, подстригали и потом распределяли по частям. Нашу бригаду целиком выгрузили. Помыли в бане, накормили горячей пищей, и через несколько дней опять в эшелоны и повезли на север. Я географию знал хорошо. Вижу, что проехали Вологду, Ярославль. Иногда командир отпускал меня по грибы. Он знал, что мы вернемся.

Стояли три эшелона, а на вагонах не было ни замков, ничего. Часовой боялся нас. А там были макароны и сахар в мешках. Брали все. Потом ехали и варили макароны.

В Молотовске были лагеря заключенных. Город был построен на костях. И вот нашу бригаду построили и колонной повели в городок, где были заключенные. Городок был спланирован так, что можно было жить по 300 человек в бараке. Уже был январь 1942 года. Американцы поставляли технику. Зима была суровая. Видел сани метров 5 в длину и 3 в ширину. Так вот на этих санях лежали мертвые заключенные: кто умер от голода, кто замерз до смерти. Нам тогда говорили, что это изменники родины. Ну, это брехня все была.

Меня опять послали в школу. Потом, когда я уже в школе учился, были ребята знакомые. Я хотел пройти в порт, а он был закрыт. Там был такой остров Ягры. Мы к нему по льду ходили. Смотрю,

стоят суда, американские корабли. Дальше проходим, видим, стоит судно «Память Азова». Около этого судна черточки во льду. Я думаю, что ж это такое. Потом разобрал – это подводные лодки. Мы были вдвоем с Рафаилом. Он учился в музыкальной школе, здорово играл на баяне. Его почему-то не взяли.

Мы прошли в самый конец и увидели, что там стоят американские суда, друг от друга метров по двести. Бетонная стена километров пять. За стенкой проложены железнодорожные пути. А с другой стороны вода. Ледоколы разбили лед и пришвартовались. Из них выгружают танки, самолеты и ящики, а платформа очень медленно двигалась дальше.

Идем дальше. Стоит ледокол «Иосиф Сталин». Это был флагман Северного ледокольного флота. Это героический корабль, который спасал папанинцев. Вся страна об этом тогда говорила. Я поднялся на борт. Там стоит вахтенный. Я говорю: «Мне к командиру корабля». Он меня спрашивает: «Зачем». Я говорю: «По личному делу». Он кнопку нажал и говорит: «Товарищ командир! К вам тут юнга просится». Я спустился к нему. Это был Герой Советского Союза, капитан II-го ранга Белоусов. Потом, много лет спустя я как-то проходил по Москве, по одной из улиц и увидел табличку «Здесь проживал Герой Советского Союза Белоусов». В общем, я пришел к нему в каюту, было утро.

- В чем дело? Откуда ты? – спросил он.

- Я из 82-й морской бригады – говорю я.

- Ну и что?

- Возьмите меня к себе.

- Я не имею права. Давай так; если ты очень хочешь, езжай в Саломболу, это в пригороде Архангельска. Там находится штаб ледокольного флота. Поезжай и если там дадут разрешение, не буду против.

Как я мог поехать? Шестьдесят километров расстояние. Кто меня пустит? Я иду дальше. Стоит ледорез «Георгий Седов». Там мне сказали, что они уходят на Дальний Восток, переход будет дальний, трудный: мы тебя не возьмем.

Следующим кораблем, который я увидел, был «Семен Дежнев». Мне он казался большим. На этот корабль меня согласились взять. Сказали, что могу собирать вещи, оформляться. Я тогда не знал, что это была всего лишь развалина.

Я вышел оттуда и вижу, стоит огромный корабль, стального цвета, чисто военный. Я сразу понял, что это миноносец. Я подхожу к командиру корабля, капитану III-го ранга Сорокину.

- Ты кто такой? Почему ты в морской форме? – говорит он мне.

- Товарищ командир! Возьмите меня к себе – говорю я.

- Нет, не могу. У нас боевые действия, а если погибнешь? Даже не может быть разговору.

Тут как раз заходит капитан-лейтенант Зюзин.

- В чем дело, командир?

- Да вот, просится к нам на корабль.

- А ты откуда? – спрашивает он меня.

- Из Ворошиловска.

- О, да ты земляк мой! Ну, ладно, пойдешь к нам.

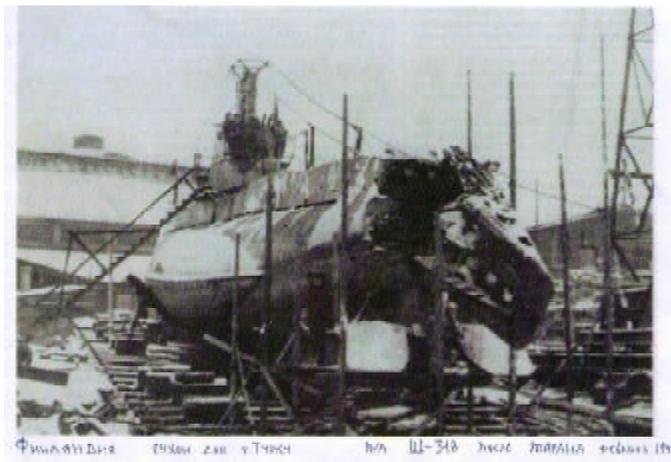
Так я попал на корабль. Я до сих пор ему очень благодарен. Не знаю, как бы сложилась моя жизнь, не оказался я на том корабле.

- Теперь ты должен от своего командира взять разрешение, что он не против того, чтобы перевести тебя сюда. И если есть, какие вещи у тебя, бери с собой.

Я пришел на второй же день к Шеину. Он дал мне согласие. Я с этим разрешением, вместо школы, пришел на корабль.

Командир говорит:

- Ну и что мы с ним теперь будем делать?

- Учить будем – говорит Зюзин.

Все это происходило 15 января 1943 года.

Спустя много лет я прочитал в газете, что «Семен Дежнев» тогда вышел в море и встретился с немецким рейдером. Все члены экипажа погибли, чудом спасся только один человек – наш, ставрополец. Первый раз я по настоящему избежал смерти.

Командир мне говорит:

- Будешь ходить в школу и пока помогать на камбузе коку.

В первый же день меня очень тепло встретил кок.

- Теперь мы тебя накормим «от пуза». Как тебя зовут?

- Виктор.

- Вот тебе первое задание. Вот видишь рыба, порезанная кусками в корытах. Ты через каждый час должен воду слить и залить новой воды.

А я прилег на диванчик отдохнуть. Через час встаю и вижу зеленоватый свет. Я выбежал на камбуз, позвал кока. Он прибежал и стал с меня смеяться.

- Так это ж треска. В ней много фосфора, поэтому она светится.

Так проходила моя жизнь. Вставал утром, якобы шел в школу, а сам сворачивал куда-нибудь гулять. Что мне там делать? Все равно я уже отстал.

Стою я около дома культуры. Это было единственное каменное здание. Подходят ко мне три американца: один черный, два белых. Говорят:

- Морэк?

А я не пойму, все «морэк» да «морэк». Оказалось «моряк».

- А откуда?

- С Урицкого.

Потом слово за слово и они позвали меня к себе. Команда, состоящая преимущественно из черных, встретила меня очень тепло. Меня обняли, накормили. Побыл я у них недолго. Домой мне дали целый узел конфет, шоколада, сигарет, печенья.

Прихожу я на свой корабль, и меня спрашивают, где я был и что это за узел. А я захожу в кубрик, раскрываю, а там столько добра! Я все рассказал, как там было.

На следующий день меня снова позвали туда же. И так я дней десять, пока разгружали корабль, приходил туда.

А потом один из помощников на этом корабле с американцами мне говорит:

- Поехали со мной в Америку? Будешь мне как сын.

Я очень обрадовался. Пришел к своим, начал рассказывать, что собираюсь в Америку. Глупый был. Они сразу же сказали комиссару. Он меня вызвал.

- Ну, как дела в школе? – говорит он издалека.

- Нормально. – А сам в школу не хожу.

- Я слышал, что ты с американцами познакомился.

- Да! – пока я носил сладости, он молчал.

- Ну, ладно. Иди, отдыхай.

На следующий день я выхожу с корабля, как бы в школу идти, а меня не пускают. Как раз был объявлен карантин из-за гриппа. Тем временем ледоколы вытянули американский корабль, и поставили его на рейд.

Американцы отправляли караваны с грузом: танки, самолеты, боеприпасы, продукты и т.д. Мы сопровождали один из таких караванов. Немцы почти полностью уничтожили этот караван.

На нашем судне мы плавали по Баренцеву морю, заходили в Кольский залив, поселок Ваенга, ныне город Североморск. Были в поселке Полярном, где я первый раз увидел командующего Северным флотом адмирала Головки. В этом поселке я впервые услышал песню «Прощайте скалистые горы». Сейчас она является гимном Северного флота. Ее исполнил автор музыки капитан-лейтенант Жарковский.

Прощайте скалистые горы,
На подвиг отчизна зовет,
Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход.

А волны и стонут и плачут,
И бьются о борт корабля,
Растаял в далеком тумане Рыбачий –
Родимая наша земля.

Корабль мой упрямо качает
Крутая морская волна,

Поднимет и снова бросает
В кипящую бездну она.

Обратно вернусь я не скоро,
Но хватит для битвы огня.
Я знаю, друзья, что не жить мне без моря,
Как море мертво без меня.

Нелегкой походкой матросской
Иду я навстречу врагам,
А после с победой геройской
К скалистым вернусь берегам.

Хоть волны и стонут, и плачут,
И плещут на борт корабля,
Но радостно встретит героев Рыбачий,
Родимая наша земля.

Началась осень 1942 года. Тяжелые бои шли в Сталинграде. Каждый день приходили страшные сводки. Нам сказали, что возможно морякам придется ехать под Сталинград. Около 30% моряков сняли с кораблей: с военных, военизированных, с торпедных катеров. Только подводников не трогали. Набрали около 8-10 тыс. человек. Все стоят, прощаются. Я говорю командиру.

- Я провожу.

С нашего корабля человек сорок забрали и отправили в Мурманск. Я поехал их провожать. Шли часа четыре. Начали выгружаться и только вынесли ракеты, моментально прилетели бомбардировщики. Немецкая разведка работала безотказно. Мурманск был весь разгромлен, жили только в подвалах. Мы тоже спрятались в подвале школы. Там было тесно, не протолкнуться.

Утром, когда расцвело, собрали всех, и перед нами выступал адмирал Николаев, член военного совета Северного флота: «Товарищи-моряки, североморцы! Вы знаете, что сейчас под Сталинградом идет жестокая, кровопролитная война. Вы направляетесь на Сталинградский фронт. Не посрамите честь североморцев». После этого выступления у меня созрело решение поехать с ними. Но я никому об этом не сказал.

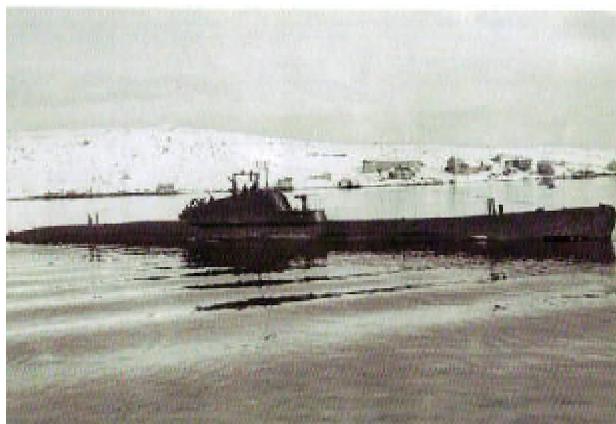
Повели нас на станцию. Там стоят эшелоны. Я посмотрел по сторонам, никого, вскочил в вагон и спрятался под нары. Лежу и думаю, хоть бы скорее заполнили вагон. Я пролежал часа два. Только когда мы проехали станцию Кола, только тогда я вылез. Ребята были очень рады меня видеть.

- А ты как здесь? – спрашивают они.

Никто меня, конечно, не высадил. Так я с ними и поехал.

Привезли нас в Вологду, а там есть такая станция Кушуба. Мороз очень сильный, снега по шею. Был уже декабрь 1942 года. Повели нас через снежную тайгу. Мы увидели землянки. До войны там были военные лагеря. Мы спустились в эти землянки: света нет, темно, вместо света жгли огрызки кабеля, а там же резина, копти полно. Переночевали. На второй день нас построили. Приезжает какой-то генерал: «Товарищи моряки! Вы прибыли на пополнение 259-й стрелковой дивизии. Отныне вы будете воевать в составе этой дивизии. Вас расформируют по полкам, по подразделениям». Так как я был до этого в противотанковом дивизионе, меня туда и отправили. Нам велели всем переодеться. Как загудели все: «Не будем!»

На второй день приехал генерал со своей свитой и объяснил, что нам надо переобмундироваться, т.е. все флотское обмундирование снять и получить взамен сухопутное. Матросы взбунтовались, не захотели. Генерал уехал. Затем через пару дней приехали два генерала с охраной и стали нам грозить, объяснили, что сейчас зима,

ПОДЪЕМ ВЯ ДАККА М-35 ПОСЛЕ ТРАГ. 20.11.1942 СИНГАПУРЕ

черная форма очень выделяется на снегу, выбудете хорошей мишенью. Уговорили нас, а взамен нам разрешили оставить тельняшки, бескозырки и ремни. В Вологде заказали на рукава якорьки в золотистой оправе, они нашивались на шинель. Начались занятия, получили мы полностью новый комплект: новые шубы, полушубки, получили боевую технику, машины. Конечно, машины были на гусеничном ходу ЗИС-45, тягачи, пушки тягать. Получили автоматы, винтовки, все что положено. Все было новое полностью.

Через неделю нас посадили в эшелоны и повезли под Сталинград. Везли очень медленно, иногда стояли целую неделю. Помню, город Ефремов, Тульской области, там мы стояли две недели, ходили по городу. Бои под Сталинградом уже окончились, поэтому в бой нас не торопились бросать. Навстречу шли эшелоны с пленными немцами, изможденными, страшными. Жутко было смотреть. Разбитые танки и наши, и немецкие. Где была большая станция, мы там газеты покупали. Вот там впервые в 1943 году ввели погоны. Раньше были нашивки. Это было очень странно. Стали говорить слово «офицер». И тут же, по дороге, я узнал, что освободили Ставрополь. Раньше он назывался Ворошиловск, а на станции объявляют, что освободили город Ставрополь. Уже назвали его родным, настоящим именем.

Не доезжая до Сталинграда, есть такая станция Лог. А мороз был очень сильный. Стали выгружаться, солнце светит, а холодно-холодно. И тут же немецкие самолеты стали нас бомбить, но ничего не добились. Мы с ходу, с вагонов пошли в наступление. Полки, дивизион наш пошел. Мы везли пушки. Гусеницы соскакивали. ЗИС-45 не предназначен был для такого пути. Потом где-то в августе месяцы мы получили виллис, американские машины. Вот они вообще не боялись ни воды, ничего.

И вот мы пошли в наступление... А немец как? Отступает, но, вот например, остановится в какой-то станице, переночует, поджигает все дома и уходит. Мы приходим только на развалины. Оставались стоять только печи. Это был конец февраля, март, стало теплеть.

Затем мы вступили в Ростовскую область. Там была такая станция Глубокая. На этой железнодорожной станции немцы оставили две цистерны ж/д спирта. Мой командир батареи был стар-

ший лейтенант Сычев. Хороший был дядька, его все так любили, но любил выпить. Дорвались до этого спирта, и отравились больше ста человек. Многие погибли, большинство ослепло. Сычев тоже погиб. Всех собрали, раздели до белья и похоронили в яме, как изменников родины. Вот так к нам относились. Взамен пришел новый командир батареи.

Когда мы вступили в Луганскую область, пришла весна. Немец стал на той стороне Донца, мы на этой. Стали в оборону по всему фронту. Наступление прекратилось. Помню, погода была хорошая. Немцы изредка вылетают, с миномета постреляют час, полтора и целый день ничего. Стояли на обороне. Вдоль Донца стояли пушки метров через 100. Были передовые отряды. Коля Титов, молодой парнишка с эсминца, был снайпером. Я к нему подошел, а он мне говорит: «Хочешь на немца посмотреть?». А у нас был высокий берег, а у них низкий. Сверху видно, как они там ходят по окопам, не стреляли, перекикивались через Донец. У него СВТ была с оптическим прицелом. Я смотрю через него, вижу, идет немец по окопу, офицер, полотенце через плечо и насвистывал. Я смотрел, смотрел, потом спустил спусковой крючок. Убил. Как пошло! В то время просто без команды не стреляли, а я застрелил. Тут особый отдел, мне было 14 лет. Этого Колю Титова в штрафбат и я больше не знаю, что с ним. Меня поругали, поругали и все. На этом все кончилось. А в августе месяце меня вызывает политотдел и вручает медаль «За боевые заслуги». Этот немец оказался командиром то ли роты, то ли взвода.

Страшно, когда обстрел идет, хотя, когда на обороне стояли, мы даже купались... В нашем дивизионе в основном были пушки 45-миллиметровые. Орудийный расчет весь был вооружен карабинами (укороченная винтовка). У каждого бойца должно быть оружие, оно применялось, когда ходили в наступление. А где-то не применялось. Если пехотная часть, там винтовка есть – это его кусок хлеба. У артиллеристов – пушка.

В августе месяце началось генеральное наступление по всему фронту. Мы освобождали город Артемовск, и наша дивизия получила звание 259-я Артемовская стрелковая дивизия. У меня значок дома есть.

Когда начнется наступление, нам не говорили, но чувствовалось что-то, потому что зашевелились офицеры, генералы. Ездили за какими-то планами. Я был со своим командиром дивизиона майором Л.Ф. Крыловым 1907 года рождения, уроженцем г. Рязани. До войны он был директором трикотажной фабрики. Когда формировалась эта 259-я дивизия, там осталось в живых 107 человек. И эти 107 семь человек сам Крылов вывел из окружения, вынес знамя дивизии. Он тогда был просто старшим лейтенантом. Ему сразу присвоили капитана, и через несколько месяцев – майора, за то, что из винтовки сбил немецкий самолет. И вот, перед самым наступлением, началась артподготовка. В течение несколько часов орудия всех калибров стреляли, стоял сильный гул. Было как-то жутко.

Город Рубежный был на одной стороне Донца, Артемовск – на другой. Пошли в наступление. Переправились через Донец, понтоны делали, мост железнодорожный восстановили. Погнали немца здорово, большими темпами 40-50 км в сутки.

Мы освобождали Ворошилоградскую область, потом зашли в Сталинскую область (Донецкая область), освобождали Дружковку, Краматорск, Сталино, станцию Ясиноватая (это километров 20 от Сталина, ныне Донецка). А потом мы взяли Запорожье, а перед Запорожьем Орехово, село Васильковка. Взяли громадное село. Длина его была более 20 километров, и называлось это село Большая Белозерка. Это перед тем, как форсировать Днепр. И тут за меня взялись.

Командир дивизиона вызывает и говорит, что я поеду учиться. Я не хотел, но он стал настаивать. У нас в Ставрополе Суворовское училище. Дают мне пакет с печатью, там мои характеристики. Мне говорят, когда я приеду в Ставрополь, должен вручить командиру. Дали сухой паек, дали литер на проезд. Мы доехали до Сталино, а там уже на Таганрог.

Приехал я в Ставрополь. Это было 7 декабря 1943 года. А дома ничего не знают. Они искали меня, не нашли. А я заявился. Встретили меня нормально, все хорошо. Я объяснил, что меня в Суворовское училище направили, хотя я даже и не показался в это училище. А у меня была тетя портниха. Она была личной портняхой жены Сулова, секретаря крайкома партии. Она работала в ателье, которое располагалось на месте нашего ЦУМа. Она тогда была старшей закройщицей. И у нее было много знакомых. Одна из них была секретарем Кагановичевского райкома партии по фамилии Куцупал, на улице Шаумяна. Она пришла, стала расспрашивать, почему я не хочу идти в Суворовское училище. Я не хочу, и все тут. Ну, давай мы тебя направим в Бакинскую военно-морскую спецшколу. Я с удовольствием. Тут же документы заготавливают. И я поехал. Бабушка мне напекла пышек на дорогу.

Приехал в Баку, нашел эту спецшколу. Пришел в строевой отдел, они вскрыли пакет, почитали. «Нормальная хорошая характеристика, но мы тебя сейчас взять не можем, потому что уже четыре месяца прошло с начала учебного года. Ты отстанешь. Давай так: ты приезжай в сентябре месяце, мы тебя зачислим без вопросов». Я расстроился, что не попал туда. А что делать дальше? Опять меня стали уговаривать, почему я в Суворовское не поступил или в Нахимовское? Ведь есть в Ленинграде. Я пришел на вокзал, расстроенный, бабушкины лепешки уже заканчивались и тут какой-то парень мне говорит, что в Махачкале сейчас есть школа подводного плавания, подводников учат. Я в вагон залез, ехал зайцем. А в то время было много дезертиров, бакинцы не хотели воевать и на них устраивали облаву. Где поезд идет, его в степи останавливают и начинают делать обыск, проверять документы. Отлавливали кого-то там. Я залез, сижу в вагончике. Поезд останавливается. Заходят с одной и с другой стороны, чтоб никто не выходил. Доходит до меня очередь. А ты чего

здесь? А я в форме морской. Все рассказываю, как есть. Лейтенант посмотрел мои документы и говорит «А что ты здесь сидишь?». «Товарищ лейтенант! У меня ни денег, ничего нет». Тогда лейтенант говорит старшему поезду: «Переведите его в другой вагон, а в Махачкале разбудите, чтоб он не проспал». Это было где-то час ночи, а в Махачкалу поезд приходил часов в шесть утра.

Приехал я в Махачкалу. Вышел. Куда идти? Дождался, пока рассветет. Нашел улицу Буйнакского, там был военкомат. Прихожу, там народу полно. Мне отказали, сказали, что мой год не призывной, мы не имеем права тебя взять. Я же уже воевал! Куда идти? Решил, что пойду в горком комсомола. Пришел, а мне говорят, чтобы я пошел к одному безрукому дагестанцу. Я к нему подошел, все рассказал, как есть. Он поднимает трубку и звонит. «У вас был сейчас такой? Был. Что вы ему сказали? Вот вы сейчас призываете набор не говорящих по-русски моряков, а он уже и плавал и воевал. Сообразите как-нибудь». Я возвращаюсь обратно. Набрали человек двадцать: и русских, и нерусских.

А вообще, эта школа подводного плавания была эвакуирована из Ленинграда, с 1903-1905 года подводников готовила. Ее сначала эвакуировали в Аральск, потом в Махачкалу. И размещалась она в большом здании, построенном в восточном стиле. Это был какой-то институт раньше. Там уже народу полно. Документы забрали. Вечером хорошо покормили. На второй день стали сортировать, вызывать, спрашивать, что и как. И опять возраст становится помехой. Кто тебя направил? Я опять все рассказал. Ну, с горем пополам меня, все-таки, оставили. Отвели нас в баню.

Экзамен был такой. Арифметика, потому что математика была в старших классах. По русскому языку был какой-то диктант. Для меня это было очень легко, еще не забыл. Остается самый главный экзамен – это мандатная комиссия. Там сидит командир учебного отряда контр-адмирал Скриганов, начальник строевого отдела Вавилов, капитан первого ранга, в общем, высшая команда. Они там сидят и по одному вызывают. Я захожу и рапортую: «Товарищ контр-адмирал! Воспитанник Павлючук явился для прохождения мандатной комиссии». Они засмеялись: «Откуда такой взялся? Так ты на Урицком был?». «Так точно?». «А кто командир был на Урицком?» «Ка-

питан-лейтенант Сорокин». «Как он там? Живой?». «Не знаю. Я ушел с корабля в конце прошлого года». Оказалось его знакомый: когда-то вместе учились в училище. Спросили, за что медаль. Потом: «Кем ты хочешь быть?» А у меня было такое желание стать торпедистом. «А ты знаешь, что такое торпедист?» Я говорю, конечно; я видел и торпедный аппарат и торпеды. «А почему бы не мотористом?» «Нет, только торпедистом». Готовили там мотористов, рулевых, электриков, трюмных машинистов, комендоров, минеров для подводных лодок, на подводные мины заградители. Я смотрю, мне подписали «минер, торпедист». Все, мандатную комиссию прошел.

Очень много отсеялось. Те, кто остались, на второй же день переобмундировываться, на склад, получать новое обмундирование. Что там только не было: целый ворох, не дотащишь. Война шла, но нас одедали хорошо. У них была швейная мастерская. Стали подгонять. Мне мерку сделали, подогнали, потому что все было большое для меня.

Начались занятия. Сначала строевая подготовка, уставы, стрельбы из винтовки. Потом стали заниматься изучением устройства подводной лодки, стали изучать минно-торпедное дело, устройство мин: какие мины и торпеды бывают. А тут такой приказ! Блокада Ленинграда кончилась, и было приказано возвратить учебный отряд на место. И мы стали готовиться. У нас было много учебных пособий. Торпедные аппараты, громадные пушки. Все это мы грузили на платформы. Когда приехали, уже было начало 1944 года, где-то в марте. Выгрузились мы около Московского вокзала. Нас уже ждали машины, студебеккеры (американские машины) и повезли.

Я никогда до этого не был в Ленинграде. Увидел Невский проспект, Адмиралтейство, Исаакиевский собор, Петропавловскую крепость. Все вроде знакомо, хотя мы там никогда не были. Привезли нас в этот учебный отряд, четырехэтажное здание, которое уходит на большой проспект Васильевский острова и Гаванская. Я там был два года назад и заезжал туда с внуком. То была последняя улица, а сейчас там целый район: морской вокзал построили.

Так вот этот учебный корпус выходил на Большой проспект, а внутри там пятиэтажное здание, жилой корпус, кубрики, где мы жили. И вот тут началась учеба, а в августе стали срочно сдавать экзамены. Почему срочно? Нам объяснили, что подводников не хва-

тает, что должны сдаваться новые лодки и т.д. В мирное время учились один год, но мы проучились полгода. Приходит приказ, а нам объясняют, что те, кто хочет сдавать экзамены, будут сдавать и кто сдаст, тот будет выпущен досрочно. Мы все горели желанием скорее на корабль попасть. В нашей смене было 28 человек. Сдавали экзамены все.

Мы сдаем экзамены, а нам говорят, что те, которые окончат учебу на круглые пятерки, имеют право выбора флота. Кто получил хоть одну четверку, этого права лишается. И я получил одну четверку по политподготовке. И вот, четыре человека попадают на Черноморский флот: Столяров, Гладков, Низкодуб и Андреев. Мы им завидовали, счастливицам.

Я оказался на Балтийском флоте. Нас зачислили в первый балтийский флотский экипаж. Есть в Ленинграде старинное, громадное кирпичное здание, еще строили при Петре I, здание, похожее на тюрьму. Дисциплина там железная была: ни в самоволку, никуда не уйдешь. И нас туда. Это как пересыльный пункт какой-то. Ничего совершенно не делали, только завтракали, обедали и ужинали. Нас ничего не заставляли делать. Только радио слушали; помню, передачи были хорошие. И потом, вызывают двенадцать человек и я с ними же. Мы попадаем на эсминец Вице-адмирал Трост. Раньше он назывался эсминец Строгий, но в честь погибшего адмирала его переименовали. И мы пошли в Финляндию.

8 человек оставляют в порте Калауте. Там был штаб бригады подводных лодок, и базировалось два дивизиона, а в Турку был отдельный дивизион. Там одни «щуки» были, но иногда была С-13, знаменитая лодка, которой командовал Маринеско. Щ-303, Щ-307, Щ-309, Щ-310, Щ-318 и еще была С-13. Недавно был фильм «Первый после Бога». Это как раз о нем. Там столько неправды! Все моряки недовольны. Это настолько неправда, очень сильно исказили.

Там была плавбаза «Полярная звезда», это одна из яхт Николая II, а во время революции на ней был штаб Балтийского флота. Командовал этим восстанием Дебенко. Пришли мы на плавбазу, документы сразу забрали. Три человека сразу попадают на лодки, а меня одного оставляют на базе, потому что все лодки были укомплектованы. Другие лодки были уже все укомплектованы. На плавбазе был

такой трюм, где ремонтировали торпеды, и руководил там старшина первой степени Есенин, двоюродный брат Сергея Есенина. Я как спустился в трюм, там холодно, все железное, в солярке, неприятно. Спустился по трапу, руки все вымазались. А мне говорят:

- Ты знаешь, к кому ты попал? Это ж брат Сергея Есенина.

Ну, в то время мы даже не знали, кто такой Сергей Есенин, потому что эта фамилия была вычеркнута полностью. Взрослые, конечно, знали, и то не очень. Если бы я знал кто он, я бы его обо всем расспрашивал.

Пробыл там всего неделю. Утром, после завтрака шел туда, как на каторгу.

Потом мне кто-то говорит, что на Щ-313 есть свободное место трюмного машиниста. Человек один требуется. Пришел к командиру лодки, стучусь в каюту.

- Разрешите войти.

- А в чем дело?

- Возьмите меня, у вас место свободное есть.

- А ты кто?

- Я минер-торпедист.

- Это не по моей части. Иди к механику.

Я иду туда. Механиком был инженер лейтенант Еремин. Я ему представился. Он сказал, что им нужен трюмный машинист:

- Но ты ж не трюмный. Ты ж с механизмом этим не знаком, там же помпы, компрессора, насосы, магистрали, краны.

Эти лодки все ходили воевать. Щ-310, Щ-303 – гвардейские лодки. Еремин сказал, чтобы я пришел завтра на лодку, и мы все решим на месте.

Утром я пришел сразу после завтрака. Спустились офицеры в центральный пост. Наша лодка круглая, все внутри покрыто пробкой. Там я увидел клапаны вентиляции. Меня спрашивают, что это такое? Я говорю, это наклейшь. Нет, это наварышь. Он проверял технические знания. Потом он говорит, чтобы я взял у боцмана бумагу и с первого отсека и по седьмой вычерти мне всю схему воздуха высокого давления. А в лодке как? В одном месте на виду, а потом раз и в трюм. Потом в каком-то месте выходит. Просто, когда строили, сначала ставили приборы, а потом уже трубы подводили,

где и как можно. А все трубопроводы высокого давления, это около 220 атмосфер, были покрашены голубым цветом. Воздух использовался для продувки цистерн, для всплытия. Сначала воздух сравнивают до среднего давления или низкого давления (воздушный детандер), понижают воздух до определенного давления и потом на всплытие. Я пошел в первый отсек: первый и второй нормально, в третьем я уже в трюм полез. В общем, вычертил до обеда. Подхожу к нему и показываю. «Все правильно, молодец! Будешь трюмным машинистом в первом отсеке. У нас есть старшина группы Политаев Михаил, он познакомит тебя с обязанностями. Учи, скоро в море выйдем. Перед выходом я тебе экзамен устрою сам лично. А вообще-то эта специальность самая не престижная. Вся система всплытия и погружения у трюмного. Запасы пресной воды у трюмного. Умывались только заборной водой, а у меня ж есть вода. Две цистерны в моем ведении было. Одна цистерна была на 6 тонн, вторая была на 3 тонны. Нас было всего шесть офицеров на лодке, а всего 42 человека экипажа.

Список команды корабля:

1. Командир 3-го ранга Лошкарев Лев Александрович.
2. Инженер-механик, командир БЧ-5 Еремин Владимир.
3. Торпедист – Безбородков Иван (после войны окончил Киевское морское училище).
4. Шевцов Александр (поэт, писал статьи, стихи).
5. Судовой повар – Гарелик Вася.
6. Главный корабельный старшина – Политаев Михаил.
7. Командир отделения – Михайлов Михаил.
9. Комендор – Кучеров.
10. Электрик – Севостьянов Гордей Соватьевич и др.

И начал он меня натаскивать, как воду откачивать, показал мне, как пользоваться спасательными люками. На лодке было три люка в трех отсеках.

На лодке было четыре человека трюмных. Один был в первом отсеке, другой в седьмом отсеке, третий в центральном посту (командир отделения), и старшина группы тоже был в центральном посту. У каждого было боевое расписание. У меня определенные механизмы были. Поначалу у меня была помпа в первом отсеке для

откачки воды и для заполнения торпедных аппаратов, для сушки. Был гальюн (туалет). Гальюн – сложное дело. В то время, кто приходит на лодку, сначала всех учат пользоваться гальюном, потому что в мировой практике было такое, что одна лодка затонула только из-за того, что человек неправильно воспользовался. Так же все магистральи, которые к этому всему прилагаются. И еще там были металлические ящики, в них хранились РУКТы – это региниционная установка конвекционного типа. Это такие пластины, похожие на пчелиные соты. Использовались тогда, когда лодка долго находится под водой и воздуха не хватает, то вот этот уже испорченный воздух проходит через эти пластины и частично очищается. Они очень сильно нагреваются. Я следил за тем, чтобы эти РУКТы были в сухом состоянии, потому что они вскрываются только в аварийных случаях по приказанию командира или механика.

Итак, вначале мы погрузили торпеды. Было четыре торпедных аппарата в носу, два в корме. Две пушки 45-миллиметровые. И запасные торпеды: четыре торпеды во втором отсеке. А так как спальных мест не хватало, мы спали на торпедах. Конечно, не удобно было спать на них, они круглые, постоянно скатываешься. У нас были пробковые матрасы и в середине, вместо перьев там была пробка крошенная. Это было сделано для того, что если какая-нибудь авария или потопление корабля, чтобы эта койка была как спасательное средство, как спасательный круг.

На лодках все-таки демократия. У нас был командир лодки, старший помощник, штурман, командир БЧ-5, командир БЧ-3 и врач. У командира маленькая каюта: 180 см в длину и 90 см в ширину. Места не хватало. Если кто-то после вахты в ней заснул, то офицер, спускаясь, никогда не потревожит матроса. Тут же ляжет на палубу, как все.

Кормили нас одинаково. Кок у нас был. В море выходили, нас кормили очень хорошо: ежедневно шоколад, сгущенное молоко, масло, водку получали каждый день по 100 грамм. Если водки не было, вином заменяли. Вместо водки, можно было, например, взять шоколад. Когда приходили на базу, тогда уже намного хуже было. Такие продукты, как овсянка, горох, фасоль на лодках не давали. Консервы были хорошие. В основном, конечно, американские консервы. Наших консервов почти не было. Бекон, консервированная

колбаса в банках. Я до сих пор помню вкус. Рыбные консервы были в форме лодки. Очень вкусно. И кок готовил то рыбный суп, то еще что-нибудь. В основном, больше всего нам доставалась яичница. Мы получали сухой яичный порошок в банках. Банки были по 15 килограммов. Кок каждый день делал омлеты. А потом, как мы посмотрели, а это яичный порошок был из черепаших яиц. Американские консервы, опять-таки. Этикетки предварительно срывали, наверное, не хотели, чтоб знали. Потом, смотрим, а там наклейка на банке с ползущей черепахой, которая яйца оставляет. Получали бутылки с рыбьим жиром, а куда его? Никто его никогда не пил. За борт выкидывали. Я помню, как-то раз, я попросил командира, давайте я выброшу мусор. Взял у кока ведро, поднялся и за борт вываливаю. А командир смотрит и говорит: «Вот так, Павлючук, придет время, когда ты будешь вспоминать, что ты выбросил». А там были и консервы.

Ну, вот. Мы погрузили все боеприпасы, воду дистиллированную для заливки аккумуляторов, продукты и все что необходимо. Брали, обычно, на месяц. Наша лодка должна была быть месяц в море. Автономность ее была 30 суток. Есть два месяца. А немецкие лодки по полгода.

Воздух получали так: всплывали, открывали люки, вентиляторами проветривали всю лодку. Лодка могла находиться под водой 72 часа в то время. Сейчас совсем другая система.

Итак, вышли мы в море. Это мой первый боевой поход на лодке. Вот, мы потопили «Фобос» (в переводе на русский язык – страх). Акустик услышал и доложил о шуме на таком-то расстоянии. А у штурмана специально есть такой журнал, альбом и там головные суда всех стран мира. И там все данные: какая скорость, какое водоизмещение, какие габариты и т.д. В перископ смотрят и определяют, какой корабль. Командир говорит: «Приготовится! Торпедная атака». Потопили «Фобос» и нормально, вернулись на базу. Помылись, нас наградили. Командир лодки и инженер-механик получил орден Красного знамени. Это считается высшим военным орденом. Потом идет орден Красной Звезды. А награждали в зависимости от специальности. От кого зависит? Зависит от всех. Ну, а в первую очередь это рулевой, который стоит у руля, боцман, акустик,

торпедист, трюмный, чтоб лодка не колебалась. В зависимости от специальности, кому-то медаль, кому-то орден.

Пришли на базу, начались учения на базе. Затем, снова стали готовиться. Это был январь месяц 1945 года. Снова продукты грузим и т.д. Выходим в море. А ходили мы в море так: днем мы лежим на грунте, на дне, только акустик слушает, и разговаривать запрещалось, чтоб шумов не было. А вечером мы всплываем, открываем люки, вентилируем. Вентиляция работает, дизель работает. Электромоторы главного хода, они и являлись генераторами. В первом отсеке были в шубах. Холодина была страшная, вода ледяная и сам корпус металлический, поэтому обжигает, так холодно было. Душно было в пятом дизельном отсеке и там холодно, потому что воздух сосет: дизель не может работать без воздуха. Мотористы спали за дизелями. Постелют себе койки и греются. Мы им завидовали.

Итак, мы вышли в море и 10 февраля командир дает команду прослушать акустику перед всплытием. Акустиком у нас был Юра Бобуновский. Прослушал, доложил, что горизонт чист. По местам. Начинаем всплытие. Продув среднюю цистерну. Во время войны это называется позиционное положение: все цистерны заполнены, только средняя пустая. На ней только все держится. Если только ее продули, лодка всплывет. Если заполнили, лодка провалится. Начали всплывать, среднюю продули, начали всплывать. Страшный удар, свет погас, это страшно. Тишина гробовая. Тут командир срочное погружение, включить аварийное освящение. Командир дает команду: «В носу, в корме...». «Первый, слушает, второй слушает, третий слушает». Переговаривались по переговорным трубам. Дал команду осмотреться в отсеках. Первый, в порядке, второй, третий в порядке, течь в пятом отсеке. Включили освящение, посмотрели. Потом, командир решил снова всплывать. Всплыли, тишина. Мы думали, а вдруг там корабль. Тишина. Слышу, командир говорит: «Механика на мостик». Командир спустился и сказал, что наша лодка была таранена. Кто, что, не знает?

Доложили на базу. Нас спрашивают: «Дизель работает?». «Рули?» А рули у нас оторвало. Мы решили идти под одними дизелями. Два дизеля: если один работает, то лодка через какое-то время начинает поворачивать. Как только начинает поворачивать, этот дизель

останавливают и включают другой. Этим командовал штурман и механик. И так шли...

Пришли в финские шхеры, там нас уже буксиры ждали и ледокол. И вот нас на буксир и затянули. А мы ж не видели: только один командир-механик и рулевой, сигнальчик. Во время войны было необходимо так, потому что если погружение, пока все заберутся на лодку, может быть поздно. Поэтому, там стояли только те, которые были необходимы. Никого лишнего не пускали.

И вот мы пришли. Командир вышел и мы, как посмотрели, а там метров пять-шесть кормы вообще нет. Как мы пришли, не знаем? Лодку поставили в сухой док, и мы начали ремонтироваться. За это всех наградили медалью Ушакова.

А перед этим мы еще потопили один корабль. Небольшой танкер. Вот на этом для нас война кончилась. Мы, до мая месяца стояли в ремонте, работали финны, финские рабочие. В апреле месяце ремонт был завершен, поступила команда снова загружаться и выходить в море. Но, потом приказ отменили. В Финляндии праздновали победу 8-го мая 1945 года.

После этого пошла другая жизнь. В июне месяце мы перешли в Лиепал (Либава по-русски).

Кончилась война. Те моряки, которые должны были демобилизоваться в 1941 году, они уходили в первую очередь. А вместо них, нас, сопляков молодых, поставили, кто поспособнее, кто понахальнее. Меня поставили командиром отделения сначала. До победы немцы пользовались этой базой, а после мы. Старики стали уходить в запас. Молодых стали ставить взамен. Мне было тогда 16 лет. Затем начались учения, стали приходить новые ребята. По две-три недели в море были. Ходили в Польшу, в Германию, в Швецию. Но в Швеции мы видели только берега. Не заходили никуда. ... Висмар, Росток, Гдыня и т.д.

Где-то после войны нам сказали, что к нам прилетит адмирал флота Кузнецов. Это историческая личность. Умнейший из умнейших человек. У нас портрет его висел. Мы, когда ходили в самоволку, подходили к этому портрету и говорили: «Товарищ адмирал флота! Разрешите уволиться!» Он прилетел со своей свитой, с конференции из Германии. Мы драили все, что только можно. Командир ходил и проверял. Когда адмирал приехал, все лодки стояли, катера, большие ко-

рабли. На каждой лодке, на каждом корабле все стояли. С одной стороны пирса стоит четыре лодки и с другой три лодки. Там другой пирс, другие лодки. Заходит на наш пирс. Мы все: «Здравия желаем товарищ...». Наш командир посмотрел на нас и скомандовал: «Боевая тревога!» Мы все каждый в свою лодку провалились, и каждый занял свой пост. Я был в центральном посту, т.к. был командиром отделения. Ждем, куда ж он пойдет? Все лодки невозможно обойти. А наша лодка крайняя стояла 307, 310, и 318 наша. Слышим, идет, ступает на нашу палубу, спускается в лодку. Спустился и командующий Балтийским флотом, адмирал Левченко. Кузнецов увидел меня и спрашивает: «О, сколько вам лет!» Я говорю, шестнадцать. А там стоят старпом, механик, командир, штурман. «Как службу несем?» «Отлично!». А он ни с кем не разговаривает, только со мной. Ну, ладно! И пошел в носовой отсек.

Там еще была трофейная яхта немецкого командующего адмирала Редера. Большая, белоснежная. На этой яхте был штаб Балтийского флота. Эта яхта стояла к нам кормой, недалеко, метров 100 от нас. А вечером видим, как матросы там стол накрывают.

На второй день поступила команда всем экипажам кораблей построиться на верхней палубе «Полярной звезды». Мы построились, он нас поблагодарил. «Есть ли какие претензии?» Все молчат. «Что, все у вас нормально? Ну-ка смелее?» А получилось так, что стали кормить все хуже и хуже. Обмундирование давали не вовремя. Раньше давали сигареты, папиросы, а то стали махорку давать. Кое-кто вызвался и рапортует: «Война закончилась, обмундирование у меня старое, а новое не дают». После этого все стали давать вовремя.

Среди моих военных наград ордена: Красной Звезды, Отечественной Войны 2 степени; два ордена Жукова; медали: Ушакова, «За боевые заслуги», «За Победу над Германией», «За службу на подводных лодках», «Ветеран Военно-Морского Флота» и др.

В войне погибли все родственники: отец – Павлючук Пётр Алексеевич, брат отца (дядя) – Павлючук Николай Алексеевич, сестра матери – тётя Нина была расстреляна немцами, брат мамы (дядя) – капитан Королёв Георгий Викторович был убит под Ленинградом.

В 1949 г. я ушел в запас. Куда податься? Поехал к другу, работал на шахте в Воркуте. Окончил горный техникум. Вдруг меня вы-

зывает военкомат на переподготовку на Балтийский флот. Там я встретил старых друзей, рассказал, как и где живу. Попал на новую лодку. Предложили остаться. Еще три года отслужил. Потом демобилизовался. Работал опять в Воркуте, вёл кружок морских моделлистов в Доме Пионеров.

Через несколько лет я вернулся в свой родной город – Ставрополь, где меня ждала моя жена.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 4 курса факультета искусств Ставропольского государственного педагогического института *Мезина Виктория Олеговна*.

Плаксин Иван Егорович

Дошёл до Берлина

Я, Иван Егорович Плаксин, родился 2 октября 1926 года в селе Преградном, в большой крестьянской семье, где было 11 детей (в живых остались только два брата и четыре сестры). Я был пятым ребенком.

Работать пришлось рано, так как семья была большая. Закончил 6 классов, летом работал в поле. В 1941 году, вернувшись в село с полевого стана, узнал о начале войны. Началась демобилизация, ушел отец и старший брат.

В 14 лет и 8 месяцев я остался старшим среди сестер и братьев, младшему брату было всего 10 дней. После освобождения города Ставрополя от фашистской оккупации в 1943 году призвали на фронт и меня.

Я начинал участвовать в боевых действиях в Краснодарском крае в составе Приморского фронта. Попал я в 734-й артиллерийский полк. После участия в боевых действиях на Кавказе, мы освободили Крым со стороны Джанкоя, затем – Симферополь. Потом нас перебросили в Белоруссию, в Бобруйск, на 1-ый Белорусский фронт под командованием Жукова. Белоруссию освобождали в 1944 году примерно с мая по июнь месяцы.

Мы вышли на плацдарм реки Одер, город Кюстрен. Плацдарм был глубиной 8 км, шириной 12 км, в 60 километрах от Берлина. 16 апреля 1945 года началось наступление на Берлин. Земля была изрыта окопами.

В 4.00 по сигналу ракеты была произведена артиллерийская подготовка к наступлению на противника по первой линии обороны. Как только взвились ракеты, артиллерия перевела огонь на вторую линию немцев. Наши пошли в наступление. В это же время было включено освещение линии обороны противника – 140 прожекторов, которые были установлены через каждые 200 метров на все 12 километров. Прожектора ослепили первую линию немцев, и она падали прямо в окопы.

Мы благодаря этой тактике практически не понесли потерь. Немцы не могли разобраться, что мы применили. Им казалось, что нами

разработана новая техника. Командовал 1-м Белорусским фронтом маршал Г.К. Жуков.

29-30 апреля 1945 года в результате контузии я попал в лазарет. Меня оглушило в бою, и товарищ вытащил меня. В медпункте я пробыл два дня.

Особенно большое впечатление на меня произвело взятие Берлина 16 апреля 1945 года. Бои в городе все разрушили. На перекрестках улиц трудно было пройти.

При взятии Берлина был такой случай. На втором этаже находились пулеметные гнезда фашистов, и ни танки, ни пушки не могли их поразить. Тогда придумали ночью поднять пушку-сорокопятку на второй этаж полуразрушенного дома, напротив пулеметных гнезд. Днем при наступлении мы обстреляли вражеские пулеметные гнезда, что дало возможность нашей пехоте уничтожить в подвальных помещениях засевшие фауст-заряды, поражавшие наши танки. Благодаря этим мероприятиям наступление продолжилось.

День Победы я встретил на посту. С 8 мая на 9 мая с 22.00 до 1.00 вдруг взлетели ракеты. Все загорелось. Я подбежал к телефонистке. «Бой начался», – говорю. А она мне: «Нет, это конец войны».

Мы стали тоже стрелять из холостого орудия. Все было: и смех, и слезы. Война кончилась. Встречали это событие со слезами на глазах, радовались, что кончилась война и остались живы, вспоминали, тех, кто не дожил до дня Победы, и плакали о них.

После войны меня отправили на курсы телеграфистов при 5-м корпусе противовоздушной обороны в Германии. Работал механиком-телеграфистом.

В декабре 1945 года нас вывезли в Москву. Потом расформировали наш батальон связи. И попал я в воинскую часть №32358 артиллерийского вооружения. С 1946 по 1976 годы я прослужил в этой части. В 1949 году наша часть стала ракетным вооружением.

Работал я техником вооружения. Последние 14 лет работал инструктором по проверке КИПС (контрольно-испытательных полевых станций) ракетных войск противовоздушной обороны. Это тогда была секретная служба. В 1976 году был уволен в запас. В советской армии я прослужил 32 года.

Награды вручались мне уже после войны. Во время войны награду могли дать только особо отличившимся. Орден Отечественной войны 3-й степени мне вручал краевой военкомат и воинские

части, в которых я служил. Кроме того, я награжден медалями «За боевые заслуги»; «За победу над Германией»; «За взятие Берлина»; «За освобождение Кавказа»; «За освобождение Белоруссии».

На войне погиб мой брат, Владимир Плаксин, родившийся в 1922 году. Он пропал без вести на Курско-Орловской дуге. Мне рассказывали, что он ходил в разведку и, возможно, подорвался вместе с фашистским танком, попав в воронку взрыва, на который надвигался немецкий танк.

Мой отец участвовал в Первой мировой войне, в Гражданскую войну был в 1-ой конной армии маршала Буденного. Участвовал и во Второй мировой войне, получил два ранения в 1942 году и два ранения в 1945 году, 6 месяцев лежал в госпитале.

На войне у меня погибли 4 дяди (два брата матери и два брата отца – Иван и Илья Плаксины). Среди моих родственников в живых ветеранов уже нет, остался только я – младший. Отец прожил 87 лет, мать – 95. Всю жизнь они трудились в сельской местности. Были очень добрыми. Моя сестра, Мезенцева Анастасия Егоровна, 1919 г.р., ветеран тыла. Другая сестра, Анна Егоровна Долгова, проживает в г. Изобильном, ветеран труда.

Я являюсь председателем Совета ветеранов Промышленного района города Ставрополя. В Совете работаю с 1986 года, со времени его организации.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 3 курса историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Пашалиева Хажар Кушалиевна*.

Просолов Иван Пантелеевич

**«Благодаря этого сержанта!» –
сказал Жуков**

Я, Просолов Иван Пантелеевич, родился 30 сентября 1926 г. в Ставропольском крае, районе Минеральные Воды, в селе Троицком, которое находилось на территории нынешнего Андроповского района, и состояло село всего из шестнадцати домов. Затем со своей семьей я жил в хуторе Подгорном, который также находился в этом районе. По национальности я русский, а по вероисповеданию я всегда оставался и остаюсь православным человеком. В комсомоле не состоял. В ряды коммунистической партии не вступил по идейным соображениям. Но добросовестно трудиться на благо общества и государства беспартийное положение мне вовсе не мешало.

До войны мне довелось окончить лишь три школьных класса. Получать образование в наше время было сложно. Школа, в которой я учился, находилась в 12 км от нашего села. В зимнее время добраться туда было практически невозможно.

С двенадцати лет я уже работал со своим отцом в колхозе «Большевик», где мы на специальной травянке, запряженной лошадью, работали косарями. К пятнадцати годам я начал работать помощником местного кузнеца, и был в его мастерской молотобойцем. Это работа была не из легких, так как вес молота был где-то три килограмма, и работать им приходилось в течение всего дня. Но вскоре я самостоятельно научился подковывать лошадей и выполнять другие кузнечные работы.

О начале Великой Отечественной войны в нашем селе узнали спустя где-то два дня после ее начала. Тем июньским утром из сельсовета к нам прискакал дежурный или так называемый «кононарочный», выполняющий функции связиста. Он и сообщил нам о том, что началась война с немцами.

Новость о начале войны естественно была воспринята селянами с немалой тревогой, но уже с первых дней среди людей царило патристическое настроение.

Председатель нашего села состоял в первой призывной очереди и сразу отправился на фронт, с войны не вернулся, погиб. Спустя какое-то время всем мужчинам стали присылать повестки. На момент войны я по-прежнему работал в колхозе, и мне было чуть больше пятнадцати лет. Практически все мужчины из нашего села отправились на строительство противотанковых рвов в станицу Воросколесскую. А мне предстояло ухаживать за скотом, оставшимся в колхозе. Я должен был каждый день заботиться о восьмидесяти лошадях и двенадцати быках, которых надо было кормить и поить.

До нашего села, немецкие захватчики не добрались, и оккупации не было. Но годы войны все равно были для населения тяжким испытанием. Питаться нам приходилось одной лишь кукурузой, и мы постоянно страдали от недоедания и голода.

Когда немцев погнали с Кавказа, в январе 1943 года в наше село пришли солдаты Красной Армии. Для их разведывательного отряда был нужен проводник в хутор Лиман. Из числа местных жителей солдаты выбрали моего соседа Петра Ольховского, который должен был стать их сопровождающим. Но их машина при въезде в Лиман попала под огонь немецкого заградительного отряда, который обеспечивал отступление фашистской армии. Три человека были убиты, трое ранены, а Петр был тяжело ранен в грудь, пуля прошла ему навывлет и едва не задела сердце.

Примерно в полночь меня неожиданно подняли с постели, вошедшие в дом солдаты, и спросили, знаю ли я дорогу в Лиман. А поскольку я занимался охотой, то знал в Лиман две дороги: по нефтепроводу и по степной балке. Солдаты сказали, что нам лучше двигаться по степи. На улице был январь, и за окном бушевала жуткая метель. Теплой одежды для такой холодной погоды у меня не было, и потому на мне был лишь старенький полушубок. Этой же ночью на армейском «Студебекере» я вместе с разведчиками отправился в путь. К счастью, зимнюю дорогу мы преодолели нормально и доехали до первых огородов, с которых начинался Лиман. Тогда один из военных поблагодарил меня за помощь и приказал двигаться по

следам к месту расположения их бригады, которое было в 5-6 км от хутора. «Студебекер» уехал, а я пошел в обратную сторону. Я прошел всего где-то сто метров и понял, что не доберусь до бригады, так как все следы были заметены снегом. Тогда я решил взять курс на нефтепровод. Идя по зимней ночной дороге, я вышел на нашу артиллерийскую батарею и вдруг услышал чей-то голос: «Стой! Кто идет? Пароль?». Я сказал, что сопровождал разведчиков и теперь двигаюсь к бригаде, а никакого пароля не знаю. Военные пропустили меня и сказали, чтобы я по следам продолжал двигаться к их бригаде. Когда я добрался до ее месторасположения, то увидел много солдат, которые, пытаясь согреться, плотным кольцом окружили одну маленькую печку. Командир приказал солдатам подвинуться и дать мне отогреться после дороги, ведь за неимением хорошей обуви я отморозил себе пальцы обеих ног.

В расположении этой бригады я встретил и своего соседа Петра, который также сопровождал разведчиков в Лиман и был ранен вражеской пулей. Когда сестра делала ему перевязку, я увидел у него под бинтами много крови, которая пузырилась на ране. Но Петр проявлял мужество, и когда речь заходила о его ранении, он отмахивался рукой, давая понять, что все хорошо. Позже я узнал, что его направили в Кисловодский военный госпиталь, и он благополучно выздоровел.

Из бригады я ушел утром, а солдаты, получив информацию от разведчиков, двинулись на Лиман. С новыми силами я отправился в свой родной хутор. Когда я поднялся на бугор, то сразу заприметил знакомые мне дома и огороды. Спустившись в хутор, я издали увидел свою мать, которая стояла на дворе. Она была очень рада моему возвращению и долго меня обнимала.

До призыва в армию я продолжал, как и прежде, работать в колхозе. В конце 1943 г. мне пришла повестка, и 1 января 1944 г. я уже был в расположении нашей войсковой части, которая располагалась в Кабардино-Балкарии, недалеко от села Прохладного. Я попал в артиллерийский учебный полк. Военной формы на всех в армии тогда катастрофически не хватало и еще три месяца после призыва мы ходили в своей собственной одежде, с нетерпением ожидая выдачи новенькой формы.

В феврале 1944 года нас привезли к границам чеченского села Урус-Мартан. Командир сказал, что здесь у нас будут проходить какие-то учения, и нам были дополнительно выданы два автоматных диска. В течение целой недели мы занимались строительством блиндажей и окопов, все время работали лопатами и что-то постоянно копали. Нам говорили, что все проводится в целях учения. Но однажды ночью нас подняли и объявили, что наша задача теперь заключается в том, чтобы никого не впускать и не выпускать из села Урус-Мартан. Всех нарушителей нам приказывали доставлять прямо в штаб. Я понял, что это были уже не учения.

И вот однажды утром с наших позиций, которые располагались на возвышенности, я увидел в селе заметное оживление. Когда я присмотрелся, то увидел, что всех мужчин чеченцев солдаты НКВД собрали в одном месте. Выяснилось, что все село было окружено «краснопогонниками». Затем я увидел, как в Урус-Мартан начали въезжать грузовые машины и забирать местных жителей. На сборы вещей солдаты давали не больше десяти минут, а всех, кто не хотел собираться заставляли это сделать под угрозой расстрела. Это была настоящая массовая депортация чеченского народа, устроенная сталинским правительством. Позже я узнал, что всех чеченцев отправили куда-то в Казахстан, а точнее их просто выбросили посреди степи. И там, не имея над головой даже собственной крыши, они должны были как-то выжить и начать новую жизнь.

В опустевшем селе осталось множество брошенного скота, который в поисках пищи ходил по округе. Однажды к нам в блиндаж забрел баран. Мы не долго думали, что с ним сделать. У меня была охотничья финка, и я зарезал его. Целую неделю, вместо давно надоевшей перловки, мы питались бараниной. Но вместе с тем нам было тяжело смотреть на брошенную, бесхозную скотину, которая, так или иначе, нуждалась в человеческой заботе. Нам даже приходилось спускаться в село и, взяв с собой ведра, собственноручно доить коров. Но вскоре в Урус-Мартан из Ставрополя были присланы специальные отряды девчат, которым как раз предстояло ухаживать за всем этим скотом, разбредавшимся не только по селу, но и далеко за его пределами.

После этого наша часть оставила Урус-Мартан и уехала в село Прохладное. Нас выстроили на железнодорожном вокзале, и прибыв-

ший туда подполковник выбрал из нашего строя семь человек, в том числе и меня. Наша воинская часть двинулась в село Карагач, а нам объявили, что мы будем сопровождать на фронт эшелон с боеприпасами, состоящий приблизительно из 25-30 вагонов. Из семерых солдат начальник склада назначил меня старшим. Меня сразу же проинструктировали и сказали, чтобы ни при каких обстоятельствах мы не покидали и не оставляли эшелон. Мне также вручили планшет, специальные документы и конверт с пятью сургучными печатями, в котором была информация о нашем грузе. Здесь на станции стоял еще один эшелон, который должен был следовать впереди нас. Его охраняли пожилые мужчины из Кизляра, которым было уже далеко за пятьдесят. Оба эшелона отправились в путь. Мы доехали до Ростова, затем до Харькова, а оттуда двинулись в Тамбовскую область. Здесь наш эшелон враг несколько раз пытался разбомбить.

Однажды мы вновь попали под обстрел немецких самолетов. Но снаряды у них кончились, и, снизив высоту, они осыпали нас пулеметной очередью. И тогда наши девчата, ехавшие в последнем вагоне, лихо отбили эту атаку и обстреляли вражеских летчиков из зенитного пулемета. И хотя мы ехали в одном составе, общаться с девчатами и даже просто подходить к ним, нам всем было категорически запрещено. Военная дисциплина была тогда превыше всего!

А вот эшелон, двигающейся впереди нас, немцы все же разбомбили и когда мы об этом узнали, то были вынуждены трое суток стоять где-то в лесах под Тамбовом, ожидая пока рабочие не отремонтируют поврежденное железнодорожное полотно. В течение этих трех суток мы были практически без еды, и я думал, что мы будем стоять так еще не одну неделю. Но железнодорожники работали слаженно и довольно быстро восстановили дорогу. Наш эшелон продолжил свой путь, но мысль о гибели солдат из Кизляра, ехавших в другом эшелоне, не покидала меня, так как в любой момент и наш эшелон мог быть взорван вражескими снарядами.

Когда наш поезд делал остановки, то на каждом полустанке, на каждой станции и на каждом вокзале я видел много местных жителей, которые просили у всех проезжающих соль. Этот, казалось бы, копеечный продукт оказался во время войны столь дефицитным, что люди готовы были отдать за него все что угодно. И я благода-

рю тех мужчин из Кизляра, которые еще при отъезде из Прохладного, посоветовали нам заранее запастись мешком соли, лежавшим тогда на складе с боеприпасами. Как только мы выехали за пределы Ростова, соли уже практически нигде не было. На одной из очередных станций к нашему вагону подошла старенькая бабушка.

- Сыночки, у вас соли не будет? – с чайником в голосе спросила старушка.

- Будет, – ответил я, и бабушка так обрадовалась, что сразу решила позаботиться о нас с присущей материнской любовью.

- А хотите, я тогда дам вам курей или уток? А может вам чего состряпать? Или еще что? – предложила она.

- Бабуль, а вы нам борщ сготовить можете? – едва ли не хором спросили мы все.

- Да борщ у меня уж готов! – обрадовала нас старушка. – Пойдемте со мной, я совсем рядышком тут живу!

Вместе со своим сослуживцем, взяв целое ведро соли, я отправился за ней в ее избу, которая находилась недалеко от станции. Когда мы вошли внутрь, бабушка налила нам борщ, и тут же зачем-то попросила нас закурить махорку.

- А это зачем? – поинтересовались мы.

- Да чтобы, сыночки, в хате мужской запах хоть был! – воскликнула старушка. – Все ведь на войну ушли, и дом мой вот опустел. А так хоть запах махорки мне о моих мужчинах будет напоминать!

Сказав это, бабуля поставила на стол ведро с солью и, явно изголодавшись, начала есть ее небольшими щепотками. Она еще долго нас благодарила, а мы благодарили ее. Когда мы отнесли борщ своим товарищам, они от всей души радовались домашней стряпне. Наш состав тронулся и станция, на которой мы встретили эту старушку, осталась далеко позади.

После долгих дней изнурительного пути мы благополучно добрались до своего конечного пункта: литовского города Паневежис. На станции я увидел множество военных машин и солдат, которые тут же приступили к разгрузке наших вагонов и стали спешно увозить привезенные боеприпасы. Я естественно заволновался, потому что был ответственным за груз и хотел, чтобы его приняли по всем правилам, и выдали соответствующий документ о доставке.

Но командир, руководящий разгрузкой, заявил, что нет времени заполнять отчетные бумаги, потому что снаряды сразу же увозили на фронт, и как говорил командир, их уже через полчаса пускали в ход.

Документы о доставке снарядов мне вручили только ночью. Когда я отметил в комендатуре, мне приказали ехать обратно в село Прохладное, чтобы доставить туда подписанные бумаги о сдаче боеприпасов. Ехать одному мне настоятельно не рекомендовали и предложили выбрать попутчика из числа своих товарищей. Я решил, что обратно было бы неплохо поехать со своим односельчанином и сослуживцем Георгием Капынос.

До Прохладного нам предстояло добираться своим ходом. Первую ночь мы ехали в вагоне, полностью переполненном солдатами. Так на перекладных, пересаживаясь из одного вагона в другой, мы ехали до села больше десяти дней.

В Прохладном я, наконец, сдал документы командованию и заодно узнал, что наша воинская часть передислоцировалась в город Усть-Лабинск, находящийся в Краснодарском крае. Командир приказал нам с Георгием также ехать в этот город и вернуться в состав своей части.

Вскоре мы уже были в Усть-Лабинске, где располагался большой военный городок. На проходной я встретил своего командира и от него узнал, что всех наших ребят за два дня до нашего приезда отправили на фронт. Нам с Георгием приказали остаться в городке. Спустя какое-то время здесь мне присвоили звание младшего сержанта, и вскоре начались сборы новой учебной части. Но моего трехклассового образования было недостаточно для того, чтобы готовить новоприбывших, и поэтому меня направили в маршевую роту. Затем я попал в Туапсе, а оттуда в Новороссийск, откуда мы должны были отправиться напрямик на фронт. В Новороссийске нас посадили на поезд, но о конечном пункте назначения не сообщили. Однако мы все понимали, что состав, наверняка, движется в направлении фронта.

И вот в дороге, подъезжая к Краснодару, прямо посреди ночи мы увидели на вокзале множество местных жителей, которые радовались и ликовали. От них я и узнал, что война с немцами закончилась, и что фашистское правительство капитулировало. В городе в честь этого события был большой салют, гремели артиллерийские залпы, военные

стреляли в воздух из всех орудий. Нашей радости также не было предела, и мы всю ночь поздравляли друг друга с окончанием войны.

После этого знаменательного события меня вместе с нашей ротой летом 1945 года направили под Ростов в город Новочеркасск. На площади, перед главным храмом, мы каждый день продолжали заниматься строевой подготовкой. Однажды к нам приехали представители из учебного танкового полка и объявили, чтобы все, кто был знаком с тракторной техникой, сделали три шага вперед. Я и еще несколько человек вышли из строя. Представители посчитали, что раз мы умеем обращаться с тракторами, то вполне сможем справиться и с танком. Так нас направили в танковое училище города Пятигорска, которое находилось под горой Машук.

Начальником этого училища был полковник Шумякин, который всегда требовал от нас дисциплины. Наш тренировочный полигон располагался под горой Бештау, где тогда еще не было никаких садов и дачных участков. Обучение в танковом училище длилось примерно 5-6 месяцев.

Когда курс моего обучения закончился, нас направили в Германию в город Мейсен, располагавшийся рядом с Дрезденом. В Мейсен я попал на пополнение 60-го танкового полка и служил здесь где-то до декабря 1946 года. Стрельбы и разного рода учения у нас проводились каждый день. Многими из них руководил лично маршал Г.К. Жуков, который не давал никому расслабляться даже после войны, так как постепенно начиналось незримое противостояние между двумя державами: СССР и США.

Однажды Жуков задумал провести полномасштабные учения с одновременным участием танковых соединений, пехоты, саперов и авиации. Я был тогда командиром орудия и находился в башне одного из танков,двигающихся в первом ряду. Вдруг я услышал какой-то мощный взрыв. Из башни своей машины я увидел, как рядом вспыхнул соседний танк и механик, пытаясь спастись от охватившего его пламени, выбрался наружу. Я тут же поспешил к нему на помощь и, накинув на него свой бушлат, повалил его на землю. Таким образом мне удалось потушить огонь, но механик танка все равно сильно пострадал, так как часть горючей жидкости попала ему на лицо и у него сильно обгорело ухо.

Узнав об этом, на место происшествия, прибыл сам маршал Жуков. Он выяснил, что виновным оказался один из саперов, который не до конца проверил местность в радиусе учения и не заметил мины, которую еще задолго до этого здесь оставили немцы. Жуков не церемонился с виновным и так сказать «отчихвостили» его при всех солдатах. Я до сих пор помню слова, которые тогда сказал Жуков.

- Эти танкисты умирали всю войну! Я не позволю, чтобы они умирали в мирное время! – заявил маршал, обращаясь к саперу. – Ты должен был на пузе облазить тут все, и вообще благодари этого сержанта, что он спас танкиста, а то у нас был бы другой разговор!

В этот день я впервые видел Жукова так близко, ведь он стоял от меня на расстоянии вытянутой руки! Маршал сразу произвел на меня особое впечатление и показался мне настоящим русским мужиком, готовым заступиться за своих подчиненных. При этом Жуков любил «крепкое словцо», но мы воспринимали это вполне нормально.

Однажды на очередных учениях, летящий над нами самолет, случайно сбросил на наше танковое соединение малую бомбу. К счастью, тогда никто не пострадал, и бомба разорвалась между колонной танков, не причинив им вреда. Когда Жукову доложили об этой оплошности, он заявил, что немедленно доберется до этих «летунов» и разберется с ними по всей строгости.

Ко всякому делу Георгий Константинович подходил с умом и большой долей ответственности. Он даже приказывал всем танкистам, переезжая немецкие асфальтированные дороги, подкладывать под танк деревянные доски, чтобы их гусеницы не портили дорожное покрытие. В общем даже в таких мелочах маршал никому не давал спуску.

Учения у нас шли день за днем. Иногда командование устраивало нам марш-броски на расстояние в 100-200 километров. Спустя какое-то время, нам начали выдавать увольнительные в город, и, как правило, они давались на четыре человека, составляющих танковый экипаж. Немецкое население относилось к нам неплохо, и не видело в нашем лице захватчиков или оккупантов.

В Мейсене я познакомился с девушкой по имени Эльза, которая была немкой, но при этом хорошо говорила по-русски. Мы с ней неплохо общались. Эльза называла меня Ванко и говорила, что я хоро-

ший русский мужик. Наш ротный командир тоже положил взгляд на Эльзу. Однако она отвергла его ухаживания, сказав, что у нее уже есть Ванко и ей больше никто не нужен. И тогда по непонятным причинам меня неожиданно отправили из Германии в Грузию. Скорее всего, мои отношения с Эльзой стали тому причиной. В течение полугода я служил в танковом полку в грузинском городе Ахалцихе, а затем в городе Ахалкалаки, который располагался неподалеку от него.

Солдатская жизнь в Грузии была довольно суровой. Вместо казармы нам приходилось жить в нечищенной конюшне, где не было даже деревянных полов. Спать приходилось на подстилках из скрученной травы и камышей. Нам негде было помыться, а рацион питания по-прежнему оставался скудным и паршивым. Пожить по-человечески я успел только в германском городе Мейсене. Там были хорошие немецкие казармы, и в них все было целеньким и не разрушенным. На танковый экипаж из четырех человек давали отдельную комнату, а в Грузии обо всех удобствах нам пришлось невольно забыть.

В Ахалцихе мы также продолжали выезжать на учения, и, как правило, делали это по ночам. Наш командир был не лишен чувства юмора, и когда танки останавливались где-то в садах, говорил так: «Слева наш враг – груши, а справа – виноград! Надо их истреблять!». Мы забирались на свои танки и с радостью набивали свои карманы разными фруктами. Но грабежом это назвать было, пожалуй, нельзя, так как многие сады в то время были бесхозными и пустовали, а собирать урожай попросту было некому.

Из Ахалкалаки нас передислоцировали в другое грузинское село – Аками, которое находилось прямо на границе с Турцией. Это было труднодоступное высокогорье, с позиций которого по ту сторону можно было увидеть турецких местных жителей. В Аками я попал в 10-ю гвардейскую дивизию и был назначен командиром самоходной установки СУ-100. Здесь у нас тоже проводились учения.

Как-то раз у нас была запланирована стрельба по движущимся фанерным танкам. Наш командир сказал, что тот, кто сумеет попасть по трем мишеням, сможет получить командировочные деньги и отправиться домой. Из всех солдат только мне довелось поразить все три цели, и командир, сдержав свое слово, отпустил меня на побывку. После встречи с родными я вернулся обратно в часть.

В общей сложности я пробыл на территории Грузии порядка четырех лет, а точнее три года и девять месяцев

В Великой Отечественной войне погиб мой отец Пантелей Юдович и старший брат Михаил, родившийся в 1921 году. Моя мама Василиса Григорьевна узнала, что он погиб где-то под Харьковом или Смоленском при отступлении частей Красной Армии. Сослуживцы лишь успели заметить, как вспыхнул и загорелся его танк и больше о нем никто ничего не слышал. Поэтому мой брат считался без вести пропавшим.

А моего отца немцы пленили, когда он вместе со своей частью отступал из города Черкесска. Его и других военнопленных отправили в лагерь, который находился за Зеленчуком. Туда, за колючую проволоку, фашисты согнали множество народу. Охранниками в этом лагере были немцы и западные украинцы, которые неделю не кормили заключенных. А затем они привезли откуда-то мерзлый бурак и лопатами кидали его за ограждение, со смехом наблюдая, как изголодавшиеся люди дрались между собой за эту еду.

Однажды немцы выбрали из лагеря трех человек, чтобы те сопроводили их на Марухский перевал. А поскольку мой отец когда-то работал там на заготовке леса, то эта горная местность была ему хорошо знакома, выбор сразу пал на него. Кроме того, немцы выбрали из числа пленных еще бывшего капитана и лейтенанта, задача которых также заключалась в сопровождении немецкого обоза. Когда они достигли перевала, немцы двинулись дальше, а изможденным в дороге пленным приказали ждать их в ущелье. Тогда капитан, обращаясь к моему отцу, сказал: «Юдович, надо бежать! Ты один знаешь дорогу!». Недолго думая трое пленных, воспользовавшись случаем, кинулись в бегство.

В первом же селе они чуть не натолкнулись на немцев, но одна из местных жительниц взялась перевести их через вражескую заставу, сказав, что это ее родные братья. В Черкесске они сумели добраться до сестры моей матери, которая хорошо о них позаботилась. До хутора Подгорного им оставалось пройти всего восемьдесят километров, и мой отец сказал, что поведет их полями. Пройдя Лиман, они вышли к нашему хутору. Я встретил своего отца прямо посреди ночи, когда вдруг увидел в кустах чьи-то фигуры. Он не решался выйти из пролески и велел мне срочно позвать мать. Мой отец и двое его товарищей официально считались беглецами, и потому, опасаясь всеобщего

осуждения со стороны селян и наказания со стороны советского правительства, были вынуждены скрываться. Они вышли на люди, только тогда, когда в Подгорный пришли красноармейцы.

Так получилось, что в нашем доме был создан штаб полка. Узнав об истории побега, военные поочередно вызвали к себе бежавшего капитана, лейтенанта и моего отца. Первые двое были восстановлены в своих званиях и прикреплены к соответствующим войскам. Что касается моего отца, то его призвали обратно в строй. Погиб он при освобождении Польши, недалеко от деревни Витючи. На тот момент он служил в санитарной роте и уносил с поля раненных солдат. Причиной его смерти стал осколок от взрыва, попавший ему прямо в голову. Позже моя мать узнала, что он по всем христианским традициям был похоронен на польской земле. Но побывать на его могиле мне, к сожалению, так и не удалось.

А я остался в живых. Скорее всего, это была воля Бога, который вел меня по жизни и уберегал от всякой опасности, и Его присутствие я чувствовал и во время Великой Отечественной войны и во все последующие годы своей жизни.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 4 курса историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Вяткин Александр Александрович*.

Романенко Иван Максимович

На завтра бой

Я, Романенко Иван Максимович, родился 8 октября 1924 году, в селе Большая Джалга Ипатовского района Ставропольского края. В 1939 году, до войны, окончил семь классов сельской школы. Был комсомольцем.

22 июня 1941 года, будучи на работе, узнал о начале войны. Фашистская Германия напала на Советский Союз. В конце ноября я от колхоза был послан под Ростов строить

укрепления, рыть противотанковые рвы. При прорыве обороны нас отозвали назад и направили в райвоенкомат. В апреле 1942 года Ипатовский райвоенкомат назначили меня командиром. В 17 лет, пареньком, занимался необученными военнообязанными, которые ранее не служили в армии. Это были мужчины 30-40 лет. Занятия проводили 2-3 раза в неделю. Я работал в степи в колхозе, а на поездку на занятия бригадир отводил отдельное время. У меня всего обучалось 20 человек.

А на фронте было тревожно. Наши войска оставили Ростов. В райвоенкомат, мы, добровольцы, пошли пешком на Ставрополь, а наши сумки везли на поводах. В Ставрополе дали нам инструкторов, и мы пошли на Хасавьюрт. В Хасавьюрте нам выдали сухие пайки, так мы стали солдатами. Пешком пошли на Прохладное, а потом на Махачкалу. Из Махачкалы нас направили в селение Сергокала. Там находился 606 стрелковый полк 317 дивизии 58 армии, который остановился для переоформления и уточнения формальностей. За это время бойцы смогли овладеть противотанковым оружием.

Потом поступил приказ о выдвижении к фронту, в августе полк подошел к линии фронта. За одну ночь вырыли траншею и землянку, а потом начались перестрелки. Часто меняли линию обороны. Это были оборонительные бои.

Между боями у нас было немного времени. Отдых был между боями краток, кто прочитает стихотворение, кто напевал тихо знакомую песню. Но все без исключения очень любили песню «Катюша».

За военные годы особенно запомнился случай, когда ходили в разведку и взяли «языка», т.е. пленили немца. И второй раз, когда ходили за водой к роднику, тоже взяли в плен немца.

Запомнился эпизод, когда снарядом была уничтожена полевая кухня. Тогда у одного старика в доме нашли ручную мельницу. Собирали кукурузу, перемололи, смешивали с нарезанной тыквой и варили кашу, тем и питались. Поле кукурузы было не убрано.

В начале декабря 1942 года пришел приказ о нашем наступлении. Немец рвался к нефти в Баку. Мы встали на его пути, и сколько не пытался он прорвать нашу оборону – ничего не вышло. Мы отражали все его атаки.

15 декабря нам подвозили снаряды, автоматы, патроны. А потом объявили, это было 16 декабря 1942 года, что наступление будет по всему фронту. Так мы отбили одну из важнейших высот у немцев благодаря нашей артиллерии. Немец отступал. И 16 декабря меня ранило между сёлами Нижний Курт и Верхний Курт, на одной из высот. Это случилось где-то часов 10 утра, и до вечера я пролежал без сознания. Прейдя в себя, я услышал голоса, они говорили, что я неживой, тогда я большим трудом поднял руку. Сослуживцы положили меня на носилки и понесли в медсанбат, в землянку. Когда немцы открыли огонь, раненых перенесли в другое место. Потом отправили нас в Железноводск, далее в Махачкалу, где мне сделали операцию на голове.

Получается, боевой путь я прошел от Орджоникидзе до Монгобека. Поскольку был тяжело ранен в голову, то многое забыл и не могу вспомнить до сегодняшнего дня. Из Махачкалинского госпиталя после лечения 27 марта 1943 года был отправлен домой.

Позже работал секретарем в сельском совете. По решению райвоенкомата был назначен начальником военно-учетного стола (ВУС) и обучал военнообязанных граждан военному делу. На занятиях мы изучали винтовки, гранаты, автоматы. И обученных уже отправляли в армию на фронт, пополнять ряды воинов-освободителей.

Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями «За Победу над Германией», «За оборону Кавказа» и др.

После работы в ВУСе меня пригласили в школу учителем рисования и чтения, главным библиотекарем. Руководил драматическим кружком.

Вспоминая военные годы, те высоты, где был ранен, я написал такие строки:

Мы выжили и победили,
На завтра бой, кровавый бой
С врагом коварным и жестоким,
И веру оставляем за собой.

Хоть путь был долгим и нелёгким,
Заря кровавая встаёт.
И загремела канонада
Наш командир вперёд зовёт.

Где впереди нас ждёт преграда,
Свистели пули, рвались снаряды.
Бой разгорался всё сильней,
Нас убивали эти горы,
Мы не жалели их смертей.

Вот предо мною фриц проклятый
Строчит из пулемёта, гад.
И падают от пуль ребята,
Окутал нас кромешный ад.

И я навёл прицел на зверя,
Удар был меток, роковым.
В победу нашу я поверил,
Друзьям поверил боевым.

Рванул вперёд врагу навстречу,
Не страшен был снарядов вой.
Как вдруг удар, потеря речи,
И тьма нависла надо мной.

Проснулся я уже под вечер,
Вокруг стояла тишина.
Что же со мной? Не двину плечью,
Не шевелит моя нога.

Но не злорадствуй гость незванный,
Не умер я, живой лежу,

Мы отомстим тебе, зверь жадный,
Принесший Родине беду.

И разгромили вражью свору
Богатыри родной земли.
Досталось крепко злему вору,
В чужой стране костыми легли.

Был месяц Май, и вдруг Победа!
И радость охватила нас.
Сбылась мечта, сбылась надежда,
Что нелегко нам так далось.

И в день весенний, майский день,
Теперь мы празднуем Победу,
Ты ордена свои надень,
Чтоб внучек радовался деду!

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1 курса факультета специальной педагогики Ставропольского государственного педагогического института *Тищенко Инна Викторовна*.

Стороженко Дмитрий Иванович

Кто хочет идти в бой комсомольцем?

Я, Стороженко Дмитрий Иванович, родился 7 ноября 1925 года в станице Новошедринской Шелковского района Чеченской республики. В 1932 году вся наша семья: отец, мать и пятеро детей – были высланы из родной станицы в Томскую область. В 1933 году отец погиб, нас с матерью перевезли в Кемеровскую область г. Прокопьевск, полуживых и тощих. Я пас скотину, мать работала в шахте. Жизнь была тяжелой, трудная. В 1935 году от голода умерла моя сестра, и мама с четырьмя сыновьями на руках решила тайно уехать домой.

По пути домой, в Свердловске, у нас случилась беда, украли документы и деньги. Деваться было некуда, и мы пешком вдоль железной дороги, решили идти в сторону Москвы. Шли долго, еды почти не было, поэтому ели все что находили, просили поесть у людей, обуты все мы были в лапти. Мой старший брат хотел быстрее добраться до дома и на станции Янаул сел на поезд, но в городе Каменске (Ростовская область) его сняли с поезда и поместили в приют. А мы почти два месяца шли по железной дороге через Казань в сторону Москвы.

Перед Москвой нам люди посоветовали не ходить в город, остановиться и написать письмо своим близким на родину. Мама послушалась совета и написала письмо родственникам в станицу Новошедринскую. Через некоторое время родственники выслали нам деньги на дорогу, и мы на поезде через Москву поехали домой. Доехали до Ростова, а недалеко от Ростова, в Батайске, жил двоюродный брат отца, у него мы прожили неделю. Потом поехали в станицу.

Дома нас со слезами встречали родные – четыре сестры и три брата матери. Было это зимой, жилья своего у нас не было, и нас, троих детей, разобрали родственники. Те люди, которые отправили отца в Сибирь, снова хотели отправить туда мать, она скрывалась,

зарабатывала на хлеб стиркой белья и прополкой огородов. Мне тогда было одиннадцать лет, младшему брату – шесть.

В 1937 году я пошел учиться в школу, в первый класс, в это время приехал мой старший брат из приюта, его разыскал и привез двоюродный брат отца. Брат пошел учиться в четвертый класс. Глядя на наше бедственное положение, учителя вместе с мамой написали письмо Михаилу Ивановичу Калинин о том, что наша семья была выслана несправедливо, и отправили его в Москву с проверенными людьми. Калинин прислал ответ, в котором приказал вернуть все отобранное у нас, и принять маму в колхоз. Отобранного не вернули, но в колхоз маму приняли. Работала она в колхозе хорошо, и за это ей дали телочку, и нам стало жить легче.

В 1940 году я перешел в четвертый класс и меня отправили учиться в г. Георгиевск Ставропольского края в школу ФЗО (фабрично-заводского обучения). Было мне тогда четырнадцать лет. Обучался я профессии формовщика-литейщика чугунного литья. Жили мы в казармах по строгому распорядку, носили форму, ходили строем на занятия, в столовую. Весной 1941 года я окончил ФЗО и остался работать на заводе им. Ленина «Задвижка», жил в общежитии.

22 июня у нас был выходной, и мы с ребятами пришли в общежитие, в 4 часа и узнали, что началась война. На следующее утро наш завод стал военным. Страшно было нам, война началась, а мы 15-летние мальчишки, одни, без родных, вдали от дома, но надо было работать.

Работал я в литейном цеху. Во время войны там работали в основном подростки, потому что все взрослые были призваны на фронт. Работа тяжелая: дым, жара, расплавленный металл разливали вручную, обувь у нас литейщиков была на деревянной подошве три сантиметра толщиной, чтобы ноги шлаком не пожечь.

В Георгиевске было много воинских частей, город часто бомбили. Для подготовки молодежи к военным действиям на заводе проводили занятия по выходным дням, нам выдавали учебные винтовки и показывали, как с ними обращаться. В конце 1942 года я сильно заболел и самовольно без документов уехал домой в станцию Новошедринскую. А дома меня уже ждали представители завода и сказали, что если я не вернусь на завод, то пойду вое-

вать. Я вступил в отряд допризывников, мы охраняли дороги, стояли на постах на реке Терек.

В январе 1943 года я был призван в РККА. Военную присягу принял 26 марта 1943 года. Попал я в запасной зенитно-артиллерийский полк № 34 и прослужил там до 1944 года. Затем был переведен в действующую 20-ю артиллерийскую дивизию (командир подполковник Куликов), которая формировалась в г. Краснодаре. Я был назначен четвертым подносчиком снарядов артиллерийского орудия, кроме того, пред боем я копал ячейки для бутылок с горючей смесью и противотанковых гранат.

В течение двух месяцев мы участвовали в уничтожение «власовцев» и немцев, которые ещё скрывались в лесу в районе Горячего ключа. На вооружении у нас были зенитно-артиллерийские пушки 37 калибра, они применялись против авиации и пехоты.

Весной 1944 года нас отправили эшелоном через Воронеж и Москву под Смоленск, где я участвовал в освобождении города. После Смоленска освобождал город Витебск (июнь 1944), город Оршу (июнь 1944), получил благодарность за освобождение города. Освобождал город Борисов (1 июля 1944), участвовал в окружении и уничтожении немецкой группировки под Минском (3 июля 1944). Наступление советских войск продолжалось, и наша дивизия в составе 3-го Белорусского фронта продвигалась дальше на запад в направлении города Вильнюса (13 июля 1944), в боях за этот город мы потеряли три орудия и тридцать солдат.

Помню, было это под Витебском в июне 1944 года, наше орудие стояло на сопке и нам очень хорошо были видны позиции немцев, где располагалась их пехота. В течение нескольких дней мы наблюдали за передвижением противника и запомнили время, когда к немцам приезжала кухня. Немцы любят порядок и точность, и кухня их прибывала строго по расписанию, хоть часы по ней проверяй. А наша полевая кухня часто до нас не доходила, а солдат он, как известно, привык, есть по режиму, хотя какой там режим, когда фронт рядом. Нам выдавали сухой паек раз в неделю, но мы его сразу съедали, чтоб не пропал, если вдруг убьют. В один из дней утром началась артподготовка, и было это как раз перед тем, как к немцам должна была приехать кухня. Поднялась и пошла вперед наша

пехота, и мы за ней свои орудия покатали, и в это время кухня немецкая показалась, мы к ней, повар и лошадь были убиты. Заглянули в котел, а там лапша наваристая и так вкусно пахнет, мы с пехотой за котелки и давай с большим аппетитом уплетать немецкий завтрак. Тут появляется заместитель командира батареи и говорит нам: «Не ешьте эту лапшу, она отравленная немцы вам ее специально оставили». А мы ему отвечаем: «Эту лапшу мы у немцев из рук взяли еще тепленькой они ее для своих солдат везли, и отравить никак не могли». Потом мы еще долго вспоминали вкус немецкой лапши, уж очень она нам понравилась.

В конце июля 1944 года мы вышли к реке Неман, форсировали её, и двинулись в направлении города Каунас (август 1944). После форсирования реки Неман нашей дивизии было присвоено почетное наименование «Неманская» дивизия.

Под Волковыцком перед боем к нам на батарею пришел начальник политотдела капитан Швайбе и спросил: «Кто хочет идти в бой комсомольцем?» Я ответил, что я хочу, и меня тут же перед строем приняли в комсомол и выдали комсомольский билет.

В январе 1945 года наша дивизия подошла к границе с Пруссией, здесь мы держали оборону. В середине января начали прорыв границы, у немцев были очень прочные укрепления из бетона, но в результате длительных боев с большими потерями дивизия прорвала укрепления немцев и в конце января вышла к Балтийскому морю к городу Кенигсберг. Была наша дивизия тогда в составе 5-ой ударной армии 3-го Белорусского фронта. Я участвовал в штурме Кенигсберга и освобождении наших советских военнопленных, которых немцы погрузили на баржи и хотели затопить, но наши войска им помешали.

В январе нашу дивизию перебросили в Польшу для разгрома немецких войск в составе 1-го Белорусского фронта. Мы участвовали в освобождении Варшавы (январь 1945), Познани (февраль 1945). Освободив Варшаву, дивизия вступила на территорию Германии. Освободили Ландсберг, Кюстрин (70 км от Берлина), и стали готовиться к форсированию реки Одер. Первыми вышли на берег зенитные части, они заняли позиции там, где должны наводить понтонный мост. Нашу батарею перебросили на плотках на другой бе-

рег реки. Половина бойцов погибла во время переправы, так как немцы вели сильный огонь. На берегу мы заняли плацдарм, вели огонь для прикрытия во время наведения переправы. За одну ночь навели мост, а немцы непрерывным огнём его разрушали, приходилось мост несколько раз восстанавливать.

В тот период немцы стали применять радиоуправляемые беспилотные самолеты, начиненные взрывчаткой. Эти новые самолеты к месту боевых действий доставляли другие самолеты, к которым они как бы были подвешены, а потом их сбрасывали и они летели сами без пилота.

Наша 5-я ударная армия 1-го Белорусского фронта шла первой и на следующий день (16 апреля 1945) еще до рассвета началась артподготовка, и мы пошли в наступление на Берлин. Продвигаясь к Берлину, в боях мы потеряли три орудия и тридцать солдат. Помню бой, когда, прикрывая наши части, мы из шести орудий отстреливались от пятнадцати самолетов, которые бомбили нас, и тем не менее сбили пять самолетов, тем самым сохранили войска.

Орудия, из которых мы стреляли, в одну минуту выпускают сто шестьдесят снарядов. Я при орудии был наводчиком. Кто остался живой, после боя услышали шум, поднялись, видим, из леса бегут солдаты и спрашивают у нас: «Вы живы?» Такой страшный бой был, щетина на лице у нас за несколько часов отрастала. Во время боя солдат не думает о жизни, а только о том, как убить противника. После боя собрали убитых, более сорока человек погибли.

Тот, кто был на фронте, знает, как много значит солдатская выручка. Это случилось во время форсирования Одера. Наша дивизия попала под сильный артобстрел, а тут еще и самолеты бомбить начали. Одна авиационная бомба разорвалась около нашего орудия, и взрывом засыпало окопы с солдатами, в том числе и меня. Мне кажется, я даже на некоторое время потерял сознание, и когда я очнулся, понял, что завален землей, но могу двигаться. Я с большим усилием выбрался из-под завала, сел, ничего не слышу, голова гудит, и вдруг вижу, на меня смотрит голова моего друга Крохта Васьилия, он был у нас заряжающим. Смотрит на меня эта голова и только глазами моргает. Я еще до конца не понял, что случилось, но я видел глаза своего друга и, забыв о том, что у меня была са-

перная лопата, начал откапывать его руками, сдирая кожу и ногти. Была только одна мысль: «Надо копать». Откопал я Василия, он был жив, но контужен. Через некоторое время мы пришли в себя, оружие наше не пострадало, и мы продолжили боевые действия.

К этому времени Берлин был окружен войсками 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронта, американские войска в это время были в 40 км от Берлина. 21 апреля мы прорвали оборону противника и соединились с 1-м Украинским фронтом юго-восточнее Берлина, и пошли на штурм Берлина. 30 апреля были в Берлине.

Вся местность была покрыта лесными завалами, рвами, проволочными заграждениями, город опоясывали три оборонительных обвода, все улицы перекрывали баррикады, на перекрестках были врыты танки. Фашистское командование сосредоточило для обороны Берлина огромное количество сил. В городе нам приказали прикрывать берлинскую городскую радиостанцию. 2 мая в шесть утра нас сняли с огневых позиций, приказали идти вперед к реке Эльба. Мы пошли вперед, отражая атаки немцев, стреляя из орудий на полном ходу. В двенадцать часов дня остановились, командира подразделения вызвали к командиру полка и сказали о том, что немцы капитулировали.

4 мая в четыре часа дня мы вышли на реку Эльбу, навели понтонные мосты для переправы, и тут к другому берегу подошли войска 1-й американской армии. Наша встреча с ними состоялась на мосту, языка их мы не знали и выражали свои чувства жестами, мимикой. Все радовались победе, а невдалеке еще гремели бои. В течение часа мы общались с американцами, потом прозвучала команда «отбой», и наши передовые части отошли на 100 км от реки Одер.

Нам приказали окопаться и получить по два боекомплекта снарядов. Мы чувствовали, что дальше идти некуда, наступил вечер мы в окопах-ровиках (окоп для орудия размером 4Ч4) вырыли землянки, я в ту ночь стоял на посту. Шел дождь, гремела гроза, сверкала молния, и тут я каким-то внутренним чутьем почувствовал, что война не кончилась, что еще опасность рядом и меня в самом конце войны могут убить. Я попросил поставить со мной второго часового. Эту ночь я провел в большой тревоге. После встречи с американцами мы заняли боевые позиции, и с американской стороны подошли войска, настроенные против СССР.

До 8 мая стояли на позициях, а 8 мая узнали, что пришла Победа, радовались, стреляли из автоматов, из орудий стрелять не разрешили. На этом наши боевые действия закончились, началась работа в оккупированной Германии.

Нас перебросили в город Шверин, его брали американцы, он им достался при разделении. Американцы передали город нашему командованию, и мы расположились на позиции на аэродроме. Орудия были в боевой готовности. Началась демобилизация солдат. Тех, кому было пятьдесят лет и больше, отправляли домой. Стало не хватать младших командиров и меня направили в школу младших командиров (г. Шверин). Был демобилизован в июне 1950 г.

Среди моих наград медали «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина», орден Отечественной войны II степени и др.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 4 курса историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Писаренко Максим Владимирович*.

Фролов Алексей Петрович

Самое страшное воспоминание 1943 г. – Огненная дуга

Я, Фролов Алексей Петрович, родился 6 марта 1925 года в деревне Синдеевка Беловского района Курской области. Мои родители – Мария Александровна и Петр Никитович Фроловы, уроженцы этой же деревни, колхозники. Я и мой брат учились в школе неполного среднего образования, а во время каникул работали в колхозе.

Ясно представляю незабываемые летние вечера моего предвоенного детства. Скотина загнана во двор. Старым хочется спокойно постоять, полежать после дневной заботы о еде, молодые намерены пошалить. Им хочется прислониться, потереться друг об друга, положить голову на другую овцу. Посмотрю я на всю эту картину, близкую и понятную мне, и ухожу. Во дворе и в хате становится темно. Появляется какая-то настороженность, боязнь. Все дела сделаны. Мы с братом на крыльце или на завалинке ждём возвращения с поля своих. Солнце давно село, заря угасает, корова начинает тихонько реветь, пришла пора ее доить, а наших все нет и нет.

В центре нашей деревни был установлен рупор. Из него мы и услышали голос В.М. Молотова, который объявил о вероломном нападении фашистской Германии на нашу Родину, великий Советский Союз. Выступление заканчивалось оптимистично: “Враг будет разбит, победа будет за нами!” Мы верили в это, и иного не могли себе представить.

Мне не удалось окончить среднюю школу в связи с оккупацией немцами Курской области. В конце 1942 года был призван в армию, а в начале 1943 года начался мой боевой путь на родной земле рядовым разведчиком-артиллеристом. Было это на Курской дуге в селе Прохоровка.

С конца марта 1943 года впервые за долгие месяцы войны на советско-германском фронте установилось относительное затишье. Обе стороны начали активную подготовку к решающим сражениям, которые должны были предопределить конечный исход войны. Гитлер и его окружение верили в успех предстоящего наступления. Надежды возлагались на поступавшую в больших количествах на вооружение вермахта новую боевую технику, прежде всего, тяжелые танки Т-VI («Тигр»), средние танки Т-V («Пантера»), штурмовые орудия («Фердинанд») и самолеты (истребитель «Фокке-Вульф-190А», штурмовик «Хеншель-129»). Им отводилась роль главной ударной силы в предстоящем наступлении. Особенно напряженная обстановка сложилась в полосе 5-й гвардейской армии, оборонявшейся на прохоровском направлении. Танковые дивизии врага удалось остановить лишь в 2 км от Прохоровки, да и то при поддержке 2 танковых бригад, срочно выдвинутых генералом Ротмистровым.

12 июля 1943 года началось сражение, позже названное Прохоровским. Борьба была ожесточенной, «танки насакивали друг на друга, сцепившись, уже не могли разойтись, бились насмерть, пока один из них не вспыхивал факелом или не останавливался с перебитыми гусеницами. Но и подбитые танки, если у них не выходило из строя вооружение, продолжали вести огонь». Свои бои с фашизмом на русской земле я начал юношей в конце июня 1943 года. Северо-восточнее от нас в семидесяти километрах находилось село Прохоровка. Лето жаркое. Ни единого облака, ни капли дождя. Воздух стоит раскаленно-неподвижный. Мне запомнился лес, поляны с густой высокой травой, журчащий ручеек, под впечатлением которых я часто думал о совершенно новом, совсем незнакомом своем положении. Сразу выдали форму. Когда меня обмундировали в гимнастерку и брюки цвета хаки, пилотку, неуклюже сидящую на стриженной голове, и ботинки с обмотками я сразу же приземлился в своих мечтаниях. По лагерю ходили командиры, стройные, франтовато одетые, а я, как казалось мне, выгляжу неуклюже. Очки и пилотка никак не гармонировали между собой, а тут еще ботинки номера на два больше, чем мне полагалось, с обмотками.

Полк наш с утра до вечера на тактических занятиях. Я был артиллерист-разведчик, моей основной обязанностью было наблюдение через стереотрубу за действиями противников. Мы знали все характери-

стики «Тигров», «Пантер», «Фердинандов» и других танков и самоходных пушек. Мы получили новые противотанковые пушки, способные пробивать 200-миллиметровую броню «Тигров». И пехота имела надежную противотанковую «артиллерию» в достаточном количестве: все стрелки и автоматчики носили при себе противотанковые гранаты, а в обозах было достаточно бутылок с горючей жидкостью. Вместе со своими товарищами учился кидать бутылки с горючим, ведь действовать надо вдвоем. Надо только пропустить танк через себя, то есть через свой окоп, и тогда один ведет огонь по вражеской пехоте, чтобы остановить ее, а другой бросает вслед танку бутылку или гранату...

Как-то мы, выбрав огневую позицию, приступили к рытью окопов в полный профиль. Мы до темноты не прекращали работу. Тяжело в ученье, легко в бою. Сооружали блиндажик с накатником – с толстым слоем земли на крыше. В блиндаже сухо, разместились удобно. Но меня не покидали мысли о том, что я скоро могу быть убит, моё тогдашнее состояние не сравнить ни с чем в жизни. Умирать – то никому не хочется! Тем более, если знаешь, что тебя кто-то ждет живым. Поужинав, я, безнадежно отчаявшись, всё-таки принялся за наблюдение. Начал свое наблюдение я через стереотрубу, долго приспособливался, настраивал, чувствуя огромную ответственность перед командиром. Внезапно на нас стали обрушиваться бомбы, и я по своей трусости стал наклоняться при каждом разорвавшемся снаряде. Конечно же, окуляр сбивался, и мне приходилось его повторно настраивать. И так постоянно: настрою, испугаюсь и теряю. Мой командир долго смотрел на все происходящее, как я сейчас думаю, даже отчасти смеялся надо мной. Не выдержав, подошел ко мне и говорит: «Алёша, так дело не пойдет! Какой же из тебя помощник, если ты боишься каждого шороха. Бери пример с меня, я же так не делаю». Про себя я подумал: «Вы-то постарше будете, да и чего вам бояться, вы вон какой!». В ту же минуту я понял, что это действительно не по-мужски как-то, и переборол себя и свой страх, перестал реагировать на происходящее. Я взял себя в руки, и это помогло мне вести наблюдение. Вскоре мне очень понравилось наблюдать и докладывать о том, что я видел, каковы действия моего противника.

Мы располагали большой информацией. Мы слушали не только Москву, но и немецкие радиостанции, хотя это категорически запрещалось. Немцы постоянно передавали одно: советские войска разбиты, унич-

тожайте комиссаров, сдавайтесь в плен, сохраняйте свою жизнь, часто давали ложную информацию, что взят город, вы окружены. Почти регулярно я принимал сводки Совинформбюро, записывал их и передавал политработникам. В перерывах между ожесточенными боями мы пели песни храбрых солдат-артиллеристов, гимны собственного сочинения, которые, безусловно, поднимали наш боевой дух.

Помню однажды, когда бой был в самом разгаре, у нас внезапно закончились все боевые припасы, и нам с товарищами пришлось изготавливать бутылки с зажигательной смесью и даже по приказу командира скидывать свиней с воздуха. Да, да, настоящих живых свиней, визжащих и крутящихся в воздухе, приводящих в ужас противника. Видимо они приняли их за новые неизвестные бомбы....

Но, к сожалению, меня в этот день ранили. Немецкий снайпер заметил меня и начал обстрел – ранение пришлось в правое предплечье. Меня сразу же направили с фронта в госпиталь г. Обоянь. Долгое время мне некому было оказать помощь, только лишь одна медсестра постоянно следила за моим состоянием. Как только пришел врач, она слезно просила его «сохранить парнишке руку». Благодаря этой медсестре удалось избежать ампутации руки, за что я хочу сказать ей большое человеческое спасибо!

Из госпиталя снова попал на фронт в Смоленскую область, где принимал участие в боях в качестве рядового противотанковой артиллерии. Тогда я действительно понял, что война – жестокая вещь. Когда люди, которым подчиняются тысячи людей, умеют сохранять настоящую человечность, сохранять любовь к человеку, уважение к нему, понимание души, то это действительно хорошие, настоящие люди! Эти слова я хочу посвятить тому человеку, который очень хорошо знал своих солдат, заботился о них, и мне помог стать Человеком – своему первому командиру.

Со мной лично был такой случай. Я думал о себе, что я уже обстрелян, насквозь пропитан пороховым дымом, не кланяюсь каждой пролетающей пуле, прошел огонь, воду и медные трубы, считаюсь матерым воякой. Но случается, что и таких черт может попутать. Ни с того ни с сего «душа в пятки уходит», становится неспокойно на сердце, и с трудом получается сдерживать страх.

Время для готовности к открытию огня было ограничено. Копали не только, как говорится, в поте лица, но и в поте всего тела.

Недолго мне пришлось сидеть у окуляра. Пришел уставший сменщик, а я получил задание копать ровик не только для маскировки связи, но и для ее сохранности от поражения осколками.

Ночью спать пришлось мало. По очереди выходили и садились в засаду. Мое место было у большого камня. Один в лесу среди ночи. Страшно. Напряжены не только органы чувств, но и все тело. Каждый шорох, звук, настораживает, бьет по нервам. Ощущение опасности еще усиливалось тем, что до нас дошла информация, что где-то недалеко от нас ночью диверсанты вырезали расчет противотанкового орудия. Время в засаде тянулось медленно. Противник продвигался быстро, а пехотного прикрытия после отступления пятой дивизии не оставалось. Нашелся какой-то умный, прозорливый и нестандартно мыслящий начальник, который дал приказ нашему полку на отход. В путь тронулись до отхода солнца, но тут же попали под бомбежку. Самолет противника сбросил три бомбы, дал несколько очередей из пулемета и улетел. Бомбы разорвались справа и слева от эшелона. Мы находились на платформе у орудия. Во время бомбежки укрылись за стальным телом пушки, но это было укрытие не для тела, а для психики. Нам повезло. В нашем отделении все были живы и здоровы, хотя в полку появились первые раненые.

Нам было приказано бдительно наблюдать за воздушной обстановкой и передавать сигналы о появлении противника. Напряжение было большим, ждали второго налета. Недолго нам пришлось пребывать в таком настроении. Противник или засек нас, или предположил, что мы можем быть там. Мины плотно ложились по нашему расположению. Прекратилась связь. Меня, дежурного, посылают на линию. Задача – отыскать и исправить порыв. Огонь противника не прекращается. Нужно было покинуть блиндаж и ползти под осколками рвущихся мин. Как это тяжело. Прошло много лет, но я так ясно воспринимаю и как бы переживаю вновь этот момент, который мог быть роковым для меня. Бег, падение, подъем, опять бег, падение, подъем. Провод скользит в руках. Пока порыва нет. Налет закончился, но одиночные мины с шипением летят и тут где-то недалеко разрываюся. Наконец порыв найден. Один конец у меня, второй куда-то отброшен разрывом. Ищу вокруг. В траве, листьях, мху не могу найти. В глазах какой-то полумрак, очки застилает пот. Нашел провод, связал, заизолировал и бегом обратно. «Молодец,

быстро выполнил задачу», – говорит командир. Для него быстро, а для меня это было мучительно долго.

Пришлось менять и огневые позиции после того, как самолет противника сбросил несколько бомб вблизи наших орудий. Я вышел на широкую поляну. Высота, на которой мы стояли, постоянно подвергалась налетам немецкой авиации. Бомбежка была страшная, бомбы все вокруг изрыли. Я лежал, и вообще не думал, что я выживу. Потери были очень большие, у многих перепонки полопались, у меня слух был практически потерян. Густая сочная трава, цветение клевера наполняли воздух приятным ароматом. Люди сидят в траншеях, слегка укрытых нишах. А наверху постоянно свистят пули, рвутся снаряды, мины. Идешь, согнувшись, по траншее от одного солдата к другому.

С презрением я обходил трупы завоевателей. Вдруг я инстинктивно остановился. Мелькнула мысль: «А если я выйду на это открытое место и попаду под огонь противника?» Дрожь пробежала по телу, когда внезапно рядом со мной взорвался снаряд. Ранение осколком разорвавшегося снаряда пришлось в бедро. Я был сразу же отправлен на лечение в госпиталь г. Калинин (ныне Тверь). В медсанбате меня особенно не лечили. Врач говорил: «Вас вылечит время». И действительно, постепенно уменьшалось напряжение в голове, которое я постоянно чувствовал, ослабевали шум, звон в ушах. Улучшался слух. Я стал различать не только звуки, но и некоторые слова. Врач назначал какие-то таблетки и всякий раз повторял: «Гуляй больше!» Под конец своего пребывания в медсанбате я уже стал ходить на просмотр кинофильмов, понимал размеренную речь...

По окончании лечения отправился на фронт в декабре 1943 года. Затем был направлен в 1-е Томское артиллерийское училище, где проходил обучение до апреля 1945 года.

После обучения мне было присвоено звание младшего лейтенанта. Служил в Армии до января 1968 года. Был уволен в запас в звании подполковника. По распределению был направлен на службу в г. Ставрополь, где добросовестно выполнял служебные обязанности по совершенствованию гражданской обороны Ставропольского края в течение 27 лет. Принимал активное участие в военно-патриотической работе с молодежью.

За время прохождения службы я был награжден медалями «За победу над Германией», «За боевые заслуги», «За отвагу»; орденом Жукова.

В час горьких испытаний не ждали почестей и не размышляли о бессмертии, и, конечно, нам пришлось познать чувство боли потери на фронте своих близких и товарищей. В бою под Витебском погиб и мой дядя – Ермолаев Иван Александрович.

Однако я очень рад, что из войны вышли живыми мои родители, проработавшие все это время на трудовом фронте. Отец помогал строить военные сооружения, а мать работала в колхозе и ждала своих сыновей с войны. Брат, прослуживший капитаном в зенитных войсках Ирана, также благополучно вернулся с войны, получив ранения и орден Красной Звезды.

Каким бы трудным и долгим не был наш путь к победе, мы выстояли, преодолели свой необузданный страх, воспитали волю, закалили характер и проявили мужество, защищая родную страну. Война закалила меня, сделала мужчиной, патриотом, гражданином и просто настоящим человеком.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 5 курса психолого-педагогического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Щитковец Кристина Евгеньевна*.

Хазанова Антонина Андреевна

Я расписалась на Рейхстаге

Я, Хазанова (Язловецкая) Антонина Андреевна, родилась 17 февраля 1924 года в Краснодарском крае в станице Нижне-Стеблиевской. Рано лишилась родителей, воспитывалась в детском доме. Состояла в комсомоле.

О войне я узнала утром по радио в воскресенье 22 июня 1941 года. Когда война пришла на краснодарскую землю в 1942 году, я заканчивала десятилетку. Мне выдали справку о том, что я действительно окончила 10-й класс средней школы №1 ст. Стеблиевской Ивановского района Краснодарского края в 1942 году.

Во время войны прошла ускоренные курсы медсестёр. Как и многие другие, я на фронт ушла добровольцем. Мой боевой путь проходил от Северного Кавказа до Берлина. Сразу с первых дней моей службы меня взяли санитаркой в I хирургическое отделение. Я ушла в госпиталь в летнем платье и туфлях, а у меня больше ничего и не было. Эти вещи мне прослужили очень долго, до глубокой осени. Стали наступать холода, у меня туфли были изношены, рваные. Только тогда дали мне дали гимнастерку, юбку, ботинки. Я была рада этому, потому что в этой одежде я себя чувствовала уверенно, у меня появилось чувство гордости за нашу Родину.

Наши войска храбро сражались, но всё-таки отступали. Вместе с армией отступал и сортировочно-эвакуационный госпиталь 47-й армии Южного фронта. К маю 1942 года группа немецких армий «А» прижала пять наших сильно поредевших армий к северо-западному побережью Чёрного моря, устремлённых к Темрюку, Новороссийску – в направлении Туапсе, Сочи, перевалов Главного Кавказского хребта, через который лежал прямой путь в Грузию. Ставка Верховного Главнокомандующего создала Северо-Кавказский фронт, назначили командующим фронта С. М. Будёного.

Госпиталь №4526, при котором я находилась, оказался в с. Кабардинка, под г. Новороссийском. 25 июля 1942 г. немцы начали наступление по всему фронту, имея преимущество в людях, в артиллерии, танках, самолётах. Гитлеровцам удалось прорвать левый фланг 47-й армии и выйти к черноморскому побережью только 31 августа 1942 года. И во все эти дни непрекращающихся боёв поток раненых бойцов не иссякал, а стремительно возрастал.

Я работала в отделении, в которое поставляли раненых в грудь и живот. К сожалению, как всегда бывает, что раненые в живот не выживали. Но мы изо всех сил старались помочь им, подбадривали их. Бывали случаи, что и выживали, потому что приходилось использовать все методы и способы, чтобы «вытянуть» каждого солдата. Врачи, санитары, медсёстры под непрекращающимися артобстрелами, бомбёжками с воздуха работали буквально сутками, так как раненых было много. Привозили только тяжёлых, для которых уже не хватало места, легкораненые оставались в строю или их отправляли в полевые госпитали. Раненых не успевали обрабатывать; они лежали на земле, без укрытия. Умерших хоронить было некому – их лишь санитары оттаскивали в сторону. Были убитые и среди медперсонала. Но чаще всего, умерших оттаскивали в другое помещение. Им на бедре писали фамилию, имя, отчество, дату рождения, место рождения, дату смерти и место смерти. Эти данные помогали найти родственников погибшего, потом отсылали похоронки. Создавались хозяйственные бригады, которые занимались захоронениями. Но, как правило, захоронения были простыми: вырыли яму и положили тело умершего.

Однажды бомба попала в то строение, где были лежачие, которым я обрабатывала раны. Очнулась лежачей на земле, оглохшая, в голове – шум. От домика остались только руины. Мне повезло – взрывной волной меня выбросило в окно. Отделалась сильной контузией. В больнице я не лежала, полежала несколько часов на кровати, а затем снова работа. Конечно, мне нелегко было, был сильный шум в голове, жаловалась на слух. Но через некоторое время мне стало полегче, чему я была очень рада.

В первые дни боёв, когда начинались авианалёты, лежащих на операционных столах и в палатах, санитары уносили в любые природ-

ные укрытия, «щели». Однажды во время очередной бомбёжки удалось вынести всех, но Антон (раненый солдат) заметил вдруг, что с ними нет мальчика Тишки – из местных жителей, которому недавно ампутировали обе ноги. Я бросилась в палату, стала кричать:

- Тиша, где ты? Тиша, ты жив?

Мальчик оказался под кроватью, плакал: так испугался бомбёжки, что сумел без ног забраться туда. Я присела рядом с ним, гладила по голове, утешала, отвлекала разговором – пока бомбёжка не закончилась. После этого мальчика подлечили, и его кто-то забрал, и дальнейшую судьбу его я не знаю.

Кроме солдат и офицеров, к нам приносили и раненых из населённых пунктов. Помню, в Туапсе, в Доме Отдыха, в палате лежала девочка лет пяти, ей ампутировали ножку. Но началась гангрена, и девочка умерла. При этом все время вслух читала стихи о Сталине – чтобы подбодрить себя. Как же тяжело было смотреть на её страдания! Когда девочка лежала в госпитале, за ней ухаживала мать. Мне было не по себе, глядя на обессиленную мать. Тогда я ей предложила передохнуть, сказав, что я посмотрю за девочкой. Женщина боялась отойти от кровати, она хотела видеть, как умирает её дочь. Но её уговорила, пообещав, что если девочка будет умирать, я её позову. Как только она ушла, девочка стала очень тяжело дышать. Стало понятно, что она умирает. И я, набравшись сил и терпения, не стала звать мать, чтобы не разбудить раненых в палате. И мне сейчас становится не по себе, когда я это вспоминаю.

Помню ещё один случай, когда к нам привезли раненого солдата. Ранение у него было очень тяжёлое, и я не знала, чем его покормить. Я спросила у Коротецкого (начальник I хирургического отделения): «Чем его покормить?» Он ответил: «Не знаю, чем-нибудь лёгким, можешь ему кисель сварить». Мне было его настолько жалко, что я готова было ему отдельно варить пищу. Так я и сделала. Я готовила ему отдельно суп, варила кисель. Хотя в это время мы сами перебивались, чем могли. Чаще всего мы ели манную кашу, варенную на воде, где была щепотка соли или иногда сахара. Затем варили суп из какой-нибудь крупы. Все было нежирное, пресное. Но на это никто никогда не жаловался, потому что знали, что нелегкое настало время. Врачи, санитары ели такую же

пищу вместе с ранеными. Иногда даже было вино. Но больше всего его было на Кавказе.

Мой раненый стал идти на поправку. Он дал мне домашний адрес, чтобы я написала его семье, что он раненый, его местонахождение. Мне ответила его дочь, в письме она выразила благодарность мне, сказала, что они (школьники) переписываются с ранеными, солдатами, командирами частей, выражая им чувства признания в том, что они достойно выполняют свой долг, честь, защищая свою Родину. Раненый пошёл на поправку, и мне стало за него радостно. Но однажды я прихожу в палату, и его там нет. Я спрашиваю у доктора: «Где он?» Он ответил мне, что он встал с кровати, закашлял и умер. Я сильно переживала, мне было жалко его, а особенно его семью, ведь они его ждали. Я не стала писать его дочери, что отец умер, потому что знала, что они получат похоронку.

Затем нас перебросили в Геленджик, где нас тоже бомбили каждый день. А 7 сентября валом стали поступать тяжёлые из 305, 328 и 144 батальонов морской пехоты, которые трое суток героически бились против двух немецких дивизий. Они стояли бы до конца, но командование дало приказ отступить. Нам давно уже не нужно было объяснять, что такое «стоять насмерть», или «драться за каждую пядь родной земли», уж столько раз я увидела воочию. Здесь я познакомилась с командиром, у которого погибла жена. Он отдал мне её вещи, конечно, они были поношенные: пальто, платье, белые туфли. Я была очень рада такому подарку, потому что вещи были очень красивые, я таких никогда не носила, так как не мола позволить себе такой роскоши.

От 47-й армии осталось только малая часть и её отозвали на переформирование. И нашу армию сменила 18 армия. В это время нас сажают в товарные вагоны и везут, не знаем куда. Спать было некогда, бомбили госпиталь. Потом нас привезли и выгрузили на вокзале. Было очень светло, красиво, по улицам гуляли люди. Мы сначала не поняли, где мы находимся. И оказалось, что нас привезли в Тбилиси. Никакой стрельбы, никакой бомбёжки – покой и тишина. Наш санитарный батальон двигался по этим улицам. Мы построились, и нам сказали идти в баню.

Мы были очень грязные, в волосах – вши, которых мы выводили керосином. Что касается гигиены, то ее естественно не было. Купа-

лись мы от случая к случаю, мыло было большой редкостью. Летом, если удавалось, купались в речках, водоёмах. Конечно же, у многих были вши, а у меня так вообще их было много, волосы были длинные.

Пока мы мылись, нашу одежду всю продезинфицировали. Мне дали американские ботинки 42-го размера, а размер ноги был 35. Мне эти ботинки были очень велики, но я была рада и этому, ведь старые ботинки были поношены, кое-где начали рваться. Нам парни говорили, что ещё не видать наших девчонок, зато «носы» ботинок уже здесь. После небольшого отдыха опять отправились на фронт. Одежду нам тоже редко выдавали, она была постоянной: летом – гимнастерка, юбка, чулки, туфли, а зимой – шинель, ватные брюки, ботинки. Но 1 раз в год выдавали и то не всем, а тем, у кого что-то из одежды оказывалось изношенным. Например, берет, пилотку, сорочку, бюстгальтер и т.п.

5 июля 1943 года началась страшная битва на Курской Дуге и завершилась только через 50 дней победой Советской Армии. В это время фашисты покатались на запад. Медперсонал опять валился с ног, опять работали сутками, выкладываясь до предела. Было много раненых, особенно среди танкистов, у которых были сильно обожжены лица и руки. Обгоревших танкистов госпиталь принял без счёта. Вдобавок стояла жара, мушиный рой летел на раны, и медики решили делать проволочные каркасы, обтягивали их марлей, чтобы защитить участки тела солдата. Уже здесь мы стали работать в смену: 1,5 суток работали, а 12 часов отдыхали.

Раненых было так много, что даже нам спать было негде. И однажды я после тяжёлой смены, постелила шинель на землю и уснула. В это время к нам пришла в отделение работать новая санитарка. Когда я спала, она украла у меня вещмешок, в котором были пальто, платье и туфли, которые мне подарил командир в Геленджике. Я сильно расплакалась, мне было очень досадно за свой подарок. Я обратилась за помощью к нашему врачу Коротецкому, на что он ответил мне: «Тоня поздно уже плакать, она сбежала, её уже днем с огнем не сыщешь!» И до сих пор никто не знает, кто она была эта девушка.

В 1944 году стала членом КПСС. В 1945 г., когда мы были под Берлином, ко мне в отделение попал тяжелораненый майор Хазанов

Копель Менделевич (еврей). Пока я ухаживала за ним, он хаживал за мной. Пришла настоящая любовь. Этот майор стал затем моим мужем. После того, как я его выходила, он так и остался в нашем отделении. Ему дали русское имя Хазанов Николай Михайлович.

Я прошла со своим госпиталем всю Европу до Берлина. 9 мая 1945 г. в Берлине я находилась в составе сортировочно-эвакуационного госпиталя №4526 в воинском звании сержант на должности медицинской сестры I хирургического отделения. Начальником отделения был также капитан Коротецкий, а командиром части № 78039 – Ермилов.

После взятия Берлина, ночью, после затишья я выскочила из палатки от страшной стрельбы. Все вокруг сияло, все гроыхало. Это была ночь с 8 на 9 мая 1945 года. Победа! Германия подписала Акт о безоговорочной капитуляции. Люди по-разному реагировали на победу: кто кричал, кто плакал от радости, кто оплакивал своих родных и близких, что не дожили до Великой Победы. Честно сказать я не понимала своих эмоций. Мне было и радостно, и печально, ведь сколько погибло людей! Особенно тяжело было видеть, когда они умирали у тебя на руках.

Когда закончился штурм Берлина, мы подъехали к зданию Рейхстага. Только на первом этаже пылало пламя, хотелось попасть на другие этажи, но было страшно, так как верхние этажи начинали рушиться. Многие брали камешки, мел, карандаши, то есть то, что первое попадалось в руки, и расписывались на стенах Рейхстага. Я тоже взяла камень, расписалась на стене: «Здесь была Антонина Язловецкая!

Войне – конец! Конец войне, но не работе военного госпиталя. Санитарные эшелоны уходили на родину, но всё равно имели работу. Наш госпиталь перевели в подчинение группы ограниченных советских войск в Германии, командовал которой маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Позже нам сказали, кто хочет остаться в госпитале, остаются, а кто нет – демобилизуются. Наш 712 полк посадили в эшелон и отправили в Россию. Сначала мы оформили необходимые документы, погрузились в эшелон, накрылись плащ-палатками. Из Германии возвращались через Польшу. Ехали без остановок. Нам сказали ночью не спать, не раздеваться, пулемёты на крышу, так как ещё

было не спокойно. Я ехала со своим женихом (будущим мужем) Николаем Михайловичем Хазановым.

Мы решили ехать в Киев, чтобы оформить демобилизацию мужу. Остановились у знакомых, жили у них три дня. Помню, было лето, поспели вишни, я нажарила пирожков с вишней. После того, как я получила демобилизацию в Ворошиловске (Ставрополе), мы приехали в Краснодар, но жить там было негде, так как никого у нас не было: и я, и он – сироты. Тогда мы решили вернуться в Ставрополь. Так и остались здесь жить.

После войны училась в педагогическом институте. Работала в Ставропольской краевой библиотеке в должности заведующего отделением иностранной литературы, мне было присвоено звание Заслуженный работник культуры РСФСР. Награждена медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией», орденом Отечественной войны II степени.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 5 курса историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Ковтуненко Светлана Геннадьевна*.

Шевякова Анна Стефановна

**«Родину защищать будем?» – спросили нас.
«Будем!!!» – ответили мы**

Я, Шевякова (Белых) Анна Стефановна, родилась 28 ноября 1922 года в деревне Кугуты Петровского района Ставропольского края. В 1934 году окончила 4 класса. Потом работала в колхозе. Состояла в комсомоле.

О начале войны узнала в первый же день, 22 июня 1941 года, по радио. В тот момент я была на работе.

В 1942 году комсомольцев отправляли под Ставрополь копать окопы. Помню, приехала к нам секретарь комсомольской организации. Нас – комсомольцев – собрали в отдельное помещение, секретарь сказала, что враг уже под Ростовом. «Родину защищать будем?» – спросила она. «Будем!!!» – ответили мы.

На следующий же день в 10 часов утра нас собрали у поезда ехать на медкомиссию. Прошли комиссию все. Нас спрашивали: «Жалобы есть? Видишь хорошо? Слышишь хорошо?» После комиссии нам сказали, чтобы мы ехали домой и ждали, когда нас вызовут. Это было в начале марта 1942 года. А уже через неделю пришла повестка явиться в военкомат. Явились все. Нас рассадили по машинам и повезли в Артем-Грес, это под Ростовом. Там мы месяц были на карантине, изучали автомат, противогаз, учили приветствия и устав.

Когда прошли обучение, у нас была присяга. Мы принимали её 1 мая 1942 года. «Я, Гражданин Советского Союза, принимаю присягу...». Одна девушка даже заплакала, когда читала текст присяги.

После принятия присяги нас обмундировали и уже на следующий же день расформировали. Я попала на батарею. Там мы должны были заменять связистов, радистов, дальномеров. Меня отправили

в дальномерное отделение за то, что как-то случайно, в первый же день смогла практически точно определить высоту пролетавшего самолета. В мои обязанности и входило определять дальность расположения танков и высоту самолетов. Нас обучали тут же, «на ходу». Для полного обучения нам дали всего три дня. Так, через три дня мы и стали воевать.

В тот момент наша Армия отступала. Наш 305 дивизион всегда был на прикрытии. Армия отступала от Артем-Греса до Грозного. Когда мы были в Армавире, попали под авиационный обстрел. Заместитель командира в это время поехал за боеприпасами.

Когда наша дивизия отбила авиационный налёт, и все стихло, мы увидели на горе танки. Снова начался обстрел. Тогда погибло пять человек, в числе которых был и командир нашей батареи старший лейтенант Плеханов. О его смерти один младший сержант дальномерного отделения написал стихотворение:

Армавирской ночью темной,
Недалеко от села,
Там комбата молодого
Мина-пуля подсекла.

Он склонялся, он слонялся,
Тихо падал, не спеша,
И кому-то улыбался...

Мы его похоронили,
Честь почести, как бойца.
Армавирской ночью темной
Уцелевшие в бою
Призадумались ребята,
Вспомнив девушку свою.

Из Армавира мы отступали до Грозного. Там получили приказ «Ни шагу назад». Немцы как раз в это время стояли под Малгобеком. Начались наступления. Наша батарея охраняла переправы.

Преимущество все еще оставалось на стороне фашистов. Мы то отдавали, то освобождали Кавказ.

Когда дошли до Минеральных Вод, у меня случился приступ аппендицита. В Минераловодском госпитале мне сделали операцию. Утром, когда я проснулась от наркоза, увидела ужасающую картину: огромное количество раненых. Были и без рук, и без ног. Всекие. Только что без головы не было.

В госпитале я пробыла семь дней. За это время моя дивизия ушла без меня. Я очень хотела пойти с ними, но командир сказал, что мне нельзя ни тяжелое оборудование таскать, ни окопы копать. Так меня отправили в Грозный.

После выписки мне еще удалось побыть три дня дома: у меня был отпуск десять дней с дорогой. Потом я опять вернулась в Грозный, в распределительный полк. Оттуда меня направили в штаб 744 полка ПВО. К тому моменту я уже была младшим сержантом. Мне дали звание за отличное измерение дальности самолета. Были учения, мое задание состояло в том, чтобы дать наводку, а второй командир делал прицел. Надо было попасть в рукав самолет. Я отлично справилась с этим, и вот так стала младшим сержантом.

В Грозном я работала на градогне. Потом написала заявление о переводе на батарею, и командир исполнил мою просьбу.

В перерывах между боями, бывало, пели и танцевали, а бывало, поднимались по тревоге. Когда звучал сигнал наземной тревоги. Надо было одеться, надеть портянки и сапоги, да еще и винтовку взять. А потом было построение, и командир проверял нашу боевую готовность. Такие сигналы были и боевые, и учебные.

А однажды в Грозном в два часа ночи нам устроили такую учебную тревогу. Но до этого нам принесли грамм 600 вина на троих. А я говорю «Хотите на спор выпью?». И выпила, да так сразу и упала, как была, прямо в одежде. Это было в шесть часов вечера, а в два часа ночи раздался сигнал наземной тревоги. Начался переполох. Все начали быстро собираться. Когда было построение, командир всем приказал снять по одному сапогу – проверял, как портянки завязаны. Но все оказались без них. У одной меня были портян-

ки. Командир меня тогда похвалил и все в пример поставил. Но если бы он знал, что было до этого!

Еще нам командир батальона говорил, что, если видишь самолет, надо кричать, чтоб слышал весь батальон. Мы, девчата, первое время очень смеялись. Но потом поняли, что от этого зависят жизни. Да и еще, приказ есть приказ.

В составе 744 полка я была при освобождении Кавказа – Карачаево-Черкесии (от Грозного до Минеральных Вод), Белоруссии – Минск (1945 г.), Злобин (1945 г.), Восточной Пруссии – Истенбург (1945 г.).

А еще, когда мы был в Злобине, я заболела малярией. С подружкой Ритой мы очень захотели чего-нибудь кислого, а ничего не было. А еще девчатам в армии не разрешали курить, и вместо табака давали сахар. Вот мы с Ритой и решили пойти поменять этот сахар в городе на кислые яблоки. Командир дал нам разрешение идти в город. Ну и мы пошли.

Вот так мы шли, а навстречу нам командир дивизии. Мы его поприветствовали правыми руками, а левые старательно прятали за спины. Он это заметил и спросил, что у нас в руках. Отпираться было бесполезно, и мы честно признались, что идем в город сахар на яблоки менять. Он нас отчитал, конечно, но дал 10 рублей. Досталось за нас еще и командиру батальона, за то, что разрешил казенный сахар менять.

За границей зимой в армии валенки не выдавали. У нас были только сапоги, ноги примерзали к ним. Но никто не болел. У всех была главная цель – спасти Родину.

С фронта мы возвращались поездом. Ехали от Истенбурга до ст. Кавказской. Там мы пересели на ставропольский поезд. На каждой станции, где мы останавливались, нас встречали очень хорошо. Была музыка, люди пели и танцевали. В то же время многие плакали. Кто от счастья, а те, у кого родные погибли, и от горя.

В семье во время войны погибли 2 зятя и брат. Первый зять был в звании старшего капитана, он командовал эскадрой. Второй был старшим лейтенантом. Брат был рядовым морского флота, погиб в Севастополе. А через три дня после окончания войны умерла мама. В семье остались я и еще две сестры с детьми.

Я награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями «За освобождение Кавказа», «За освобождение Белоруссии» и др. наградами.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 3 курса историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Уско Ирина Владимировна*.

Шиков Владимир Иванович

Командир танкового экипажа

Я, Шиков Владимир Иванович, родился 8 ноября 1924 года в селе Стародубское Буденновского района Ставропольского края. В 1933 году я пошел в первый класс начальной школы в городе Буденновске. Семья наша часто переезжала с места на место, это было связано с работой моего отца. В седьмом классе я учился в городе Ессентуки, хотя жили мы недалеко от города, на хуторе. В школу нас возили на машине – линейке. Затем меня и сестру отправили к братьям отца в село Величаевское, там я и закончил седьмой класс. В Пятигорске я поступил учиться в восьмой класс, в школу №9. Это была новая школа, самая лучшая на то время, открылась она в 1940 году. В то время я много читал классиков, и все что попадалось под руку. Вел учет прочитанных книг, к тому времени их было около семисот. В школе мне особенно нравились гуманитарные предметы, и я всегда старался узнать больше, чем давали по школьной программе.

В июне 1941 года в дни школьных каникул я пошел к отцу, он в то время работал агрономом недалеко от Пятигорска в селе Этока и остался у него на несколько дней. И все эти дни происходили события, как бы предвещавшие беду. Однажды ночью разразилась сильная гроза, пошел сильный ливень, и от молнии загорелась конюшня. Этот ливень уничтожил почти весь урожай хлеба, а урожай был неплохой, колхозники рассчитывали получить по восемь килограмм на трудодень. Это было перед самой войной.

О том, что началась война, я узнал из сообщения по радио. Настрой у людей был боевой: «Дадим чертей фашистам!», «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей земли не отдадим», «Воевать только на территории врага». Восьмого августа 1941 года по повестке забрали отца на фронт, провожали его всей семьей, играла музыка, мы надеялись, что война скоро кончится.

В школе начался учебный год, вести с фронта приходили нехорошие. Мы, молодые ребята, рвались на фронт. Я и мой двоюродный брат Никулин Константин ходили в милицию, военкомат просились на фронт, но нам отказывали, говорили, что наш черед не пришел, успеете еще, навоюетесь, а если помогать, то помогайте пока здесь. И мне поручили разносить повестки тем, кого призывали на фронт. Работа была несложная, пешком и на трамвае я доставлял повестки по адресам, но то, что происходило после вручения повестки, было душераздирающим зрелищем, мне было очень тяжело все это видеть. В городе начались перебои с продуктами, за хлебом стояли длинные очереди.

Началось строительство оборонительных укреплений, люди рыли окопы. Я продолжал учиться в школе, и в октябре, не прекращая учебы, поступил на курсы мотоциклистов. Через три месяца я успешно сдал экзамены, окончил курсы и получил права. Вскоре меня вызвали в военкомат и как допризывника обязали посещать занятия, на которых нас учили обращаться с оружием, рыть окопы, ползать по-пластунски. В городе появилось много воинских частей и матросов. Из сводок Совинформбюро, из кинохроник мы узнавали о состоянии дел на фронте, о зверствах фашистов. И появлялось нестерпимое желание скорее на фронт бить немцев, и мы с братом снова шли в военкомат просились на фронт, но нам отказывали.

В июне 1942 года я сдал экзамены за девятый класс. После экзаменов ко мне пришел мой двоюродный брат, с которым мы очень хотели попасть на фронт, и сказал, что в городе есть Полтавское военное автотракторное техническое училище и туда можно поступить, стать военным и быстрее попасть на фронт. Мы с братом пошли в штаб, он находился в центре города, узнать про училище, нам сказали, что нужны документы, а документы еще раньше мы сдали в военкомат, когда просились на фронт. Что делать? Я пошел к своему классному руководителю Ялтанцевой Прасковье Федоровне и сказал, что потерял аттестат, и мне выдали дубликат, в ЗАГСе я тоже сказал, что потерял свидетельство о рождении, и мне выдали новое, таким образом, мне удалось собрать документы и поступить вместе с братом в училище.

Из Пятигорска нас набрали целую роту молодых ребят. Я был маленький, худенький, и командир роты все удивлялся, как я попал

в училище и как я буду воевать. В училище сначала я попал на карантин, жил в палатках. Потом мне выдали форму и перевели жить в казарму на второй этаж. Научили заправлять кровать, сворачивать шинель. Изучал я в училище устав боевой службы, устройство винтовки, автомата, мы выезжали на занятия в поле, рыли окопы, занимались строевой подготовкой. Среди курсантов были не только молодые первогодки, но и те, кто попал в училище после госпиталя и имел боевой опыт. У одного из курсантов, бывшего танкиста, было обгоревшее лицо и руки, у другого не было пальцев на ноге.

В августе 1942 на фронте начались изменения, немцы наступали в юго-западном направлении, рассчитывая захватить кавказскую нефть. В режиме училища тоже произошли изменения, мы стали ночевать не в казармах, а поле. Каждый день мы видели, что наши части отступают в сторону города Нальчика (Кабардино-Балкария). Было много раненых: кого везли, кто шел сам. Начались бомбежки города Минеральные Воды, там была крупная железнодорожная станция, мы слышали, как рвались бомбы, но никто не паниковал.

9 августа нас после завтрака построили во дворе училища, началась сильная стрельба, оказалось, немцы ворвались в город и находятся в верхней его части. Мы оказались отрезаны от другой части училища, которая располагалась в другом здании. Нас вывели на склон горы и приказали занять оборону, вооружены мы были учебными винтовками, была саперная лопатка, ранец, шинели, противогаз. Один станковый пулемет был на всех. Что нас ожидало молодых необстрелянных? Нас немцы перебили бы всех, но они не пошли в нашу сторону, а поднялись на гору Машук, поставили там минометы и стреляли в нас. Был приказ окопаться, я выкопал себе окопчик, а тут еще лейтенант, командир взвода, попросил и ему выкопать, и я под обстрелом выкопал окоп и для него. В своем окопе я находился до ночи. Немцы остались в городе дальше не пошли, пили, гуляли, веселились.

Ночью нас подняли и приказали отступить в сторону города Нальчика. Мы шли, не останавливаясь, и вот тогда я понял, как можно спать на ходу. Дошли мы до реки Малки, там заняли оборону, немцев не было, и мы двинулись на Баксан, затем на Нальчик, а оттуда на Орджоникидзе, но пришел приказ, и мы повернули в сторону кабардинского селения Эльхотово. Здесь нас погрузили в

вагоны, началась эвакуация, и повезли нас в город Баку, а оттуда вдоль турецкой границы в город Ленинанкан, и на машинах доставили в город Дилижан.

Привезли нас в город и первым делом направили в баню, а затем на машинах доставили на станцию, где собирались отступающие части и остатки нашего училища. Погрузили нас в вагоны и снова в Баку, там морем шли до города Красноводска, потом на поезде прибыли в маленький туркменский городок. Был уже ноябрь 1942 года. Здесь мы принимаем присягу и нас перевозят в город Иолатань (Туркмения). Мы учимся водить машины, трактора, часто выезжая на вождение в сторону Кушки, мы попутно собирали «горючее» для кухни – саксаул, который очень хорошо горит.

В конце 1942 года пришел приказ Сталина переименовать наше автотракторное училище в танковое, и перейти на изучение новых программ. Нас переводят в город Мары, помещают в казармы бывшего авиационного полка, мы получаем танки и учимся быть танкистами. Учился я с большим желанием, дедовщины в то время не было, и вообще заниматься ерундой было некогда, спал я очень мало, потому что все время нужно было учиться. Программу, рассчитанную на четыре года, нужно было пройти за один год. Со мной вместе в училище обучался двоюродный брат Константин.

В августе 1943 года я сдал экзамены, получил звание младшего лейтенанта, и всех нас, молодых лейтенантов, перевели в другие казармы, выдали новую форму. И снова в эшелоны теперь уже на Урал в город Нижний Тагил в запасной учебный полк «сколачивать экипажи». Подбирал экипажи начальник штаба из числа уже обученных солдат. В состав танкового экипажа входили механик-водитель, стрелок-радист, заряжающий и командир машины. Собрали экипаж, я был назначен командиром машины и направили нас на завод, где мы участвовали в сборке танков Т-34 калибр пушки 76мм.

Завод работал круглосуточно. После получения танков мы занимались на полигоне, пристреливали оружие, жили на территории завода в казармах. Все время я с нетерпением ждал, когда же на фронт? Здесь, в Нижнем Тагиле, я расстался со своим братом Константином, потому что нас зачислили в разные части, хотя мы очень просили оставить нас вместе.

В декабре 1943 года нас погрузили в эшелоны и отправили на фронт. Наш эшелон шел без остановок, везде для нас был зеленый свет. Прибыли мы на Украину, на станцию Фастов, оттуда маршем двинулись в село Сологубовка, (Винницкая область) где нас зачислили в 3-й батальон, командир батальона Гвоздиков, 2-й танковой армии, командир армии генерал С.И. Богданов, 109 танковой бригады 12-й танковый корпус, командир корпуса Дубовик. Здесь мы находились до февраля, окопали танки и ждали приказа к наступлению.

10 февраля 1944 года ночью нас подняли по тревоге и мы маршем двинулись вперед. Шли только по ночам, чтобы противник нас не обнаружил. В это время в районе Корсунь-Шевченского шли бои по уничтожению немецкой группировки, и наша задача состояла в том, чтобы не пропустить немецкие войска на помощь окруженным войскам фашистов. Когда мы прибыли на место надо было окопать танки, а это очень тяжелое дело, окапываться нужно было всегда, когда мы занимали позиции или была остановка. Копали окопы всем экипажем, несмотря на звание и заслуги.

Начался мой первый бой, страха не было, потому что не знал, что будет и как будет. В бою в наш танк попал снаряд, и у нас заклинило башню, сбило поворотный спусковой механизм, и мы не могли стрелять. Был ранен стрелок-радист, его отправили в госпиталь, а у меня только шинель осколками посеколо. Стрелять наш танк не мог, поэтому нас вывели из боя и приказали доставить горючее для танков. Горючее находилось на другом берегу небольшой реки, которая после таяния снега превратилась в бурлящий поток. Мы вместе с помпотехом бригады целый день на лодке перевозили горючее, он находился на одном берегу, а я – на другом. Стало темнеть, и переправляться уже было нельзя. Мне пришлось остаться ночевать на другом берегу. Февраль месяц, холод, ночь, я один. Что делать? Нашел подбитый немецкий бронетранспортер, переночевал в нем. Утром за мной прислали лодку, и я вернулся к экипажу. Пока мы перевозили горючее, немцы уничтожили всю батарею, было много раненых. После моего первого боя из батальона не осталось ни одного танка, сгорели все, кроме нашего, который был выведен из боя.

Я получил приказ доставить из селения Боярки, где мы находились, противотанковую пушку с расчетом. Мы загрузили горючее,

взяли на прицеп пушку сорокапятку, и я приказал механику-водителю Соколову подготовить машину, так как нам нужно было двигаться дальше. При движении маршем я всегда находился в открытом люке, чтобы видеть обстановку и вести переговоры с экипажем по внутреннему переговорному устройству. И вдруг, вижу, в трансмиссии появилось масло, спрашиваю у водителя: «Как давление?» Отвечает: «Нормально». Мне это показалось подозрительным, и я приказал остановить танк. Замерили масло, а его там нет вообще, пробуем завести танк, он не заводится. Я беру канистру и иду назад к помпотеху за маслом, докладываю ему обстановку. Мне дали масла, я вернулся к танку, залили мы масло, а двигатель все равно не заводится, потому что поплавились подшипники. Фамилию этого механика-водителя Соколова я запомнил на всю жизнь.

Потом назначили комиссию, и выяснили, что был откручен штуцер масляного манометра, и масло вытекло, то есть вредительство на лицо. Струсил механик Соколов после первого боя, и решился на такой предательский поступок, хотел спасти свою жизнь, не думая о жизни других, тех, кто был рядом с ним. А пока шло разбирательство, танк наш отремонтировали, поставили новый двигатель, этим занималась специальная бригада. А на меня и механика-водителя завели дело. Начались допросы, состоялся суд. Механику-водителю дали семь лет с заменой штрафбатов, меня в то время представили к ордену Красной звезды, но в связи со сложившимися обстоятельствами приказ о награждении отозвали.

В марте 1944 года закончилась операция по разгрому немецкой группировки. Наши войска гнали немцев по всей Украине. Я со своим экипажем дошел до города Умань, (10 марта 1944) сдал машину в ремонт, а сам поспешил догонять своих, они уже были в Молдавии в городе Бельцы (март 1944). Оттуда мы вышли к реке Прут и переправились в Румынию (март 1944). Там я получил новый танк Т-34 модернизированный калибр пушки 100 мм. В Румынии прошли населенные пункты Майли, Сучава, Боташани, стояли в обороне, вели перестрелки. В июне была попытка наших войск прорвать фронт, но это был отвлекающий маневр, на самом деле удар по линии фронта был нанесен в другом месте, в районе Ясло. В это время я вступил в комсомол. Несмотря на трудности

военной жизни, я всегда находил время читать, в танке у меня была книга Толстого «Воскресение».

Из Румынии нас отправили в Молдавию, а там, в эшелоны, и вдоль линии фронта в Белоруссию на станцию Сарны, где велась подготовка к прорыву, и сосредотачивались войска. Прорвав фронт под Ковелем, мы вступили на территорию Польши (20 июля 1944). Первый польский город, в который мы вошли – Любомль. Танки шли со скоростью 100 км в час, и был план с ходу захватить Варшаву, но попытка не увенчалась успехом, и мы двинулись на город Демблин (25 июля 1944), начали искать мост для переправы через Вислу, но немцы мосты бомбили, и навести их под огнем противника не было возможности.

Южнее Демблина в районе города Магнушев был наш плацдарм, пехота там перешла на другой берег, а танки переправили на баржах. Заняли мы плацдарм и продержались на нем полгода. Воевал я тогда в составе 1-го Белорусского фронта. Здесь мне присвоили звание лейтенанта. За участие в разгроме Корсунь-Шевченской немецкой группировки и освобождение Украины мне вручили три благодарности Верховного главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина.

Наша 48-я танковая бригада получила звание гвардейской, вручал его нам генерал В.И. Чуйков. Стали мы гвардейцами, а значков гвардейских у нас не было. Спрашивали у командира: «Почему нет значков?», а он ответил, что если всем гвардейцам значки раздавать, то металла вагон надо, так лучше из него снаряды сделать – больше пользы будет. В Польше я встретил товарищей по училищу, и они рассказали мне о том, что видели, как горел танк моего брата Константина, с которым мы окончили училище, его мать получила извещение, что он пропал без вести.

В январе 1945 года командование 1-м Белорусским фронтом возглавил маршал Г.К. Жуков, готовилась операция по взятию Варшавы. 15 января 1945 с утра шел мокрый снег, но несмотря на это началась ураганная артподготовка, шквал артиллерийского огня был направлен в сторону противника. Ночью началось наступление, мы прорвали фронт и освободили Варшаву. Это было 17 января, город был в огне. За освобождение Варшавы я получил благодарность и медаль «За освобождение Варшавы».

Мы продолжали с боями двигаться по Польше в направлении немецкой границы, и 29 января вступили на территорию Германии. Войска нашего фронта оторвались от своих соседей, и нам приходилось вступать в бой с немецкими войсками, которые оказались между нашими частями. Под городом Штутгартом я на танке пересекал железную дорогу и увидел немецкий бронепоезд. Я открыл огонь, он остановился и назад. Невдалеке был населенный пункт, мы ворвались в него, заняли оборону.

Ночью поступил приказ – проверить, нет ли поблизости немцев, заметили одного с фаустпатроном, он стрелял в танк, но не попал. А для танкистов фаустники очень опасны, если фаустпатрон попадет в танк, взорвутся снаряды и все сгорят, а мне приходилось видеть сгоревших танкистов и не один раз. Продвигаемся дальше – навстречу нам немецкий мотоциклист, а вдалеке виднеется какое-то строение, оказалось, что это имение княгини, мы его заняли и сообщили об этом командиру. Затем мы вернулись в населенный пункт, и были преданы к пехотному батальону.

И снова мы движемся вперед. Продвигаясь через лес, я вступил в бой с тремя немецкими танками. И первый снаряд попал в лобовую броню, и окалина от снаряда попала мне в глаза, я почти ничего не видел, но заметил, что механик-водитель выскочил из танка. Я занял его место и почти на ощупь отогнал танк в безопасное место, потому что подбитый танк это хорошая мишень для противника. Меня доставили в санчасть, вытащили из глаз окалину, танк отправили в ремонт.

10 февраля 1945 года пришел командир роты и приказал мне явиться в политотдел, где меня приняли в коммунисты. Дали мне другой танк, командир которого погиб, и в наступление вперед по приказу. Думать о том, что будет, как будет, было некогда, есть приказ и его надо выполнять любой ценой. Территория, на которой мы оказались, была зажата немецкими войсками как бы в клещи, и мы в этих клещах. Наступающие части немцев идут на нас со стороны Штутгарта, а отступающие немецкие части догоняют нас, поэтому отражать нападение надо было и спереди и сзади.

Бои шли постоянно, затихая лишь на небольшой промежуток времени. В одном из боев мы попали под минометный обстрел, и у меня погиб наводчик. Бой, который произошел 17 февраля 1945 года, я

запомнил на всю свою жизнь. Немецкие войска пытаются прорваться к Штутгарту у них восемь танков Т-3. Я вел бой на левом фланге, у моего танка пушка была раздутая, и оставалось всего три снаряда, танк был небоеспособным. На правом фланге вели бой танки КВ (Клим Ворошилов), они были более мощные, броня у них была девяносто миллиметров. Бой идет, а у меня снаряды кончились, я остался на поле боя пытался маневрировать, но в танк попадает снаряд и он загорается. Я ранен в ногу, механик ранен, заряжающий убит. Мы выползли из горящего танка, солдаты затащили меня в подвал, оказали первую помощь, у меня было осколочное ранение.

Потом меня доставили в полевой медсанбат – это был сарай, где на соломе лежали раненые, стоял небольшой столик, на котором нем делали операции. Врач обколол рану, вытащил осколки, но не все и меня направили в санчасть под Фриденбергом, затем в Зольдин, Ноуфриденберг. В Ландсберге еще раз пытались вытащить оставшиеся осколки, не получилось. Началась гангрена, оставшиеся в мягких тканях осколки давали о себе знать. Меня доставили в город Познань, там сделали операцию и вытащили осколки, но не все, два так и остались, хирург предлагал мне взять их на память, я отказался. Здесь меня наградили орденом Красной Звезды.

В марте из Познани меня перевозят во фронтовой госпиталь в Пулавы (Польша). Это крупный металлургический центр Польши. А уже оттуда меня отправляют в Россию, я думал, что домой попаду, на Кавказ, но попал в Полтаву в госпиталь. Просился на фронт, ведь скоро конец войны, так хотелось добить немца до конца, дойти до Берлина. Но врачи не отпускали на фронт, надо было лечиться еще. В палате я лежал вместе с капитаном, у которого каким-то образом сохранился пистолет и когда по радио мы узнали, что война кончилась, он стрелял из него в окно. Радовались Победе все.

На лечении в Полтаве я пробыл до июня 1945 года, а госпиталь, после того как я выписался, расформировали, он стал областной больницей, как в довоенное время. За то время, что я находился в госпитале, произошли изменения в моей личной жизни, я познакомился с девушкой и после выписки женился на ней. Я получил месяц отпуска по болезни и поехал вместе с женой к родителям в Пятигорск.

После отпуска получил направление в Ростов, но там не оказалось вакансий, направили в Москву в резерв бронетанковых войск,

который располагался на улице Песчаной станция метро «Сокол». Получил предписание на восток в Хабаровск, так как на Дальнем Востоке шла война с Японией, но пока я добрался до места, война кончилась. Служил в Хабаровске, Усурийске, Харькове, г. Березы. Демобилизовался в августе 1946 года. Вернулся в Пятигорск, работал в горкоме партии.

Награжден орденом Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды, медалью «За освобождение Варшавы» и др.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 4 курса историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Писаренко Максим Владимирович*.

Юнда Фёдор Фёдорович

Дорогами войны от Сталинграда до Тумыни

Я, Юнда Федор Федорович, родился 24 августа 1926г. в селе Малая Джалга Апанасенковского района в семье крестьянина. У родителей нас было трое: старшая сестра Александра, я и младший брат Александр. Школу закончить не смог, потому что в 1941 г., когда я перешел в 8 класс, началась война. Нужда заставила идти работать в завготскот (организация, которая при-

нимала скот от колхозов и совхозов, мясо которого предназначалось государству). О том, что началась война, я узнал по встревоженным лицам людей. Это было в воскресенье 22 июня.

По всей стране начались сборы в армию. Работа в военкоматах кипела. Я тоже попал в армию в августе 1943 года. Меня призывали несколько раз, но возвращали домой, поскольку мне не было 17 лет. Когда мне исполнилось 17 лет меня все-таки взяли в армию и направили в город Ставрополь. Две недели мы жили в расположении Ставропольской кавалерийской дивизии, располагавшейся напротив ЦУМа по ул. Карла Маркса, ожидая дальнейшего распределения. Попал я в команду №0179 Тихоокеанского флота, дислоцирующуюся во Владивостоке, в месте «Вторая речка». С этого момента началась моя долгая семилетняя служба.

По всей стране начались сборы в армию. Работа в военкоматах кипела. Я тоже попал в армию в августе 1943 года. Меня призывали несколько раз, но возвращали домой, поскольку мне не было 17 лет. Когда мне исполнилось 17 лет меня все-таки взяли в армию и направили в город Ставрополь. Две недели мы жили в расположении Ставропольской кавалерийской дивизии, располагавшейся напротив ЦУМа по ул. Карла Маркса, ожидая дальнейшего распределения. Попал я в команду №0179 Тихоокеанского флота, дисло-

цирующуюся во Владивостоке, в месте «Вторая речка». С этого момента началась моя долгая семилетняя служба.

Боевой путь проходил через город Сталинград (февраль 1943г), бухту Посьета (апрель 1943г), город Дунин (август 1945г), город Тумынь (август 1945г).

В середине февраля 1943 г. нашу команду №0179 отправили в Сталинград, оборона которого завершилась 2 февраля 1943 г., с целью сбора подбитой техники, танков, самолетов для последующей их переплавки. Я до сих пор отчетливо помню разрушенный город, страшный голод, измученные лица, стариков и детей. Надеюсь на сострадание солдат, они собирались около военных пунктов питания и столовых, находящихся в подвальных помещениях, т.к. здания города были полностью разрушены. Не знаю, как им удалось выжить во время боев? Выносить суп из столовой было нельзя, поэтому мы прятали в карманах кашу и отдавали им. Почему бедных людей никуда не отправляли – вопрос, на который трудно найти ответ. Одно очевидно, что на протяжении всей осады города они находились в нем.

В обороне города я не участвовал, но по тому, что я увидел, я четко представил себе произошедшие события: кровопролитные уличные бои, взрывы бомб, пожары и разрушения. Собирая металлолом, оставшийся от уничтоженной техники, я увидел остов трехэтажного здания обкома партии, на самом верху которого чудом уцелел железный герб Советского Союза. Не думаю, что по нему стреляли специально, но дыр на нем было так много, что он напоминал решето...

В середине марта 1943г. наша команда 0179 была направлена во Владивосток, в место Вторая речка. По пути мы встретили эшелоны с моряками Тихоокеанского флота, здоровых, крепких, сильных ребят. Мы же везли раненых и искалеченных солдат. Увидев этих храбрых моряков, на душе стало невыносимо тяжело при мысли о том, что то же самое может случиться и с ними.

В связи с тем, что мы ехали больше месяца, в место Вторая речка привезли других солдат. А нас отправили в 40-ю стрелковую дивизию ордена В.И. Ленина имени Г.К. Орджоникидзе, 231 стрелковый полк, 3 батальон, 9 роту. Дивизия дислоцировалась в районе за-

лива Петра Великого Японского моря, расположенного между мысами Суслова и Гамова, в бухте Посьета.

Приехав туда, мы обнаружили пустые казармы. Как выяснилось, всех отправили на фронт. Солдатские казармы представляли собой землянки, в которых вместо стекол в рамах были забиты простыни. Кормили нас по самой низкой 3 норме суточного довольствия красноармейцев строевых и запасных частей, не входящих в состав действующей армии. Вот так и началась моя служба в армии.

Ко 2 мая 1944 г. мы прошли курс обучения молодого бойца и приняли присягу. О том, как нам было тяжело и какое чувство голода мы испытывали, говорили наши тела. Отряд крепких ставропольских ребят превратился в худых и немощных солдат. Демобилизовать нас не имели права, кормить сверх нормы было нельзя, поэтому нас отправили в колхозы Приморского края на поправку.

По прибытии в колхоз нас разместили в клубе на ночлег, куда сразу же пришли местные девушки, желая накормить истощенных солдат. Увидев их и посмотрев на своих однополчан, у меня появилось жуткое ощущение того, что рядом находятся живые люди и мертвецы, поскольку я весил на тот момент 47 кг, да и остальные ребята не больше.

Утром нас повели в бригаду. Перейдя через реку, мы оказались на лугу, где нас окружили женщины, косившие там траву. Они начали рыдать, голосить и причитать, подумав, что и их мужья, отцы и братья стали такими же. Поэтому, отдав нам всю еду, которая у них была с собой, они взвалили себе на плечи наше оружие и понесли в бригаду, где нас ждал бригадир, дед Макар, чтобы показать нам нашу комнату.

Целых 2 недели мы набирались сил и ничего не делали. Дед Макар все время приносил нам мед с местной пасеки, ребятишки угощали земляничкой, а повариха, тетя Матрена, готовила вкусную еду. Однажды дед Макар вынул пару досок из амбара и сказал, чтобы мы ночью отодвигали эти доски, набирали гречку, варили ее и ели. Когда начали спеть овощи, по ночам стал раздаваться хруст огурцов, морковки и репы. Отдохнувшие и набравшиеся сил, 5 месяцев мы жили и работали в колхозе.

8 ноября 1944 г. мы вернулись в свой полк, который располагался на границе с Китаем и защищал Владивосток. Несмотря на суро-

вые обстоятельства и болотистую местность работа в дивизии кипела днем и ночью. Мы прокладывали дороги к Китайской границе, строили доты (долговременные огневые точки, предназначенные для ведения огня из орудий, миномётов, пулемётов и других огневых средств и предохранения расчётов (подразделений). До конца войны на фронт мы так и не попали.

После 9 мая 1945 г. нашу роту перевели на вторую норму питания, поэтому солдаты стали здоровыми, как после поправки.

Война закончилась, но срок моей службы на тот момент еще не истек. Поэтому я остался служить на Дальнем Востоке в г. Тумынь. Работал в комендатуре и отвечал за секретные документы. В моем подчинении находилось около 60 человек, в том числе и охрана.

В конце июля наш полк подняли, на каждого солдата выдали вещмешок, состоящий из 32 кг патронов и гранат. 32 кг, находившиеся на спине, дополнял ручной пулемет Дегтярева, весивший 11кг 200гр. С таким грузом мы и вынуждены были пройти 600 км, до следующего места дислокации. Передвигались в основном ночью, чтобы не привлекать вражеского внимания, а днем отдыхали. На преодоление этого расстояния у нас было 10 дней, но мы их прошли за 9, что позволило нам восстановить силы за оставшийся день.

8 августа в 12 часов ночи нам зачитали приказ верховного главнокомандующего И.В. Сталина о том, чтобы перейти границу Китая и захватить Квантунскую армию Японии, состоящую из 1,5 млн. человек. 9 мая 1945 г. меня определили в 1-й Дальневосточный фронт, в 25 армию. Фронтом командовал Маршал Советского Союза К.А. Мерецков, 25 армией – генерал-полковник И.М. Чистяков. С правой стороны располагалась 5 ударная армия под командованием дважды героя Советского Союза генерал-полковника Н.И. Крылова. На 2-3 день наступления полковник 5 армии приказал нам форсированным маршем идти спасать полк 63 витебской дивизии, попавший в окружение в г. Дунин. Из всего полка 63 дивизии, насчитывающего 3 тысячи человек, в живых осталось около 100 человек.

Бежали мы около 20 км. Перед городом через широкую реку проходил длинный мост. Увидев нас, японцы начали обороняться: с города на нас летели пули, а с неба сыпались бомбы. Но желание спасти товарищей помогло прорваться в город. Японцам пришлось

скрыться в лесу. Всю ночь мы держали оборону, на утро пошли в наступление, разместив в Дунине больных и раненых солдат. Но мстительные японцы, переждав какое-то время, вновь захватили город и убили оставшихся в нем людей.

9 августа 1945 г. я освобождал г. Дунин в составе 1-го Дальневосточного фронта под командованием Маршала Советского Союза К.А. Мерецкова, в звании рядового 25 армии под командованием генерал-полковника И.М. Чистякова. В конце августа 1945г. освобождал г. Тумынь в составе ударного диверсионного батальона 5 армии под командованием дважды героя Советского Союза генерал-полковника Н.И. Крылова.

В состав 5 ударной армии, располагавшейся рядом с нашей 25 армией, входил диверсионный батальон, сформированный из осужденных по 58 статье «Враг народа». В результате кровопролитных боев в живых осталось около 100 человек. В связи с этим у нашего 3 батальона забрали все документы, письма, посмертные жетоны и включили в этот ударный дивизионный батальон. Благодаря этому линия фронта была пробита, и нам удалось уйти в тылы врага на 200-300 км.

В распоряжении нашего батальона находились 15 танков, около 20 орудий «САУ-100» (самоходная артиллерийская установка) и американские грузовики повышенной проходимости «Студебеккер», вместимостью до 50 человек. С помощью этой техники мы уничтожали все на своем пути: склады, нефтяные станции, железные дороги. Сначала нападали ночью, потом поняли, что днем виднее. Раненых возили с собой, убитых хоронили вдали от дорог, чтобы враги не глумились над телами. Бои шли один за другим. Во время одного из наступлений около 9 часов утра взорвалась машина, в которой находился и я. Спасло некоторых из нас то, что кузов был железный, поэтому, сначала машину подбросило в воздух, а потом кинуло в глубоководную реку. Я чудом остался в живых, но от взрывной волны мне выбило поясничные позвонки. Старшина оказал мне первую медицинскую помощь: хорошенько намылив спину и свои руки, со всей силой вставил позвонки на место. Я же потерял от боли сознание.

Очнулся я часа в 2 ночи, попытался перевернуться и понял, что привязан к доскам на башне танка, т.к. в кузове автомобиля «Студе-

беккер» не было места для лежащих раненых. Опускали меня на землю только, чтобы напоить и накормить. После такой контузии, я и не надеялся вновь начать ходить. Но мой молодой, крепкий организм справился. Через 5 дней я был в состоянии медленно передвигаться.

Во время следующего наступления, в августе 1945 г. мы попали в окружение, взорвался наш передовой танк. Собрались отступить, взорвался второй танк. Затем последовал пулеметный шквал, пули сыпались, как град с неба. Нас спасло только то, что неподалеку находился овраг, в котором нам удалось укрыться. Половина танков была уничтожена, но мы все равно продолжали осуществлять диверсии, а именно уничтожали технику, нефтяные базы, стреляли по цистернам с топливом зажигательными снарядами из крупнокалиберных пулеметов, взрывая и телеграфные столбы. С помощью оставшихся танков мы сминали железнодорожное полотно, заезжая на рельсы и разворачиваясь на них.

Наша 5 ударная армия слишком далеко ушла от линии фронта, поэтому поступил приказ вернуться назад, подойти к городу Тумынь, захватить мост и держаться 3 суток до прихода основных сил. Но командование допустило оплошность, передав приказ по радиации. Японцы узнали о нашем плане и устроили засаду на подходе к городу, в которую попал весь батальон, а моя 9 рота подоспела на полчаса позже, потому что весь транспорт был уничтожен. Батальон понес большие потери, но, увидев наше подкрепление, японцы бросили свои позиции и подорвали мост.

Нам ничего не оставалось, кроме как ворваться в город, т.к. с тыла к нам подступали японцы. Единственный способ войти в город – пересечь реку. Первыми поплыли разведчики, которых застрелили японские снайперы, прятавшиеся на противоположном берегу. Потребовались еще добровольцы. Я сразу же предложил свою кандидатуру. Я вошел в реку в месте крутого поворота, меня подхватило течение и вынесло на другую сторону. Перебегая от валуна к валуну, я стрелял из автомата, прикрывая переправлявшихся товарищей. Японцы дрогнули и отступили к городу. Вся пехота переправилась, а танкисты вместе с танками остались, приготовившись к последнему бою, т.к. оставлять танки можно было лишь в том случае, если они горят или подбиты.

Город располагался в 2-3 км от реки, но без сапог, которые я снял на противоположном берегу, добежать до него было невозможно. В итоге, мне пришлось плыть обратно. Борясь с течением, доплыв до середины реки, я почувствовал, что силы меня покидают. Я снял каску, затем гимнастерку, но все равно начал тонуть и потерял сознание. Очнулся я на берегу и увидел танкистов, которые оказывали мне первую помощь. Спустя несколько минут, я был в состоянии найти сапоги и плыть обратно. Но тут ко мне подошел молдаванин лет сорока и попросил помочь перебраться на противоположный берег, потому что он не умел плавать. Мы связали несколько ремней, один конец привязали к его руке, я другой держал я. Честно говоря, плыть одному за двоих было очень тяжело. Силы меня покидали, но я вытянул его, белого, как снег, на берег. Я сразу же попытался привести его в чувства. Когда щеки начали розоветь, я убедился, что он приходит в себя. Вот так мы и добрались до города.

Встретившись с однополчанами, мы поняли, что попали в ловушку, т.к. в г. Тумынь располагался 30-ти тысячный корпус японской армии. Поступила команда разделиться и любой ценой добраться до места сбора. Мы побежали кто куда, через огороды, дворы, парки. Закрепившись на высоте, в тылу японцев началась паника, но они быстро поняли, что нас очень мало и почти не обращали на нас внимания. 3 суток мы отбивались, но если бы они захотели, то смогли бы быстро с нами расправиться. Нас спасло только то, что на 4-е сутки пребывания в Тумыни Япония капитулировала, и император приказал своим войскам сложить оружие. Война с Японией была закончена.

С 1921-1949гг. в Китае существовали две враждующие между собой военные группировки – Китайская Национальная Народная партия (гоминдановцы) и Коммунистическая партия Китая (ведущая и правящая политическая партия Китайской Народной Республики, самая большая политическая партия в мире). Гомиьндан вёл вооружённую борьбу с генералами Бэйянской группировки и Коммунистической партией Китая за право управления страной вплоть до поражения в Гражданской войне в 1949 г., когда власть в стране полностью взяли в руки коммунисты, и гомиьндановскому правительству пришлось бежать на Тайвань.

В 1945г. в г. Тумынь одновременно располагались отряды Национальной Народной партии и Коммунистической партии, поэтому меня и еще одного офицера Моторина Сергея проинструктировали и направили в распоряжение гоминьдановцев с целью их разоружения. По приезду в лагерь нас сразу же представили полковнику. Завязать разговор нам удалось благодаря осведомленности о его семейной жизни, достижениях и интересах. Не заподозрив никакой опасности, полковник начал хвалиться хорошей выправкой и высоким боевым духом солдат. В тот момент, когда по нашей просьбе Гоминьдан приказал солдатам строиться, отряды Мао Дзедуна окружили гоминьдановцев и захватили их. Мы извинились перед ними и уехали.

Но, как оказалось, гоминьдановцы не приняли наших извинений. Однажды за завтраком нам подали котлеты очень странной консистенции и вкуса. Мы позвали за поваром, который сказал, что котлеты не пробовал, но готовил их из свежего мяса. 8 человек, в том числе и я, съели по небольшому кусочку этих котлет и отравились. Такова была месть гоминьдановцев. Находившиеся рядом солдаты побежали за врачами, но их уже не было на месте, все они сбежали. К счастью, помощь пришла из соседней пограничной заставы очень быстро и нас спасли.

В начале операции по освобождению г. Тумынь наш батальон насчитывал 617 человек. Зная, что с тыла на нас надвигался 5-тысячный вражеский полк, мы не переставали осуществлять поставленные задачи. Благодаря мощной военной технике мы отвлекали на себя значительные силы противника, нанося огромный ущерб и взрывая все на своем пути в тылу японцев. С каждым днем нас становилось все меньше, но мы не отчаивались и шли вперед с верой в победу. Несмотря на то, что многие солдаты нашего батальона были осуждены по 58 статье «Враг народа», мы без доли сомнения полагались на них. Это были поистине храбрые, порядочные и добросердечные люди, все время оберегавшие нас. Высокий боевой дух, уверенность в однополчанах и желание победить помогли довести выполнение боевой операции до конца. К великому сожалению, после завершения которой, в живых осталось только 83 человека, в том числе и я.

Забывать войну невозможно, как и невозможно вернуть погибших в ней людей. 20 февраля 1943 г. в Краснодарском крае, сражаясь в бою, героически погиб мой отец, Юнда Федор Гаврилович, и трое его братьев: Михаил, Тимофей и Федор.

Два года я служил в диверсионном отряде, готовый в любую минуту рискнуть своей жизнью, защищая жизни других людей. Однажды такой момент настал. В одной из операций по захвату вражеского города нашим разведчикам не удалось перебраться через реку, которая была единственным способом попасть в город. Противники их расстреляли. Я предложил свою помощь. Борясь с невероятно сильным течением и стараясь быть незамеченным врагами, мне удалось переплыть реку, закрепиться на противоположном берегу и прикрывать переправу своих однополчан. За это я был награждён медалью «За боевые заслуги», а также медалью «За победу над Японией», орденом Отечественной войны II степени.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 5 курса психолого-педагогического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Балахонова Ирина Михайловна*.

ЧАСТЬ II. ВОЙНА ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ

Алтухова Нина Михайловна

Безотцовщина

Я, Алтухова Нина Михайловна (девичья фамилия Пономарёва), родилась в селе Алексеевском Благодарненского района Ставропольского края 15 февраля 1931 года. Папа, Пономарёв Михаил Стефанович, 1898 года рождения, работал плотником в колхозе с 1929 года. Мама, Пономарёва Устинья Павловна (девичья фамилия Попова), 1896 года рождения, тоже работала в колхозе.

Мои родители были родом из Краснодарского края: папа – из села Белая Глина, мама – из станицы Егорлыкской. Поженились они в 1919 году, папе тогда жеребёнка на свадьбу купили. А в коллективизацию лошадь эту в колхоз сдать пришлось.

Можно сказать, что до войны мы жили хорошо. Родители работали, своё хозяйство держали, налоги государству платили и растили четверых детей: Иван 1928 года рождения, Нина 1931 года рождения, Владимир 1936 года рождения, и Александр 1940 года рождения.

Папа плотничал: кровати выгачивал, гребешки, балалайки делал; станок у него специальный был и инструментов много разных. А ещё папа на балалайке играл. Бывало, налепят с мамой вареников, наварят, сразу нас, детей, накормят; папа тогда берёт балалайку: «А ну, детвора, пляшите!». А мы и рады – только пыль столбом, полы-то в хате земляные! Мама ругается: «Хватит уж, напылили!», а папа смеётся: «Хорошо утрясли? Садитесь ещё есть!» – и снова мы за стол.

Ещё папа церковь в нашем селе собирал. Церковь эта – походная казачья – была привезена на быках в село. Кто её привёз и откуда теперь уж никто не помнит, но собирали её мастера со всего села, и папа мой тоже. Не осталось уже мастеров тех, а церковь стоит до сих пор. Памятник...

Так мы жили до войны.

Муж папиной сестры работал шофёром на полуторке. Одним летним утром он ушёл на работу, как обычно, и тётка ушла. Только в

тот день он домой уже не вернулся: его и второго шофёра (их в селе и было-то двое) отправили утром в Благодарное, а оттуда – на фронт. Шоферов забирали на фронт в первую очередь. Так мы и узнали, что началась война.

Папу забрали на войну в октябре 1941 года. Племянник папин был коннонарочным, он развозил повестки по селу. До полуночи мимо нашего двора ездил – не мог папе повестку отдать. Ночью только себя пересилил... Мы на печке спали, вдруг будит меня Иван: «Нинка, просыпайся! Папку на войну забирают!» Как мы заревели! А ведь не знали, что такое война.

Тогда обоз формировали, туда он и попал. С этим обозом они просто-яли в селе Дивном Ставропольского края больше полугода. Там конеферма была; они там и жили, с лошадьми вместе. Мама к нему ездила на быках, передачу возила. Тогда она папу видела в последний раз...

В 1942 году, летом, наверное, в июле, приходил к нам папин сослуживец, Морозов, рассказал, как папа погиб. Они возвращались с обозом из Ростовской области; некоторое время папа ехал с Морозовым на одной бричке. Он так рассказывал: «Ехали мы на одной бричке, я и говорю ему: «Михаил, иди со мной рядом, если погибнем, то вместе!», а он ответил: «Нет, я от своих лошадей не уйду», – и вернулся к своей бричке. В этот момент началась бомбёжка; бричку и лошадей разорвало в клочья». Он рассказал нам, что папе перебило ноги, изранило всего. Ему всего одну перевязку сделали. А лето ведь, жара; началось заражение... Похоронили его в братской могиле.

А вскоре после этого нам пришла похоронка: «Ваш муж, Пономарёв Михаил Стефанович, 1898 года рождения погиб в июне 1942 года. Похоронен в братской могиле...». Мама безграмотная была; она часто доставала похоронку. Положит её перед собой, гладит её и плачет.

В августе 1942 пришли немцы. Шли они со стороны Куликовых Копаней, много пленных с собой гнали, человек 200, наверное. А они все молоденькие, оборванные, кто в чём! Есть просили. Женщины несли им хлеб, молоко прямо в ведрах. Фашисты сразу никого не подпускали, а потом разрешили покормить их. Я с мамой тоже к ним ходила. Как жалко их! Если падал кто, немцы таких достреливали, добивали...

Потом пленных погнали в сторону Благодарного. Один только парень сбежал: мальчишки стайкой стояли, а он в середину залез, просил: «Вы идите плотней, а я с вами». Они его так за село вывели. А куда он потом делся – неизвестно. Погиб, наверное, где-то. Был бы живой – показался бы.

Немцы по всему селу были. У нас в огороде зенитка их стояла, у соседей – кухня. Они всем работу находили: мальчишек заставляли за лошадьми смотреть: чистить, поить, за сбруей следить. Девчатам тоже доставалось: стирать, готовить, посуду им мыть. Прятались от них, да особо-то не спрячешься. Некоторые мальчишки убегали от немцев, но их возвращали и заставляли работать.

Наши, когда отступали, зерно себе варили, а у этих чего только не было – и кофе, и шоколад. Молока им подай, масла, яиц! Не успеет курица закудаhtать где-то, они уже бегут: «Матка, яйки!». Корова замычала, так они уже за молоком: «Матка, маляко!». Мама говорила им: «Где ж я вам молока возьму? Своих, вон, четверо; корову кормить нечем...» – «Нет маляко?» – «Нет», – уходили, не трогали.

Однажды пришёл к нам немец с котелками, картошки жареной ему захотелось. Мама говорит: «Нет картошки, жарить нечего...». Он тогда взял саперную лопатку, пошёл в огород, накопал картошки, принёс: «На, – говорит, – жарь». А по-русски плохо ж говорил, но котелки мне свои протягивает – мол, вымыть надо. А я отвернулась, вроде, я занята чем-то, и не поворачиваюсь к нему. Так он меня за платье как потянул, так оно и лопнуло от ворота до низу! Мама тогда говорит: «Нина, да помой ты ему котелки эти!». А когда немец ушёл, мама сказала мне: «Ох, Нина, что ж ты сразу не взяла их? Платье порвал вот...».

У нас добра-то никакого не было, кубанка только папина осталась. Так мама её в сундучок положила, лоскуты с ней какие-то, похоронку и спрятала всё под печку. Там ниша была, под печкой, так мама в неё сундучок поставила, вход замазала и занавесочкой закрыла, чтоб не нашёл никто.

А у тётки нашей патефон был, она его тоже прятала в сундуке. Как уж немцы узнали, что он есть – не знаю, видимо, сказал им кто-то. Пришли они к тётке и стали патефон этот забирать, а она мне говорит: «Беги, Нина, к коменданту и скажи, что его солдаты вещи у

меня забирают!». Я к коменданту прибежала: «Ваши солдаты у моей тёти в сундуке роются!». Он прогнал их; больше не приходили.

Немцы они тоже разные были. Одни сразу, как в село вошли, свинью застрелили. Просто так. Для забавы. Сами есть не стали, и людям не отдали. А были и другие – шоколад детям отдавали.

Но мало в них было хорошего: девчата, которые постарше были, всё время, пока немцы не ушли, на чердаках прятались, в соломе сидели. А они искали девчат, рыскали везде.

У нас в селе евреев много было. Немцы, как пришли в село, сразу их расстреляли. Вывели их за село, к ветряку, расстреляли и в ямы сбросили... В две расстрельные ямы. Из всех одна девочка маленькая живой осталась.

У них вещей много было, золота. Золото немцы себе забрали, а вещи отдавали людям. Одежды у всех практически не было, но и вещи евреев тех не все люди брали. Наша мама ничего не взяла.

Ещё немцы полицаев из местных набирали. После войны их судили; один отсидел и вернулся. Сказали, что он своё отсидел. Он так девчат сёк! Разве можно кровь тюрьмой смыть?!

А потом немцы как-то быстро ушли, как водой их смыло. Были, а потом не стало их. Вслед за ними карательные отряды шли, забирали тёплые вещи. Прямо с людей валенки снимали! Ничем не брезговали.

Немцы, когда ушли, вернулись люди из эвакуации – председатель колхоза с семьёй. Всю оккупацию он «в камышах партизанил» – перед тем, как немцам прийти, они погрузили на подводы вещи, продукты (колхоз богатый был, с пасекой, мельницей) – и в эвакуацию.

А мы так и жили, с немцами. Больница была, но лечить было нечем, да никто туда и не ходил.

Я всего 3 класса окончила перед войной, больше мама в школу не пустила – некому было с младшими братьями сидеть и по хозяйству помогать. Учителя её просили: «Тётъ, ну пустите её в школу, она ж у Вас хорошо учится!» «Нет, девчата, не просите. Хватит ей уже учиться. Я работу не брошу и младших мне деть некуда». А мне мама сказала: «Ну, куда я их дену? А ты хоть ложки поможешь да пол подметёшь!». На этом школа для меня закончилась.

В колхозе у нас хлопок выращивали, коробочки перебирать надо было вручную. Мама тоже хлопок домой перебирать принесла, мы

все над ним сидели. До поздней ночи перебирали: «Мама, мы уже спать хотим! Может, хватит уже?» «А кто ж его нам переберёт? Я одна не успею до утра. Давайте, ещё по ведру каждому – и всё». Ещё мы вату себе на фуфайки из него дергали.

А потом, в 1944 году маму посадили в тюрьму. Она на севе в колхозе работала, принесла с поля 2 килограмма пшеницы. Председатель видел, что она зерно взяла, вызвал милицию. Только мама мешочек с зерном на сундук поставила, пришли милиционеры и забрали её. А Ваня своё зерно в сундук высыпать успел, а то б и его забрали. Суд на Рождество был. Ей дали 2 года. Два года заключения за два килограмма пшеницы. Вместе с ней много ещё людей осудили.

Так остались мы вчетвером совсем одни. Тётка к нам ходила, но всегда так на нас кричала, что даже соседи спрашивали: «Нина, что ж она на вас так кричит?».

Когда зерна не стало, я нарвала колосков тонконога, перемолола их на ручной мельничке (она у нас своя была) и напекла лепёшек. А Ваня говорит: «Пускай по одному оладуку, не надо по два, только траву не надо!» Больше я колоски не молола.

Когда подсолнечник уберут, мы на поле с тачкой ходили за кураём – мы им печку топили. Тогда на растопку всё шло: курай, перекати-поле.

Обуви у нас не было хорошей. Были самодельные чупяки из свиной кожи. Когда сыро было, они сильно разбухали. А ещё на них репей цеплялся. Бывало, все ноги в репьях! Потрёшь нога об ногу – колючки отпадают – и бежишь дальше, пока ещё не нацепляешь.

Всё в войну на себе таскали – от тачки до молотилки. На коровах ещё пахали, сеяли. Хлеб вручную жали. Даже сеяли вручную: женщины в земле лунки маленькие делали, а мы, дети, зёрнышки в них бросали. По одному зёрнышку в каждую лунку. А потом прожигивали всходы, сорняки вручную дёргали.

Потом трактора появились в колхозе. А сколько людей с ними погибло – то плугом зарезало, то молотилкой искромсало!..

Девушку молоденькую плугом зарезало. Мы ходили на неё смотреть. А она молоденькая такая, пухленькая. Красивая даже. Фату на неё одели. Лежит в фате, в цветах, а мы шепчемся: «Смотри-смотри, по фате вши бегают!» Глупые были...

Потом Володя работать пошёл. Попросил меня: «Сшей мне, Нина, сумочку длинную и узкую, такую, чтоб под мышкой носить и чтоб под одеждой не видно было. Я зерно приносить буду». Собрала я тряпочки, сшила ему сумочку. Стало легче жить. А Ваня, как маму посадили, боялся в колхозе брать, ничего не носил.

Мама из тюрьмы вышла летом 1945, семь месяцев в тюрьме пробыла.

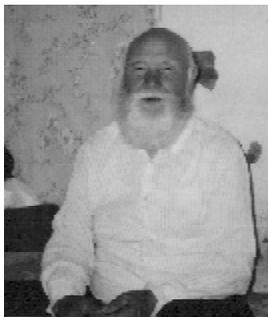
Много в войну людей погибло. У нас так почти в каждой семье похоронка, а то и не одна. Дядя мой, Попов Прокофий Павлович, мамин брат, в партизаны ушёл. И в Гражданскую партизанил, ранен был даже, а вот в Отечественную не вернулся... И сын его, Попов Иван Прокофьевич, не вернулся, только фотокарточка осталась. Их имена на обелиске в селе выбиты, а вот папы моего там нет. Никто о нём уже и не вспомнит...

Так что ничего хорошего про войну не вспомню. Были мы – безотцовщина...

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 5 курса психолого-педагогического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Коршикова Юлия Сергеевна*.

Беляев Николай Тимофеевич

Войну я не видел, но в полной мере ощутил её горечь

Я, Беляев Николай Тимофеевич, родился 23 декабря в 1931 году в деревне Никулята Яранского района Кировской области. Отец, Беляев Тимофей Иванович, 1889 года рождения, имел собственное хозяйство, выращивал пшеницу и лён. Мы жили в большом двухэтажном деревянном доме, на втором этаже стояли ткацкие станки, на

которых женщины деревни изготавливали одежду.

Ранним утром 1937 года в нашу дверь постучались чекисты. Они увезли отца в неизвестном направлении, а позже мы узнали, что он был расстрелян и объявлен «врагом народа». В 90-е годы отец был реабилитирован, но все же это событие оставило свой след в наших жизнях. Полуслепая мать, Беляева Мария Семёновна, 1890 года рождения, вместе с другими женщинами деревни работала на ткацких станках. Когда забрали отца, ей было очень трудно, потому что тем летом увезли кормильца семьи и лишили мать всего подворья. У неё оставалась надежда лишь на старших сыновей Ивана и Семёна, ведь мне тогда исполнилось только шесть лет.

Войну я не видел, но в полной мере ощутил её горечь. Первые воспоминания о войне у меня связаны с призывом моего старшего брата Ивана на войну. Помню, я, десятилетний мальчик, пошёл провожать Ивана в военкомат, который находился в городе Яранске. Брат наказывал мне, чтобы я слушался мать и Семёна, хорошо учился. А потом я долго смотрел вслед подводе, увозящей моего старшего брата. И кто бы мог подумать, что Ивана мы больше никогда не увидим.

Прошёл год войны. Мы с постоянной периодичностью получали письма от Ивана. Этим письмам мать всегда радовалась, ведь они говорили о том, что её старший сын жив.

Однажды я с Семёном пошёл на рынок продавать картофель, выращенный на нашем огороде. Мы продали все три мешка, которые брали с собой. Возвращаясь домой, Семён зашёл в магазин, а когда вышел в его руках была очень красивая тарелка-сувенир.

- Зачем ты купил эту тарелку?

- Хочу маме подарить, – печальным голосом ответил Семён. (Я храню её уже 67 лет как память о брате).

На следующей день неожиданно для меня и матери Семён добровольно ушёл на фронт.

После его ухода жизнь стала ещё труднее и страшнее, вокруг умирали знакомые и близкие люди от голода и холода. И только тогда я понял, как трудно было жить, ведь до ухода Семёна на фронт все заботы о нас лежали на нём. В 42-м году, одиннадцати лет от роду, нужда погнала меня в пастухи. Я и мои друзья пасли гусей. Однажды они предложили украсть и съесть нескольких птиц, но я отказался, потому что боялся за наши с мамой жизни.

С каждым днём я всё яснее понимал, что такое война. Крутом рассказывали о фронте, о погибших и о многом другом. А когда в чей-нибудь дом приходила новость о гибели мужа, сына, брата, моя мать очень сильно переживала и постоянно, что-то бормотала, видимо молитву.

Но горе пришло и в наш дом. Вместо очередного письма от Ивана мы получили похоронку. 17 июля 1943 года младший сержант Беляев Иван Тимофеевич погиб в бою под Белгородом. Мы с матерью не смогли с ним даже попрощаться. Он был похоронен там, где оставил свою жизнь.

А у нас она продолжалась. Мы знали, что Семён жив, и радовались редким весточкам от него.

На мою же долю выпали очередные испытания. Я жил в большом страхе и думал, что если в деревне случится кража или что-нибудь недоброе – подозрение падёт на меня, так как я сын «врага народа».

Чтобы прокормить себя и мать, я летом пас гусей, зимой охранял склады с пятнадцатилетним напарником Степаном.

Работал я на совесть. Однажды мы со Степаном везли зерно, и он предложил сбросить пару мешочков под приметное деревце. В очередной раз я наотрез отказался:

- Делай, как хочешь, а я не буду. Если узнают, кого в холодные края сошлют?

За всю свою жизнь я так и не отважился ни тесины (тесина – одна доска тёса, тёс – тонкие доски из древесины хвойных пород), ни килограмма зерна взять у государства, так как в моей памяти были свежи события летнего утра 1937 года.

А ещё во время войны я успевал ходить в школу, которая была в соседней деревне. Я любил читать книги и слушать рассказы учителя. Я даже письма писал на фронт Семёну под диктовку, потому что мама часто просила меня отправить ему весточку. Не знаю, получал он эти письма или нет, это останется для меня загадкой, так как связь с ним неожиданно прервалась.

Позже 27 января 1945 года мы получили похоронку, в которой сообщалось, что Семён сгорел в самоходной установке под Калининградом, там же и был похоронен. Мы с мамой долго оплакивали гибель Ивана и Семёна. Я понимал, что не увижу их больше никогда, а ведь они даже не были женаты. Это было последнее печальное известие, адресованное нам войной.

Спустя много лет в Кировской области опубликовали «Книгу памяти», куда вписали имена моих братьев, погибших на войне, и указали места их захоронения. Я не смог съездить на их могилы. Но думаю мои внуки, которым я рассказывал о них, когда-нибудь побывают в этих местах, чтобы почтить память солдат, отдавших свои жизни за светлое будущее нашей Родины, и чьи имена навечно вписаны в летопись Великой Отечественной войны.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 5 курса психолого-педагогического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Беляева Анна Николаевна*.

Вабель Зинаида Григорьевна

**Я плакала от боли, как и другие дети,
но продолжала работать**

Я, Вабель Зинаида Григорьевна (в девичестве Боброва), родилась в 1932 году в Ставропольском крае в селе Дмитриевском. В этом же году наша семья переехала в Калмыкию, там я жила до 9 класса. О том, что началась война, мы узнали не сразу, так как радио ни у кого не было.

В 1941 году отец, Бобров Григорий Порфирьевич, ушел на фронт. Мы остались одни с мамой. Уход отца на фронт вызвал у нее большой шок. Несколько дней она плакала и была в невменяемом состоянии. Все заботы по дому сразу легли на мои плечи.

Когда мужчины ушли на фронт, в полях колосилась рожь, пшеница, на огороде поспевали овощи, а в садах зрели фрукты. Мне, как и многим детям нашего села, приходилось с утра до поздней ночи работать на прополке, а потом на сборе урожая. Осенью, когда хлеба убрали с полей, я и мои сверстники выходили в поле вместе с нашей учительницей собирать колоски, так как все понимали, что хлеб нужен солдатам, которые бьют фашистов. Помню, как замерзали руки, обветривалось лицо. Я плакала от боли, как и другие дети, но продолжала работать.

Посещали школу до оккупации редко, потому что приходилось много работать вместе с нашими учителями и родителями. Было холодно и голодно, нас, детей, с работы отпускали раньше, чем родителей, мы возвращались домой, а дома было одиноко. Каждый день я думала о том, что дождусь маму и вместе с ней лягу спать, но у меня не получалось, потому что я засыпала раньше, чем она приходила, а просыпалась позже неё.

Когда пришли немцы, мне было очень страшно. Я даже спряталась за дерево, но это меня не спасло от встречи с ними. Вначале школу закрыли, и я целый день сидела дома. Позже немцы разрешили открыть школу, и я вспоминаю, как офицер внезапно появлялся в классе и проверял, что мы едим, о чем говорим на уроках. Однажды случилось

так, что, придя в школу, мы обнаружили ее закрытой, этот же офицер пришел и сказал, чтобы мы сюда не приходили. Так, я больше никогда не видела свою первую учительницу. Что с ней случилось и куда ее увезли мы так и не узнали. Но, будучи взрослой, я думала о том, что ее угнали на работу в Германию, либо арестовали за какую-нибудь провинность, а может быть, она ушла в партизанский отряд.

Во время оккупации я видела виселицы на улицах, видела, как вешали и расстреливали людей. Нас специально собирали смотреть на это. В то время, когда нас собирали на площади смотреть на казнь, я иногда умудрялась прятаться в яму, которая оставалась от разрыва снаряда и находилась рядом с нашим домом. В очередной раз, когда я там пряталась, меня схватил немецкий солдат и потащил к месту, где вешали военнопленных. Эту картину я никогда не забуду. Немцы были слишком озлоблены на местное население, они грабили, уводили скот, увозили картофель, капусту и другие овощи, резали домашнюю птицу. Все награбленное складировали на телеги и увозили из села.

Когда Красная Армия стала наступать, немцы стали сжигать все, что не смогли увезти. Они уносили все, что попадало под руку. Нас с мамой грабеж тоже не миновал. У нас вывезли все запасы продуктов, и мы с мамой практически голодали, если бы не соседи, которые делились тем, что успели спрятать. Потом немцы начали все сжигать: хлеб, мельницы, дома – угонять скот. Они полностью опустошили деревню, остались только люди, которым суждено было просто умирать от голода. Я ни о чем не могла думать, только о том, как найти еду. Спасение от тягостных мыслей находили в работе, потому что верили, в то, что наш труд хоть чем-то поможет фронту, приблизит окончание войны и этого страшного голода, горя и смерти. Я была очень худой и иногда у меня очень сильно кружилась голова, были вши, но на это никто тогда не обращал внимания. С освобождения Красной Армией нашего села стало легче. Наши солдаты делились пайком, чем сохранили жизнь моей маме и мне.

С 12 лет я развозила почту по деревне, потому что дети еще мало что понимали, а взрослые не выдерживали, когда приходилось приносить в дом похоронку. Радость Победы у нас тесно связана с горем по погибшему отцу, потому что он не дожил до неё месяц. Горе было безграничным, однако приходилось переступать через себя и делать то, что предлагали обстоятельства.

Весть об окончании войны облетела всю деревню с молниеносной скоростью. Эту радость ни с чем невозможно сравнить. Люди смеялись, кричали и плакали от радости. Помню, как проходил митинг в честь Великой Победы, на лицах людей была необъятная гордость за свою Родину и неиссякаемое страдание по погибшим близким и родственникам.

Вскоре после Победы мы с мамой переехали в город Ставрополь, где я и продолжила обучение в школе, хотя и была переростком в своем классе. Учиться мне всегда нравилось. Я много читала, очень любила стихи, многое учила наизусть. Выступала на школьных вечерах, любила петь, танцевать, ведь после войны наступила, по-моему, счастливая жизнь, хотя трудностей было очень много. У меня было одно платье, которое я надевала и в праздники, и в будни, а туфли мне подарила моя тетя. У них почти не было подошвы, но меня это не пугало, ведь таких туфель не было больше ни у кого. Будучи студенткой, я встретила молодого человека с такой же трудной судьбой, как и у меня. Мы полюбили друг друга и поженились. По распределению вместе с ним мы уехали на Урал, где прожили 8 лет и приехали в город Ставрополь к моим родственникам. По возвращению в город Ставрополь мы с мужем, Вабелем Романом Августовичем, устроились на работу в Ставропольское педагогическое училище, в котором я проработала до 1987 года. В этом же году я ушла на пенсию.

Через всю жизнь я пронесла память о своей первой учительнице, и не жалею, что выбрала профессию в ее память.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 2 курса психолого-педагогического факультета Ставропольского государственного педагогического института – *Тарнакина Марина Юрьевна*.

Вабель Роман Августович

Меня ни на минуту не покидало чувство голода

Я, Вабель Роман Августович, родился 5 сентября 1937 года в городе Ленинграде. Моя семья состояла из отца, матери, младшей сестрёнки, меня и нашей бабушки. До войны мы жили счастливо. Отец работал на заводе, мама была домохозяйкой. Мои детские воспоминания о родителях смазаны тяготами военных лет, которые легли на мои плечи и на плечи других детей. Тяжелейшие испытания, которые обрушились на жителей Ленинграда, были так же неожиданны, как и появление противника у его стен. Вначале это были артиллерийские обстрелы и воздушные бомбардировки. Потом пришли голод, холод и массовая смертность.

Наша семья проживала в городе Ленинграде до начала блокады. После первых воздушных бомбардировок и артиллерийских обстрелов меня с бабушкой переправили в Калининскую область (ныне Тверская) район Сонково. Где мы поселились у моей тёти. Она была очень доброй женщиной, жалела меня и бабушку, делилась с нами последним, что у неё было. Первое время бабушка помогала ей по хозяйству, а потом заболела, и мне приходилось ухаживать за больной бабушкой.

Мои родители и младшая сестренка остались в Ленинграде. Они погибли от голода в блокаду. О том, что с ними случилось, я узнал, будучи взрослым состоявшимся человеком. Я долгое время не знал место их захоронения. Однако совсем недавно мне в руки попала книга памяти о жителях блокадного Ленинграда, умерших от голода и холода. Там на одной из страниц я обнаружил фамилию моей мамы – Вабель Марты Ивановны и младшей сестры – Вабель Амалии Августовны, которые были похоронены на Пискаревском кладбище. А о судьбе моего отца я ни-

чего не знаю до сих пор. Но тогда, в далекие военные годы, меня никогда не покидала надежда, что когда-нибудь я обниму своих родителей и младшую сестренку.

В начале войны, когда меня вывезли из города Ленинграда, мои родители надеялись, что я никогда не увижу фашистского солдата, но все случилось не так. Калининская область была оккупирована немцами, но до этого мне пришлось наблюдать, как отступали наши войска, как плакали жители и как мы, дети, ощущали страх и боль.

Потом пришли немцы, они охраняли станцию. Помню, как был введен комендантский час, когда жителям не разрешалось в темное время суток выходить из дома, иногда ночью мы просыпались от автоматной очереди. Мимо станции проходило много немецких поездов, в которых они отправляли скот и те вещи, которые отбирали у мирных жителей. Иногда в товарных вагонах были люди, которых угоняли в Германию.

После ухода немцев мы опять наблюдали движение наших поездов военной техникой и солдатами, которые ехали бить врага. Это счастье, что мы были маленькие и не вмещали в себя всей трагедии, происходившей вокруг нас. Что может запомнить пятилетний ребенок? Немного, очень отрывочно, как отдельные эпизодические картины, выхваченные прожектором из темноты.

Самое яркое детское впечатление: «...ночь, вой сирены, гудок паровоза, ожидание налетов самолета, взрывы, страх...». Помню, как бомбили мост и железнодорожный вокзал, который находился недалеко от нашего дома и через который в 1945 году перевозили пленных немцев. Я ненавидел их, и испытывал большое желание, как и другие мальчишки моего возраста, потерявшие на войне родителей, отомстить, если бы была такая возможность. И может быть, мы осуществили своё желание, если бы не наши солдаты, которые охраняли железнодорожное полотно, вдоль следования составов.

С момента начала войны, живя с родителями, и потом меня ни на минуту не покидало чувство голода. Иногда во сне я видел довоенные конфеты, мороженое, а потом всё чаще мне снился

хлеб, которого так не хватало. Моя тетя, которая взяла меня на воспитание после смерти моей бабушки делилась со мной своим хлебом, отогрела мою детскую душу, хотя сама очень страдала. Я хорошо помню, как она, чтобы накормить меня, брала рюкзак, наполняла его разными вещами из домашней утвари и ходила в деревню, где меняла их на продукты (картофель, кусочки сала и другие продукты). Эти продукты на короткое время спасали нас от голода.

С одеждой было еще хуже. Всё, что у меня было, досталось мне от соседского мальчика, который был старше меня на три года. Мы с ним часто играли, а когда было нужно, помогали взрослым. Зимой возили воду на санках из проруби, а летом носили воду из реки.

Однажды мой друг Андрей упал в речку, и я самостоятельно вытащил его из воды. Плакал и тащил, так как мне сделать это было очень тяжело, я был на много меньше его по росту и по весу. Когда мы вернулись домой, то договорились не рассказывать об этом никому, так как взрослым и так было очень тяжело.

В конце войны мы купили теленка, я его пас, а он все время убегал в чужие огороды и меня за это наказывали. В 1945 году я пошел в первый класс. В школьные годы мы много работали в сельском хозяйстве. Мы вытаскивали колоски льна из-под снега, а затем из них вязали снопы.

В 7 классе ремонтировали школу, выполняли другие поручения, но и не забывали отдыхать, ездили в пионерские лагеря. Окончив школу, я поехал в Ленинград, где поступил в педагогический институт. Часто гуляя по городу после занятий в институте, я не мог вспомнить тот дом, улицу, где мы жили с родителями до войны. Мне было очень больно и обидно в тот период, что моя детская память не могла воспроизвести ни одной картины из прошлой детской довоенной жизни. В Ленинграде, учась в педагогическом институте, я встретил свою будущую жену – Зинаиду Григорьевну. Затем по распределению уехал с ней на Урал. В 1965 переехали в город Ставрополь, на родину моей жены.

С 1968 года работал в Ставропольском педагогическом училище. Потом 10 лет работал директором школы № 12 города Став-

рополя, но все же вернулся в наше учебное заведение преподавателем анатомии, которым я продолжаю работать и по сей день.

Прошло 65 лет с начала Ленинградской блокады, но в памяти сохранилось все то, что нельзя забыть никогда.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 2 курса психолого-педагогического факультета Ставропольского государственного педагогического института – *Панченко Виктория Михайловна*.

Глущенко Раиса Васильевна
Среди немцев были разные люди

Я, Глущенко Раиса Васильевна, 1935 года рождения, в период фашистской оккупации жила в Ставропольском крае в селе Донском. Отец мой, Пашин Василий Григорьевич, работал агрономом при МТС и от этой станции нам выдали комнату в общежитии. Особенно хорошо я помню 1943-1944 годы войны, потому что именно в этот период немцы находились на нашей территории. Через всё Донское посредине села проходила дорога, выложенная камнем, через которую немцы шли на Моздок. Наш дом находился как раз на обочине этой дороги.

Началась война и объявили, что немцы движутся сюда, село пустовало. Люди обчистили все магазины: скупали хлеб, крупы и другие товары первой необходимости, прятали это всё в подвалах и прятались сами. Пока все готовились к приходу немцев, мы с моей подругой Таней (это соседка моя была) пошли деревянный топчан взять, чтобы играть во дворе с ним. И вдруг немцы уже заступают. Мы с ней увидели в небе наш самолет, начали радоваться кричать, махать ему и тут, откуда не возьмись, появляется немецкий самолёт, который начинает обстреливать наш. Наш самолет, конечно же, сбили, он упал неподалёку от нашего села, лётчик успел капитулировать, потом мы узнали, что его взяли в плен. А мы с Таней, когда они начали обстрел, упали под каменный забор, ограду и лежали не шевелясь, единственное, что я хорошо помню это автоматные очереди, которые просвистели буквально над головой, у меня даже остались от этого испуга белые пятна на животе. Прибежали наши мамы похватили нас и утащили в окоп.

Когда немцы двигались на танках к Моздоку по центральной улице, по этой каменной трассе, они с автоматов обстреливали все кусты по-над трассой. И как сейчас помню, соседка наша через дом жила, её мужа забрали на фронт, и она осталась одна с двумя детьми, младший ещё грудной был у неё, так вот она не успела выкопать окоп и с детьми спряталась в кусты, там же привя-

зала корову. К вечеру мы узнаем, что её вместе с детьми и вместе с коровой расстреляли.

После того, как наше село оккупировали в 1943 году, мы начали выбираться из окопов, осмелели немного, начали бегать вокруг немцев, они давали нам шоколадки. Ох, как сейчас помню, меня мама так отпорола за то, что я принесла домой шоколадку и, за то, что вообще подходила к немцам.

Это всё происходило в начале 1943 года. И вот после этого случая мама решила переехать к папиной маме в село Московское, но для того чтобы перевести все вещи, нужен был обоз, тогда немцы сказали, что дадут этот обоз, если мама отработает 1 месяц штурвальной у них. Тогда мама спрятала свой комсомольский билет, закопала, так что сама потом и не вспомнила, где его дела. Отработала она месяц, нам дали обоз, и мы переехали в с. Московское.

В то время немцы вынесли приказ, что если во дворе находиться более двух животных, то одно они изымают. Тут однажды мама вывела корову попаситься, приходит вечером, кинулась, а коровы нет. Она пошла, искать её по стадам, к лесу, ведь без коровы мы бы не прожили. Ходила она день, ходила второй, ни кто не видел нашу Бурёнку.

Рядом по соседству с нами жила женщина, эвакуированная из Украины, с ребенком, девочка у нее была, жила она с немцем, который занимал не маленький пост. Приходит домой и говорит соседке: «Знаешь, я так перепугалась, все стада, все кусты прошла, ну, нет нигде нашей Бурёнки. На следующий день она продолжила поиски, взяла два яйца, хлеба кусочек и пошла в лес, искать. Она безумно перепугалась, когда увидела в лесу, что котелок весит и пышки хлебные наколоты на сучок. Соседка наша рассказала своему немцу, что мама, якобы, под прикрытием, что ищет корову в лесу, сама ходит, подкармливает партизан. Мама еще не вернулась домой, а за ней уже приехали немцы, начали её искать, искали в закромах, где зерно хранили, поднимались на чердак, обстреливали всё и спускались. И мама как раз в этот момент подходила домой, её схватили и увезли.

Её посадили в нашу московскую школу, которая в то время была тюрьмой. Все окна были забиты досками, в классах не было ни парт, ни скамеек, голый пол, мама спала на полу, в чем была, в чем её и забрали. Там была не только моя мама, но и мужчины, и женщины, которых обвиняли в том, что они помогали партизанам. Однажды когда она сидела

в классе, открывается дверь и заходит соседка с полицаем, она показывает на неё пальцем и говорит: «Вот она украла у меня серп». А она не поймет что за серп, какой серп она украла, у кого, пытается понять, говорит, что ни чего она не брала, но её даже не захотели слушать. Из-за неё маму в тот день чуть не расстреляли, ведь страсть как немцы не любили воровство, это благо, что их в этот день выпустили.

Однако были среди немцев и полицаи, которые прислуживали им, но были на стороне партизан. И вот когда немцы стали отступать, они выпустили всех заключенных и сказали, чтобы они прятались, да так чтобы даже родные не знали где они. И только благодаря этим полицаям не взорвали ни храм, ни мельницу у нас в Московском, они сказали, чтобы люди откупались всем, чем можно: скотом, зерном, всякой утварью.

В конце 1943 года немцы отступали, в это время вернулся с фронта наш отец, весь израненный, он воевал где-то под Ростовом. Его комиссовали и дали медаль «Участника Великой Отечественной войны». На лице у него был огромный шрам и пока его, как говориться, не подкормили, не зарастала щека, так как все время выделялась слюна. Мы его вылечили, откормили, и всё было нормально. Потом он устроился работать в колхоз, так как МТС уже был ликвидирован.

Помню, как приехала потом эта соседка, на коленях просила прощение у матери, у отца и говорит, что якобы нашла свой серп, просила, что бы они пожалели ее детей, а мама говорила: «А ты жалела моих детей, когда при немцах бесстыдно клеветала меня. А сейчас просишь, что бы мы пожалели, дабы тебя не посадили. А что ж ты не приехала в тот же день, когда нашла серп к полицаям и не сказала, что ты нашла, и что я не виновна, что бы с меня сняли обвинение». Мама сказала, что Бог тебя рассудит, и они не стали рассказывать об этом случае никому. Ни знаю, что с ними стало дальше, единственное слышала, что её немца расстреляли, а куда она сама с детьми делась, никто не слышал.

Среди немцев были разные люди: и добрые, и злые, готовые расстрелять всех. Помню, приходит, даже вламывается один немец к нам и спрашивает: «Матка, есть молоко?». Мама говорит что нет. Он начинает переворачивать весь дом, в курятник залезет за яйцами, а мама прятала яйца в бочку с зерном, он даже там их нашел. Заберет все яйца, молоко, хлеб и уйдет.

Другой приходит немец, он сидит на порожке и плачет, показывает две фотографии, на одной фотографии жена с детьми и говорит, что Гитлер нехороший, что его заставили идти стрелять, не по его воле, что он не хочет так жить. А другая фотография самого Гитлера, с этим у них было строго. Тогда бабушка пошла, вынесла ему что-то поесть. Вот, понимаете, как бывает, порой среди своих же можно встретить «гнилых» людей, что даже иной раз становится стыдно и не верится, что в нашей стране могут жить такие люди.

В конце 1944 года, когда немцев погнали дальше из Ростова и из всей страны, люди начали восстанавливать разрушенное, работали из всех сил, чтобы собирать урожай, так и выживали. Я запомнила голодный 1947 год, колхозы были ещё разорены, зерна не хватало. Мы, бывало, засеем пол огорода пшеницей, потом сами косили её и молотили. Много выращивали свеклы, выживали те, у кого была корова. Пшеницу молотили каменными жерновами, потом сеяли на сите, что по крупней помол, варили с него кашу, а из зерна, что помельче, пекли хлеб, вот так и жили по началу. А потом пошли огороды, выращивали картошку. Как мы радовались ей, ведь раньше ели одну свеклу, да нет-нет корова давала молочко, делали сметану, масло, да и не жаловались.

Потом я начала учиться в Московской школе, где некогда сидела, как в тюрьме моя мама, даже в том же классе. Отучилась 9 классов. Папа умер, и я отправилась во Владимирскую область учиться на ткачиху.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 5 курса историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Андрющенко Юлия Васильевна*.

Долгова Анна Егоровна

Всю войну сопровождало гнетущее ожидание похоронки

Меня зовут Долгова Анна Егоровна (в девичестве Плаксина). Я родилась 8 сентября 1929 года в селе Преградном Красногвардейского района Ставропольского края в многодетной семье (12 детей), шестой по счету.

Мои родители, Плаксин Егор Григорьевич и Плаксина Елена Петровна (Черньшова), поженились в 1917 году. Оба родились в 1897 г. Отец прошел 3 войны – Первую мировую, Финскую и Великую Отечественную.

И до войны и после нее жизнь была очень тяжелой. Наша семья пережила голод в 1933 году. Запах пареной лебеды преследует меня до сих пор. Успела закончить три класса, и то не полностью, так как была ужасная бедность, и иной раз не в чем было выйти на улицу.

Война застигла меня в возрасте 11 лет. Посыльный на лошади объявлял о ней по селу. Тут же началась демобилизация. Забирали всех, стояли крик. Сразу на войну забрали папу и старших братьев Вову и Егора. А позже еще одного брата Ивана.

Мне пришлось идти на работу. Мама болела, а на иждивении было еще 6 человек. Работала в колхозе имени Крупской сначала посыльным, затем, когда исполнилось 14 лет, меня перевели в бригаду. Там приходилось пахать на быках, косить вручную и на конных косилках. Во время сева стояла на силках. Счастьем казалось, когда тракторист уставал и пускал за рычаги. От мотора шло тепло, и можно было согреть ноги. Работали на гусеничном тракторе ЧТЗ с открытым верхом.

Долгое время перед оккупацией, когда наши отступали, мы прятались в окопах. Постоянно шли бомбежки, летали самолеты. Однажды над нашим селом шел воздушный бой, и сбили наш самолет.

С началом оккупации мы прекратили работы. В Преградном немцы особо не зверствовали. Страшнее были местные полицейские, которые обворовали и разоряли всех и вся.

Всю войну сопровождало гнетущее ожидание похоронки. Еще до прихода немцев мой папа был отправлен домой в отпуск по ране-

нию в руку. Вся семья очень боялась, что немцы его убьют. Но они сказали: «Мы тебя не тронем. Как и мы, ты не сам пошел на эту войну. Нас тоже заставили».

Примерно полгода длилась оккупация Преградного. Я очень хорошо помню момент отступления немцев. Сначала их становилось меньше и меньше, потом они вовсе куда-то делись. И как-то раз, когда я несла воду из артезиана, увидела наши танки. Эту радость я не забуду никогда. Она до сих пор в моем сердце.

После снятия оккупации возобновились полевые работы. Известие о победе застало меня в поле. Каких-либо особых событий по этому поводу не было. Осталось только чувство радости и счастья.

На войне погиб Владимир. Он бросился под танк с гранатой. Егор умер дома после войны от многочисленных ранений. На папу нам пришла похоронка. Но затем мы получили письмо из госпиталя о том, что он жив. Ждали его полгода. Отец вернулся домой с многочисленными ранениями. Самое тяжелое – сквозное ранение в легкое. Впоследствии удалили часть легкого и 1,5 ребра. Помимо этого была раздроблена лопаточная кость. Папа умер в возрасте 97 лет в 1995 году.

Иван получил ранения под Берлином, но вернулся домой живым. Сейчас ведет активную воспитательно-просветительскую деятельность, является председателем Совета ветеранов в городе Ставрополе.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 2 курса факультета искусств Ставропольского государственного педагогического института *Мартыненко Алёна Евгеньевна*.

Захарченко Евгения Ивановна

Как гром среди ясного неба...

Я, Захарченко Евгения Ивановна, в девичестве Попова, родилась в селе Николо-Александровское Арзгирского района 20 февраля 1930 года. Родители мои были колхозники. Папа, Попов Иван Тимофеевич, 1911 г. рождения, мама, Солодкая Феодора Петровна, 1911 г. рождения. Им было по 30 лет. Детей было трое. Я, старшая, училась в Корягиной школе в 4-м классе г. Буденновска.

Январь, 1941 год. Зима была холодная. Новый год, для нас детей того времени, был очень большим праздником. Родители отмечали Новый год дома. Мы почти до утра пели, читали стихи, веселились. Мама даже всем детям приготовила подарки. Где-то, сейчас не помню, мои родители достали настоящую елку. Конечно, игрушек для нас не было, и мы, сами дети, лепили, клеили все сами. Клеили гирлянды. Зима была холодная, мы были на каникулах, беззаботно катались на санках. Весна была ранняя и теплая.

В апреле 1941 г. моего папу забрали на переподготовку в город Прохладный и стали мы уже жить без него. А в июне месяце у нас должен быть в городе праздник и должен был приехать Буденный. Скачки должны были быть около озер Буйвола. Стояла сильная жара. Это было в воскресенье 22 июня 1941 года. Все ждут начало скачек, а они не начинаются. Тени нигде никакой нет. Весь квас в бочке выпили. И вот около полудня объявили, что началась война. Людей сразу не стало, а я подумала сразу о маме и бегом на другой конец города побежала домой. Народу на улицах не было. Я кричу: «Люди, началась война!» Мне не верят. Радио тогда не было у большинства людей. Прибежала домой, рассказала маме во дворе, а дворы у всех не загорожены, сразу к нам стал собираться народ.

Буквально через два дня стали молодых уже провозжать на фронт. А вскоре уже стали получать и похоронки. Мы, дети, быстро по-

взрослели. Кончилось наше детство. Дети тоже работали в колхозе. Мы выращивали шелковичных червей, нам сказали, что шелк этот идёт на парашюты.

Хаты были саманные у всех. Полы земляные, которые мазали коровьим навозом. У нас было проведено радио. Радиоприёмник был, как чёрная большая тарелка. Мы его в форточку выставляли во время важных сообщений. Хлеб стали выдавать по списку по одной булке на человека в неделю. Город наш без леса, такой он и сейчас. Проблема с топливом, топили кто чем. Утром встанешь, выйдешь на улицу и смотришь, где из трубы идёт дым. Приходишь с совком металлическим за огоньком, а дома самодельные спички из жёлтой серы, и стараешься разжечь.

К нам в город приехало много евреев. Они резко отличались от местных жителей одеждой и уровнем развития. Живём, работаем, а время летит. Собирали посылки и отправляли на фронт. Мы даже на уроках вязали из шерсти носки, варежки, шарфы. Такой был патриотизм.

Время идёт, бежит, и уже 1942 год. Немцы в августе пришли к нам в Будённовск. Все страшно боялись. И в один день августа я пошла встречать корову из стада и вижу такую картину: коровы бегут, мычат. Впереди стада бегут цыгане с детьми на руках и вокруг, держась за юбку матери, дети постарше. Стоял такой крик, гам и вдруг меня резко за руку женщина потянула в хату, и тут же ворвались немцы на мотоциклах. Стали стрелять в цыган. Многих людей, так же как и меня, затащили во двор. Был такой ужас. Впервые я увидела такое и просто растерялась.

Я рвалась выйти и свою корову встретить, но на улице никого не было, и стояла жуткая тишина. Потом женщина разрешила мне идти, сказав, чтоб я была внимательна. И я пошла домой, чуть прошла, вижу, идет моя мама, вся в слезах. Кинулись мы друг к другу, ревём обе, а у меня дрожь по телу. Мама всё время причитала: «Слава Богу, жива!»! Пришли домой, а корова наша дома. Корова плакала, и слёзы текли у неё из глаз. Она прямо уткнулась головой маме под руки, и у нее по телу пробежала мелкая дрожь. И мама моя опять стала плакать и говорить: «Господи, ну что же на свете творится, коровы все понимают и плачут!».

И пошла для нас новая жизнь, уже с немцами. Прошло несколько дней, и немцев стали расселять к нам, в наши хаты. Вели они

себя нагло, нас за людей не считали. Особенно лютовали румыны и венгры. Зерно всякое, что было, мы мололи на самодельных мельницах: из двух камней, посередине щель, куда сыпали зерно, и на краю верхнего камня была ручка, так и мололи. Учítывая, что я была старшая, то мне и доставалось больше всех.

Но как всегда находятся умельцы, и у нас такой нашелся – дед Тюмень, фамилия Тюменев. Умелец был на все руки. Сделал мельничку, похожую на мясорубку, из железа. На зубке в хлебе уже не было мелких камней. Зажигалки из гильз делал, маленькие ведерки, он всему находил приспособление.

Евреи совсем не выходили на улицу, чем они питались, я даже не знаю. Потом повесили объявление, чтобы все евреи пришли в здание школы, со всеми вещами, для отправки в другие районы. А мы, дети, уже успели подружиться с ними. Полицейскими были наши жители местные, и прошел слух, что их повезут на салотопку, у нас яр был такой, где во время чумы зарывали и людей, и животных. Наши мальчики, вездесущие, побежали туда. Да, евреев привозили на машинах, ставили над краем яра и расстреливали всех подряд – никого не щадили. И самое страшное было, что люди даже не кричали, безропотно подчинялись приказам. Их чуть присыпали землей и уехали. Мы бегом ко рву, а земля вся в крови вокруг и шевелилась. Ребята стали руками откапывать. Я сейчас не помню, но несколько человек откопали живых и отвели в хаты. Некоторые не пускали к себе домой, а некоторые жители сами забирали. Уже началось смеркаться, и люди побежали к яру спасать, кого еще можно спасти. Страшная картина была. Я пишу сейчас об этом, и у меня по коже мурашки бегут. Как мы это пережили, не знаю. Такую страсть. Конечно, от мамы попало нам.

У нас в доме тоже жили немцы, а мы жили в подвале, зимой было холодно, голодно. Было у нас несколько кур, но немцы забирали яйца себе. А моя мама взяла их и порубала. В окопе (а у нас был вырыт окоп) их обципали и варили у соседей. Немцы за это чуть не расстреляли маму, но повезло ей, она неплохо говорила по-немецки, и сказала, что это немцы забрали кур. Нас это спасало, что мама говорила по-немецки. В молодости она батрачила в немецкой семье – у нас было около Буденновска немецкое поселение.

Немцы забирали все. Патефоны, у кого были, лампочки электрические (свет у нас был), все, что могли, итак полгода. Люди все притихли.

Особенно у кого были родственники на фронте или в партизанах, боялись расстрела. Но комсомольцы тайком писали листовки, рассказывали, что твориться на фронте. Очень многих комсомольцев расстреляли.

В школу мы не ходили, закрыта она была. А до войны в городе построили школу, двухэтажную, большую. Так радовались в городе, что наконец-то построили настоящую школу. Называли ее новостройка, и одновременно был построен Дом Культуры. Во время войны немцы устроили там конюшню. Были в школе большие окна, застекленные. Когда немцев выгнали, то подвал Дома Культуры был забит комсомольцами, расстрелянными немцами, коммунистами и другими. Сразу же организовали уборку зданий. Стали убирать новостройку. Навоз гребли, скобли, мыли. От больших окон ничего не осталось, все побили.

После освобождения от оккупантов, уже в конце января 1943 года, начали работать школы. Часть окон заложили камнями, и сделали маленькие окна, их заклеивали, приносили побитые стекла. Дома и так было мало застекленных окон, но родители последние вытащили и отдали школе.

В пятый класс и я пошла в «новостройку», а от нашего дома до школы далеко было идти. Обуви не было, кто во что был обут и одет. Если бы были фотографии, сейчас бы и не поверили, что в таком виде ходили в школу. У нас в классе училась Тамара Перекрестова, мама у нее умерла во время войны, и хата у неё была такая, что и хатой назвать нельзя – халупа. Папа у нее был на фронте, а они шесть человек жили с бабушкой, и ни одного она не отдала в детский дом. Государство помогало, чем могло, давали обувь 44 размера, жмых для еды. Все они учились, учились хорошо, только две взрослые сестры работали. Сёстры ездили на поезде в Пятигорск за картошкой, а в Буденновске продавали, так имели небольшой навар, тем и жили большой семьей. Все дети из этой семьи были очень красивы собой, особенно две старшие сёстры.

В одну из поездок за картошкой одна из сестёр познакомилась с летчиком – Героем Советского Союза Заваркиным и вышла за него замуж. Его направили служить в Среднюю Азию, и он всю их семью забрал с собой. Вот какой был чудесный человек. Все соседи восхищались его поступком. Больше мы ни разу не встречались, рассказывали соседи (мы оттуда уже уехали), что все они получили образование, отец их пришел с фронта и тоже туда уехал.

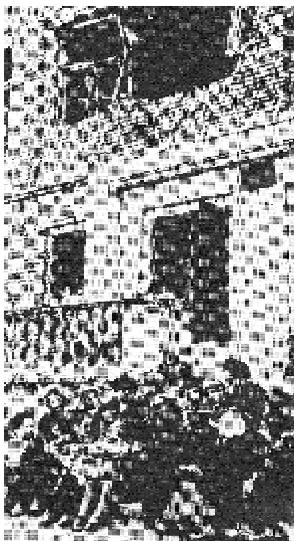
Многие люди, наши соседи, получив похоронку, детей не отдавали в детский дом, хоть и было их много. Потом в Ставрополе открылось Суворовское училище и очень много ребят, как дети погибших героев, поступали туда учиться.

Когда выгнали немцев, то люди добровольно, бесплатно убирали город, дома, ведь много было уничтожено. Помогали друг другу, особенно старым, одиноким, и тем, кто получил похоронку. Ведь были семьи, где получали и не одну похоронку. Все выжили, но какой ценой.

В 1946 году я окончила 7 классов и поехала учиться в медицинское училище, окончив его, я приехала обратно, работать. Меня послали в Ставрополь в медицинский институт, но я отказалась, так как в Пятигорске я так наголодалась, что хотелось по-человечески поесть. В 1949 году я вышла замуж за фронтовика-танкиста, который брал Берлин. Живем уже мы 60 лет, скоро сыграем брильянтовую свадьбу. У нас две дочери, двое внуков и один правнук (в 7 классе).

Муж – полковник в отставке, часто приходит в Краевой военкомат на проводы новобранцев, с напутствием.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 2 курса факультета искусств Ставропольского государственного педагогического института *Бовтунова Юлия Сергеевна*.

Иванова Тамара Дмитриевна

Прощай детство! Началась война...

Я, Иванова Тамара Дмитриевна, родилась 12 апреля 1931 года. Мне было десять лет, когда началась война. Мы жили в Анапе на улице Нижегородской, сейчас это улица Сабурова. Было воскресенье, мы с подружками побежали в кино. Когда оказались у кинотеатра, то до сеанса было еще много времени, и мы спустились к морю. Там, на пристани в лодке я нашла пистолет. Я подумала, что это игрушка, взяла его, а он тяжелый. Я испугалась и бросила в воду. Это было, как знамение... Почему мне попался этот пистолет? Я закричала подружкам, они подбежали. Мы попытались его достать со дна, вода чистая была, его было видно, но не смогли. Потом побежали мы в кинотеатр, и там нам объявили, что началась война.

Я прибежала домой, сказала папе. Он уже знал, что началась война. Бомбили Киев, Севастополь. Я ему говорю: «Ой, хоть бы одна бомба упала у нас, мы бы посмотрели, что это такое». Он говорит: «Если хочешь посмотреть, то посмотри на снаряд». А у нас во дворе был турецкий снаряд. Он наполовину в землю ушел, а донце торчало. Папа там всегда колотил какие-то металлические детали, а я на нем орехи колочу. Потом отец повел меня в музей на улице Пушкина, где сейчас пансионат «Луч». Там мы смотрели на круглые снаряды, бомбы. Из чего они были сделаны, не помню. Были там длинные снаряды, отец мне все это показал и сказал, что это очень страшно.

Весь 1941 и 1942 годы мы жили в напряжении войны. Было очень трудно с хлебом, стояли мы в огромных очередях. Ночью дежурили. Считались. Нас милиция гоняла, но мы все равно стояли около магазина, дежурили, чтобы утром, когда откроется магазин, мы успели купить. Карточки еще не ввели. С продуктами было очень трудно, но с хлебом было еще хуже. Все продукты были кроме хлеба. Нам тогда говорили, что якобы весь хлеб Россия продала Германии. Мы действительно столкнулись с нашим хлебом, когда была немецкая оккупация. Летом (дату я не помню) Анапу очень сильно бомбили. Сначала, в основном, они летали через Анапу на Ново-

российск. Бомбили нас иногда на обратном пути. Видимо, у них там срывалась бомбежка, и они сюда скидывали бомбы. А потом, перед наступлением на Анапу, они уже усиленно бомбили именно нас.

Мой отец работал на Анапском винзаводе механиком, возил директора завода на «Эмке». Когда немцы уже подступали к Анапе, в городе сформировали три партизанских отряда. Одним из них руководил директор винзавода Дмитрий Алексеевич Кравченко, бывший председатель горисполкома. Он оставил отца на заводе, дав ему «бронь». В итоге отца в армию не забрали, оставили в городе для связи с партизанами. Папа знал немецкий язык. Партизанский отряды ушли в горы, а папа остался здесь, в Анапе. Перед самой сдачей города наши начали разворовывать весь завод, чтобы немцы не могли его восстановить. Наиболее важные детали они спрятали и закопали где-то в лесах. Мой отец участвовал в этом. Кроме того, он помогал организовывать склады с продуктами для партизан.

Когда пришли немцы, то, что получилось? В городе остался главный механик завода Тершуков и главный винодел по фамилии Скрипник. Они были предателями. Сразу, когда пришли немцы, один из них стал управляющим завода, другой – главным виноделом. Они стали восстанавливать Анапский завод, но так и не смогли этого сделать, потому что им не хватало каких-то деталей. Хотя им помогали. Например, у отца в подчинении был грузчик-грек по имени Сократ. Он стал полицаем.

В то время вино делали в бочках. Когда наши отступали, то солдаты из автоматов расстреливали эти бочки, и вино текло прямо по улице. Мы жили в квартале от винзавода. Вино текло по канавкам улиц Нижегородской и Шевченко. Солдаты шли по ним и черпали вино прямо касками. А что? Настоящее, хорошее вино!

Кравченко активно курировал эти виноградники. Он ездил с отцом на машине, проверял, как обработаны виноградники, какой урожай будет. Не так делали вино, как сейчас в этих металлических лодочках: нагрузят их валом и везут, там и ягоды и листья вповалку. А раньше виноград собирали гроздьями и клали в плетеные корзины, которые аккуратно устанавливали на длинных подводах. По дороге не трясли, чтобы сок не тек. Везли это все аккуратно. После первичной обработки и пресса, вино шло в дубовые бочки и та-

м выдерживалось. Бочки были дубовые, мылись теплой водой очень тщательно двумя рабочими. А потом обмывались холодной водой. Потом лаборант шел с лампочкой, опускал в каждую бочку. Так принималась от рабочего каждая бочка, смотрелось, не остался ли там винный камень, нет ли там запаха.

Когда немцы отступали, они решили взорвать то, что они восстановили, все, что сделали за время своего пребывания. И вот они взорвали завод. Когда взорвалась забетонированная емкость со спиртом, от завода полетели кирпичи и черепица на все близлежащие кварталы. Там была большая емкость со спиртом. Сколько чего, я, конечно, не знаю. Но помню: был очень мощный взрыв и гигантский столб пламени, черепица полетела к нам во двор, раньше же все было крыто черепицей. И это было очень страшное зрелище!

В последний день перед оккупацией город бомбили около 25 самолетов. Это я запомнила. Они не все сразу, а по 5, 6, 7, в общем, звеньями налетали. Жители уходили в горы, от немцев, от бомбежки, от всего этого страшного. Мы с папой ехали на машине. По обе стороны дороги лежал убитый скот. Вздутые тушки животных – тяжелое зрелище. Стояли разбитые машины. По пути в горы мы остановились у одной хозяйки, а она нам сказала: «Что же вы думаете себе, немцы сейчас придут, вас всех расстреляют и вместе с вами расстреляют и нас. Куда хотите, туда и уходите».

И вот мы тогда ушли в поселок Павловку. Некоторые ушли в Варваровку. Некоторые пошли дальше в горы, в Суко, в Ташхаданку. Все семьи разбрелись. А в Анапе в нашем доме осталась моя бабушка.

Боялись и своих предателей, и немцев. Но больше своих. Потому что немцы, не знали, кто был комсомольцем, кто был коммунистом, кто чем занимался. Вот, например, у нас там недалеко соседка была, она взяла лошадей из подсобного винзаводского хозяйства. Лошади у нее стояли во дворе. Когда мы решили из Павловки перебраться в Анапу, нам надо было перевезти кое-какие вещи. У нас там были и корыто, и постель была с собой, и мешок с пшеницей был там. Когда нам нужно было переехать, мама пошла попросить у неё лошадей. Она вышла и сказала: «Кончилась ваша власть!». Конечно, мама испугалась. Пришла домой и говорит: «Куда же сунуться». Знали, что папа ездил на «Эмке» с Кравченко. Крав-

ченко в партизанском отряде. Значит, сегодня скажет немцам, что вот это семья партизана, значит, придут и расстреляют. Но бог милостив, нас не расстреляли.

Мы ночью приходили домой. А бабушка сказала, что приходил грек Сократ и написал на доме: «Партизаны возвращайтесь или будете расстреляны!» Папа, мама и я были в Павловке. И мы все вернулись, может быть, через неделю. Когда шли румыны, то они не особенно трогали, не убивали, не расстреливали. Однако помню, как один румын зашел к нам и забрал сразу папин велосипед. Забрал велосипед и бинокль и сказал, что хорошо, что бинокль беру я, румын, если бы немец забрал, то он тебя бы и расстрелял за этот бинокль.

И когда вернулись, то сразу же всех мужчин в полицию стали забирать. Очень лютовали гастогаевские казачки. Вот здесь у нас есть казачий поселок Гастогай. Вот эти казаки были очень обижены советской властью. Вы знаете, казачество тогда очень пострадало. Они все ушли в немецкую полицию. И власовские казаки все были здесь. Они проходили через Анапу. Я помню, как один власовец проходил через наш двор, папа у меня был небольшого роста, у него были темные вьющиеся волосы. Некоторые люди его называли «еврейчик». А у нас была большая овчарка. И на этого власовца, когда шел через наш двор, собака кинулась, он выхватил шашку, хотел зарубить собаку. Но папа ему не дал, его остановил. Был такой момент. И когда пришли немцы, то вот этот власовец приходил в наш дом и спрашивал: «Где этот еврей?» Но папа был уже в Гестапо.

Когда папу первый раз забрали в Гестапо, то допрашивали по поводу завода. Потому что это Сократ говорил, что Анатолий Николаевич все знает. И потом эти Тершуков и Скрипник тоже давили на папу, чтобы папа что-то сказал. Но папа, может быть, не знал. Он же не все знал. Он не все возил, и не все прятал. Первый раз его отпустили. У моей бабушки муж был священник, в 1937 году он погиб. А когда пришли немцы, они разрешили открыть церковь, и откуда-то появился священник отец Василий. Не знаю, откуда он, кто он такой был, но он служил в церкви. И у него была дочь, которая жила с начальником Гестапо. Она была его походной женой. И вот бабушка на службе побеседовала с этим священником, с отцом Василием. Он приходил к нам, ему накрывали стол, и бабушка просила, чтобы

он похватайствовал перед немцем, чтобы папу из Гестапо освободили. Она ему отдала дедушкин золотой крест, он был где-то у нее закопан. Отдала какие-то кожаные свертки. Папу отпустили, но заставили работать в порту, ремонтировать моторы катеров.

Немцы приходили к нам, в доме все проверяли и забирали все, что им нравилось. Во дворе они искали щупом. А у нас были закопаны в тазах два сервиза. Они выкопали эти сервизы. У бабушки лежала дедушкина трость в коробочке. Она развинчивалась и была просто сложена. С ними был переводчик. Он ее собрал и вышел на крылечко, а мы стояли: папа, мама, я – бабушка сидела на мусорном ведре. Трость была именная, дарственная. Он говорит: «Так мы с вами земляки, вы из Челябинска, а я из Екатеринбурга. Вы мне подарите эту трость», и жонглирует этой тростью. А бабушка говорит: «Возьмите и вспомните, как вы трясли русскую бабку. Как вам не стыдно!» Папа ее остановил: «Мама замолчи...». Трость забрали.

Обыски проводили в основном немцы. У нас была картина Анапы, то ли в Турецкие или в Греческие времена. Вот эта малая бухта была вымощена мрамором, там такие лежаки были, такие красивые женщины лежали на этих лежаках, тигриные шкуры. И вот этот спуск к морю. Когда они пришли, увидели эту картину, сразу ее сняли, забрали. Она навевали к нам довольно часто, может быть, в месяц раз.

5 декабря 1942 года папу во второй раз забрали в Гестапо. И уже больше его не отпустили – расстреляли. Немцы в Анапе расстреляли 3,5 тысяч людей. Комсомольцев, коммунистов, неблагонадежных. Расстреливали в основном полицаи – гастагаевские казаки. Мы их очень боялись. Эти же казаки ездили на лошадях и из каждого дома нагайкой выгоняли людей, сажали в машины и везли в район станиц Крымская и Обливская, заставляли работать на строительстве укреплений «Голубая линия». Сгоняли все население: женщин, подростков. Делали рвы. Мама моя туда не попала. Когда папу в последний раз забрали в Гестапо, то маму понесла ему передачу, её не выпустили. А соседей наших – еврейку, завлабораторией, а мужа ее русского, винодела-спиртовщика, с двумя детьми и его матерью – всех расстреляли. Маму поместили в камеру, где уже находилась женщина, Наталья Ивановна. Она говорит: Мария Серге-

евна, я Томочке не одела калошки. А мама взяла да и сказала: «Наверное, уже и не оденете». «А что нас расстреляют?»

Расстреливали на старом аэродроме в ангарах. Когда наши пришли, стали делать раскопки, искать наших погибших, то мама не нашла папу, а нашла Наталью Ивановну с двумя детьми. Нашла по волосам и по сохранившимся кускам кашемировой шали. Она увидела, что двое детей около нее. Всех этих расстрелянных людей, все эти кости, все эти трупы, все собирали и хоронили в братской могиле на кладбище.

Кого обнаружили, кого нет... Мама папу не нашла, может быть, потому что на нем была кожаная одежда. У него были по тем временам дорогие кожаные брюки, кожаная куртка. Могли раздеть перед расстрелом и забрать. По волосам было трудно определить. Говорили нам люди: «Найдите хоть кого-нибудь, будет хоть дочка получать пособие от государства. Укажите на любого, что это ваш человек, и будете получать пособие». Но моя бабушка не согласилась, сказав, не надо этого делать, что мы будем обманным путем получать пособие. И еще было сомнение. Когда бабушка пошла в Гестапо, там где-то перед зеркалом в какой-то комнате, она увидела немца. Она спросила: «Где мой сын?» А этот немец, повернулся к ней и сказал: «Кто он такой?» Она назвала. Он говорит: «Мы специалистов не расстреливаем, а отправляем на Украину». И у бабушки зародилась надежда, что может быть, он и живой.

После того, когда папу забрали в последний раз, пришли немцы, забрали все продукты, у нас ничего не осталось покушать. Сразу заняли у нас комнаты. У нас был хороший дом. Две спальни и две большие комнаты. Они заняли половину дома. И принесли бабушке постирать нижнее белье. Бабушка им выстирала, выгладила и принесла. Им очень понравилось. Все было сделано очень качественно. И когда немцы выселяли все население, мы остались как прачки. Мама с бабушкой остались в доме. Они обстирывали немецких летчиков, которые служили на аэродроме, транспортная авиация. Эти летчики приносили белье, кусочек мыла и булку хлеба. Бабушка мылом не стирала. Мы ходили в поле, выдергивали там стебли подсолнечника, этим мы отапливали дом, а золу заливали горячей водой в чугуне. Она настаивалась. Получалась щелочная мыльная вода. И вот этой

водой бабушка все это белье стирала. А мыло – ходили по селам и меняли на всякие продукты: кто, что даст. Мы так и жили.

Долго, наверное, с полгода жили одни и те же летчики. Они были довольно культурными людьми. Генрих – радист – интеллигентный был парень. Поспевали абрикосы во дворе. Он шел из туалета и поднимал несколько штук этих абрикосов. Пошел в комнату и кушал. Бабушка увидела, что он поднял. Она набрала миску, помыла. И понесла ему. И говорит: «Кушай». Он так покраснел, ему стыдно, что он поднял эти абрикосы без ведома хозяйки. Его это очень смутило. Я это, к примеру, привожу. Они никогда ни чем не обидели. Был еще пожилой Ганс, тоже приносил белье. Генрих знал, что нашего отца расстреляли, и бабушке сказал, не говорите Гансу, что у вас сына расстреляли, у него сын в СС.

Хлеб они всегда приносили, завернутый в бумагу, отдельно от белья. Но, однажды, они принесли булку хлеба, завернутую в грязное белье. Бабушку это очень удивило. Они стали объяснять, что их проверяет патруль, чтобы мы не кормили русских. Очень извинялся. Так бабушка эту булку хлеба вымыла щеткой. Посадила в духовку. Пропекла его, пропарила. Это был русский хлеб. Чистая пшеница. Он делался густотертый и получался, как каменный. Специально так делали, чтобы дольше хранился. Но когда мы его распарили, получался чудесный хлеб.

В районе больницы, около нас было большое больничное инфекционное отделение, и немцы, когда оккупировали нас, туда загоняли военнопленных, наших солдат. И мы ходили туда, кормить их. Кто, что мог. Кто вареную картошку, кто кусочек хлеба, кто кусок мамалыги из кукурузной крупы: делали такую кругую кашу и кидали им.

Когда этих пленных отправили в ст. Крымскую рыть укрепления, то на их место привезли народ из Новороссийска. Их тоже должны были послать на какие-то работы. Что они делали? Немцы в трюмы клали раненых немцев, а на палубу сажали русских людей, эти катера шли в Керчь. А наши самолеты спускались низко на бреющем полете над катерами, люди махали платками, показывали, что они русские, наши самолеты улетали и не бомбили. Таким образом, немцы переправляли своих раненых. И вот привезли туда партию людей из Новороссийска. Женщин, подростков. Мы тоже бегали туда,

носили им еду. Кидали одежду, обувь, еду, все кидали, чем можно помочь. Там все было обнесено колючей проволокой. Ходили часовые. Но они нас не трогали, не обращали внимание на то, что мы кидаем эти продукты. Присматривали, но не гоняли.

Однажды, когда этих женщин построили в колонны и стали выводить, то из этой колонны выскочила женщина с дочерью, ее сразу наши прикрыли. И она осталась в толпе народа. Народу было много и этого не заметили. Наша соседка забрала их к себе. Звали их Надежда Петровна и девушка Лиза.

У нас во дворе был колодец, тогда же водопроводов не было. И эта Лиза приходила к нам за водой, Генрих ее увидел, с ней познакомился, и они тайно стали встречаться. Они встречались долго. Он был у нас полгода или больше. Но мне было категорически запрещено своим подружкам говорить об этом и вообще наблюдать за ними. А мне было очень любопытно, как этот немец ухаживает за Лизой. Ей было 17 или 18 лет.

Когда немцы стали отступать, или часть их перебрасывали, этот Генрих взял ее с собой. Надежда Петровна была в истерике, плакала, рыдала. Он сказал, что увезет Лизу в Германию. Они добрались до Керченской переправы, но там очень сильно бомбили, и он ее через какие-то села отправил обратно в Анапу.

И потом оказалось, что эта Лиза ждет ребенка. Уже после освобождения края она родила. Потом они уехали с матерью в Новороссийск. Наши соседи поддерживали с ними отношения. Этот парень уже вырос, назвала она его Геннадий. Он учился в Москве, в институте. Тот немец их разыскивал через наше посольство. А жил он в Восточной Германии, был женат, но детей у него там не было. Он нашел Гену, когда тот уже учился на втором курсе, по окончании института пытался его забрать в Германию. Но мои соседи умерли, и окончания истории я не знаю. Как сложилась судьба Генриха и Лизы? Свиделись они или нет?

Другая девушка, тоже соседка, по фамилии Шкром, встречалась с румыном. Родила от него ребенка уже при наших. Она побоялась позора, и бросила этого ребенка в колодец. Ее дали ей 10 лет за убийство ребенка. Она отсидела в тюрьме 10 лет. Она была очень красивой девушкой. Когда она приехала из тюрьмы, уже отсидев 10 лет,

у нее были шрамы через все лицо. Почему? Так она была изуродована. Что там было в тюрьме, я не знаю. Она побыла некоторое время со своими родителями, и уехала из нашего города навсегда.

Еще одна девушка, Вера Егорова, уехала с немцем ещё во время войны. Жила в Германии, у его матери. Приехала оттуда уже когда наши заняли тот город. Она приехала роскошно одетая, в меховой шубе. А тогда после войны, знаете, как странно было видеть нарядно одетую женщину. За ней ухаживал советский летчик, но ему не разрешили жениться, поскольку у нее было нехорошее прошлое. Но она никогда не терялась. Всегда была на высоте. Долго жила здесь в городе. Она процветала у нас, в Анапе. Всегда хорошо одета, всегда на видных должностях, всегда у неё были поклонники. И уехала уже в годах, пенсионного возраста. Она прекрасно прожила свою жизнь. Ее как-то судьба не чем не наказала за то, что она влюбилась во врага. Не знаю судьбу этого немца, куда он делся. Погиб, или что?

Надеялись, конечно, на освобождение. Конечно, ждали своих. Я помню, как один «Ястребок» прилетал днем перед отступлением немцев. Он нарисовал на небе дымовую завесу. Вот такой мешок завязанный. Он показал нам, что немцы в мешке. Мы все так радовались. Мы смотрели и боялись за него, чтобы его не сбили. Зенитки стреляли. Но он как-то быстро нарисовал такую дымовую завесу, мешок. И главное такой кончик, что этот мешок завязан. И мы поняли, что нас скоро освободят. Мы ждали этого.

Почти никакой информации не было. Только следили по самолетам. Боялись мы, что полностью будет занят Новороссийск. Мы думали так, если возьмут Новороссийск, то это надолго. А если не возьмут, значит, что скоро придут наши. Но когда самолеты летят, знали, что Новороссийск еще у наших. Мы радуемся, хоть его и бомбят, но мы знаем, что там еще наши.

Чувствовалось, что скоро наши придут. Активно стали действовать. Бомбить стали чаще. Немцы тревожно стали себя чувствовать. Стали меняться немецкие части. Одни уезжали, другие приезжали. Было движение. Из тылового района стали прифронтовым. Потом около нашего дома поставили рацию. Такая крытая машина, там большие антенны. И мы всегда переживали, что наши будут бомбить именно эту антенну. На нашей улице около нашего дома упало две бомбы. Но дом устоял. Дедушка Александр Антонович

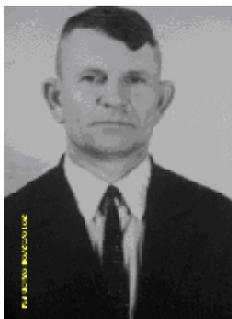
сделал очень крепкую виноделку. Из природного камня. И дом этот до сих пор стоит. Мы с мужем строили этот дом в 60-е годы. В 58-м начали строить в 60-м его закончили строить. Он у меня сейчас уже трескается. А тот дом на нашем подворье, он стоит, как вылитый, как будто сделан из бетона. Он не трескается, не садится, никуда не проваливается, ничего. Я не знаю, может быть, там другая почва. Но факт в том, что он очень прочно сделан.

В сентябре было прохладно, был такой туман. Наши когда пришли, мы сразу, детвора, рванулись к солдатским кухням. Нас кормили кашей. Помню, нам какую-то похлебку наливали. Кто с чем мог с тем и бежал туда. Детей кормили. Взрослые стеснялись пойти. А дети бегали и носили домой. И я, в том числе, бегала с немецким котелком туда. После отходов немцев, наши уже летали на Керчь. Очень много их погибло. Я помню, что это был 47-й Гвардейский полк. И у нас жило двое летчиков, Вениамин и Алексей. Им всегда в полет давали шоколад, а они когда прилетали, мне на стол клали плитку шоколада. А потом они не вернулись. Погибли эти парни, очень жалко. Война закончилась, но атмосферу страха я помню до сих пор.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 5 курса историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Тадевосян Нвер Владимирович*.

Калмыков Александр Тимофеевич

Старались помочь матери изо всех сил

Я, Калмыков Александр Тимофеевич, родился 5 октября 1935 года в селе Урожайном Левовокумского района Ставропольского края. Мой отец, Тимофей Абрамович, 1907 года рождения работал трактористом в колхозе «Гигант», моя мать, Мария Антоновна, 1912 года рождения тоже работала в колхозе. В семье нас было четверо детей: старшая сестра Надежда, я, младший брат Николай, младшая сестра Лидия.

Первые военные воспоминания связаны с тем, что я с матерью был на общем собрании села, где объявили о начале войны. В селе начался переполюх, так как для многих это было неожиданностью. Спустя несколько недель, нашего отца забрали на фронт. В это же время многие мужчины села покидали свои семьи, и весь тяжелый труд лёг на плечи женщин, наших матерей.

У нас было небольшое хозяйство: одна корова, овцы, козы, утки. Я и старшая сестра Надежда старались помочь матери изо всех сил, чтобы хоть как-то продержаться. Но ещё нашей матери помогал младший брат отца Анатолий, которому было всего лишь 12 лет. Он был высокого роста, широкий в плечах, то есть в свои годы он выглядел намного старше. И однажды немцы подвергли его пытке, допрашивали его, почему он не был в рядах Красной Армии, так как выглядел старше, и хотели отправить в концентрационные лагеря Германии.

Немцы в село пришли летом 1942 года. Ехали на велосипедах и мотоциклах со стороны села Величаевского. Днем они прибыли в школу на грузовой машине. Я ходил в 1 класс. Наша учительница, Татьяна Степановна Ковалева, сказала нам, чтобы мы уходили домой, что уроков больше не будет. Когда я вышел с мальчиш-

ками и девочками домой, меня и нескольких мальчиков подозвали трое немцев. Они просили нас из дома принести топоры, чтобы мы разрушили памятник Орджоникидзе, который стоял во дворе школы. Немцы дали нам несколько конфет, то есть «задабривали» нас сразу. Мы конфеты съели сразу, но их просьбу не выполнили. Мы быстро разошлись домой.

В течение 5 лет войны от нашего отца приходили письма, где он рассказывал о своем местонахождении, боевой жизни. Когда приходили письма, нас мать собирала вечером за столом и читала письмо. Мы очень радовались этому. Вечером в селе жизнь замирала, иногда можно даже было услышать выстрелы. Люди часто собирались несколькими семьями, чтобы преодолеть страх. В это время женщины вязали носки, какие-либо вещи, чтобы отправить на фронт. Помню разговоры между старшими людьми о перевозке продуктов и необходимых вещей партизанам.

С питанием в годы войны было очень трудно. В основном ели крупы и овощи, мяса вообще было. Немцы часто забирали у жителей села всю живность, которая была в хозяйстве. Наступал голод. Мы собирались с мальчишками, чтобы идти искать, что-то покусать. Приходилось ловить сусликов, зайцев, чтобы как-то прожить. Иногда ходили в соседние села такие, как Камыш-Бурун, Ачикулак, и просили по дворам чего-нибудь поесть.

Наступил 1945 год – долгожданная Победа, которую все ждали с нетерпением. Вернулся с войны наш отец, который дошел до Берлина. Из Германии он пришел с подарками. Он принес гармонь тульскую, гармонь германскую, моток ткани, пакет сахара, пакет конфет. Мы очень радовались, что отец наш дошел до столицы Германии, так как для нас он считался настоящим солдатом и защитником нашей Родины, что и благодаря ему была одержана победа над врагом. У нас дома собрались родственники, соседи, чтобы отметить это радостное событие. В селе были организованы мероприятия по поводу Великой Победы. Все жители села веселились, пели, танцевали. Но, конечно, не для всех это являлось радостью, так как многие не вернулись с войны, а кто-то все еще ждал и надеялся дождаться своих родных и близких.

Сейчас я продолжаю жить в селе Урожайном, у меня трое детей, шестеро внуков, двое правнуков.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 5 курса историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Ковтуненко Светлана Геннадьевна*.

Кацак Мая Евгеньевна

Нам всем не хватало родительского внимания

Я, Кацак Мая Евгеньевна (в девичестве Горлищева), родилась в 1939 году в городе Архангельске. В семье у нас было две дочери: я и сестра Лёля. Когда началась война, папу, Горлищева Евгения Петровича, сразу забрали на фронт.

Воспоминания о войне у меня связаны с бомбардировками города Архангельска. Во время бомбежек мы еще не до конца понимали, что происходит, что это такое, чего бояться. Мама изо всех сил старалась уберечь нас от паники и страха. В начале войны детей забирали в летние лагеря на определенное время. Помню, моя сестра часто плакала, звала папу, но папы не было. Для моей сестры это было настоящей пыткой, она так кричала, что сорвала голос. И уже спустя много лет, во взрослой жизни у нее так и остался хриплый голос. Я хорошо помню очень добрых воспитателей в этих летних лагерях, это были отзывчивые, понимающие и умные люди. Периодически к нам приезжала мама. Привозила с собой золу, брала ведро воды, забирала нас в лес и мыла голову этой золой, чтобы у нас не было вшей. Осенью из летних лагерей нас перевозили в город.

И уже после войны в беседе с мамой, я ей задала вопрос, почему она нас не отправила вместе с другими детьми в эвакуацию. Она объяснила это тем, что боялась потерять нас. И действительно, многие семьи во время войны были разъединены не только немецкой оккупацией городов, районов, сел; не только тем, что гибли родители и оставались дети, но и тем, что немцы не щадили поездов, в которых эвакуировали детей и раненых. Поезда и машины с детьми подвергались ожесточенным бомбардировкам, и родители не знали, где погибли их дети. А тех, которые выжили, размещали в детские дома или интернаты. От перенесенных стрессов многие из них забывали свое имя, фамилию, место рождения и даже имена родителей.

В военное время всем работающим раздавали хлебные карточки, которые также давали и на детей. И поскольку мама работала с утра до вечера, отovarивать эти карточки приходилось нам с сестрой.

Однажды, мы с сестрой пришли рано за хлебом, сидели и ждали, пока откроется магазин. Пришла женщина и спросила: «Что вы здесь сидите? У вас карточки? Я работаю в магазине, давайте я сама вынесу вам хлеб». Мы и отдали ей карточки, а она ушла, и больше мы ее не видели. Со слезами от обиды, я и сестра прибежали домой. Когда вечером мама вернулась с работы, сестра объяснила, что с нами произошло. Мама не стала ругать нас, но в этом месяце нам пришлось очень тяжело. Как потом я узнала, мама меняла свою одежду на хлеб, чтобы прокормить нас.

Большую роль в нашей судьбе сыграл дедушка Петр, отец моего отца, который еще во время Финской войны уехал на Кавказ. Когда в Архангельске начался голод, он забрал нас с мамой и сестрой в город Благодарный Ставропольского края. Поскольку наша бабушка умерла, он женился на другой женщине. Я хорошо помню, что в его доме из мебели был стол и деревянная лавка на пятерых человек. И все остальные воспоминания о военных годах у меня связаны с жизнью на Кавказе.

Я хорошо помню, что у дедушки был сад, где росли яблоки, груши и вкусные сливы. Когда деревья цвели, то я задыхалась от этих сладких ароматов. Но самое приятное было ожидание плодов, которые я ждала с нетерпением. Когда плоды появлялись, мы с сестрой рвали их прямо зелеными, за что дедушка нас ругал, а однажды даже и побил. Отношение с дедушкой и бабушкой складывались очень сложно. Как-то ранней осенью, когда ещё было тепло, мама подняла нас с сестрой и сказала, что мы уезжаем. Мне было очень обидно, так как я ждала урожая, и получилось, что мы его теперь не попробуем. Так мы переехали в Ставрополь.

В городе мама устроилась на работу, и мы опять целый день оставались одни. Познакомившись с детьми из ближайшего окружения, мы выходили на улицу. Они научили нас сосать глину, древесный клей. Дома выращивали картошку, но не из клубней, а из ростков. По тем временам, я могу сказать, что жили мы богато. У нас был мешок отрубей! Зимой, когда выпадал снег, самым вкусным

лакомством было «мороженное» из отрубей со снегом. Когда дома появлялся хлеб, мама делила его на двоих, мне и сестре. Я съедала свою часть сразу, а сестра делила свою часть еще на две – одну съедала, а другую оставляла. Когда же я просила еще хлеба у мамы, она говорила сестре: «У тебя же есть еще, поделись уж с сестрой», и Лёля всегда со мной делилась.

Мы с нетерпением ждали окончания войны и возвращения отца с фронта. Он пришел в 1945 году, рано утром, постучал в окно. Мама сразу поняла, что это он: «Женька!». И вот она долгожданная встреча.

Отец пришел в шинели, больной, усталый, некрасивый, как будто чужой. И я очень долго привыкала к нему снова. Но, видя, как сестра сидит у него на коленях и целует его, обнимается с ним, я попыталась подойти к нему поближе. Затем через некоторое время я взяла его за руку, и только потом села к нему на колени и обняла его. С этого момента мы с отцом стали друзьями. Я доверяла ему все свои детские секреты. Вскоре отец устроился на работу, а сестра стала ходить в школу, и я оставалась одна и мастерила себе кукол. Особенно это удобно было делать, когда на огороде поспевала кукуруза.

Игрушек у нас почти не было, но у меня был один цветной карандаш синего цвета, которым я раскрашивала всё, что рисовала: небо, солнце, людей – всё, что окружало меня.

В 1947 году я пошла в первый класс. Встреча с моей первой учительницей произвела огромное впечатление. Я сразу привязалась к ней. Ходила в школу с большим удовольствием. Первым делом по возвращении домой садилась и делала уроки, а затем помогала сестре убирать дом. В 1955 году поступила в Иноземцевское педагогическое училище. По его окончанию продолжила обучение в Ростовском государственном педагогическом институте. В 1963 году окончила институт. По распределению вместе с подругой попала на Дальний Восток, где некоторое время работала воспитателем, а затем методистом в детском саду. Отработав положенный срок, в 1967 году вернулась в город Ставрополь, где вначале устроилась на работу в детский сад, а через некоторое время, в 1971 году, перешла на работу в Ставропольское педагогическое училище.

Как и многим моим подругам, в детстве мне не хватало родительского внимания, этому помешала война. Именно поэтому я выб-

рала профессию педагога. Когда я стала педагогом, я дарила свою любовь детям, так как понимала, что любви много не бывает. Я очень благодарна своим родителям за то, что независимо от войны, они не вселяли в нас страх, несли радость жизни и надежду на счастливое мирное будущее.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 2 курса психолого-педагогического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Будко Марина Витальевна*.

Ковтуненко Владимир Егорович

Дом наш полностью сгорел

Я, Ковтуненко Владимир Егорович, родился в селе Урожайном Левокумского района Ставропольского края 17 августа 1934 года. Мой отец, Егор Назарович, 1908 года рождения, работал в колхозе «объездчиком» (охранник). Моя мать, Мария Ивановна, 1911 года рождения, работала в садах. Сады находились на восточной окраине села, в конце улице Гулая. Переходишь площадь, дальше по этой же улице, проходишь к реке Куме еще полкилометра и упираться в небольшой канал – «боевая канава». Он брал свое начало от плотины на Макушиной пристани и тянулся до самого с. Величаевского шириной примерно с километр, а там находились редкие по красоте сады. Мать занималась обработкой виноградников против болезней. Обработка выполнялась вручную, начиная от укрывания и раскрытия лозы до приготовления вина. В каждой бригаде был растворный узел для приготовления растворов, и множество людей с ручными «ранчиками» (машинками) за спиной обрабатывали виноградники раствором бордосской жидкости. Это был невероятно тяжёлый труд. Нас в семье было трое детей: старший брат Андрей 1930 года рождения, я, младшая сестра Нина 1939 года рождения. Сестре на начало войны было 3 года, и мать брала её с собой на кульстан. Няньками были либо маломощные пожилые женщины, либо девочки дошкольного возраста, а иногда она оставляла её с нами, братьями.

Первые воспоминания о войне связаны с тем, что наша мать пришла с сельского собрания и сказала нам, что началась война. С первых дней войны начали забирать мужчин на фронт. Нашего отца забрали спустя несколько месяцев. Прощаясь с отцом, мать заплакала. Отец нас всех детей обнял и поцеловал. И для нас началось тяжёлое время, так как мать всю тяжесть забот несла на себе.

Из хозяйства у нас в то время были корова и несколько овец. Необходимо было заготавливать корм. Матери стал помогать старший брат Андрей.

Немцы в село пришли в августе 1942 года. Они приехали на велосипедах и мотоциклах. Немцы жили в доме на улице Кумской (восточная часть села). Это, что касается нашей стороны села. В то время у нас было 2 колхоза: «Гигант» и «Сталин». Мы жили в «Сталине». Немцы хорошо относились к жителям села, особенно к детям. Однажды я с друзьями играл на улице, и два немца нас позвали к себе. Мы сначала испугались, чуть попятнулись назад, мы не хотели к ним подходить. Затем они подошли к нам, дали нам «сахаринки» (мелкие кусочки сахара) и повели нас в конец улицы, чтобы показать пулемет. Нам было очень интересно посмотреть на военную технику. В итоге мы подружились с этими двумя немцами. Затем они нас уже просили помочь им колоть дрова, за что тоже давали те же «сахаринки». Когда наступала ночь, жизнь в селе замирала. Была страшна стрельба и из автоматов, пулеметов. Нам было очень страшно, и мы часто уходили к соседям Федотовым или Щербининым. У Федотовых был очень большой «погреб» (подвал), где мы все собирались. Мы там были не одни, там еще были 5-6 семей.

Однажды вечером к нам пришел немец с автоматом, чтобы проверить, нет ли у нас солдат. Из окна мы наблюдали за ним. Он походил по двору, затем стал стучать к нам в дом. Двери были заперты, так как мать боялась за нас. Он настойчиво стал стучать, мать открыла. Он вошел в дом. Мать испугалась, у нее на руках была сестра, я и брат стояли рядом. Мать боялась того, что он мог остаться здесь на ночлег или вообще остановиться на некоторое время, приведя еще несколько немцев. Но вышло намного лучше. Он обошел весь дом, никого не нашел, что-то сказал по-немецки и ушел. Конечно, страху мы натерпелись много. Но в селе еще были румыны. По отношению к жителям села они были очень жестокими. Они занимались мародерством, грубо обращались с женщинами и детьми.

Один раз я шел домой, и над нашим домом кружился самолет. Из самолета шла стрельба, пули пролетали прямо над моим ухом, я упал и стал ползти. Но потом я вскочил и быстро побежал домой. Когда я вошел в дом, то увидел, что у нас загорелось сено. И у меня возникла первая мысль, что как же будет жить наше хозяй-

ство. Но оказалось ещё хуже. Из этой стрельбы загорелся и наш дом. Нас мать быстро отправила к соседям, а сама пыталась что-то забрать из дома. Дом наш полностью сгорел.

Зима 1942 года выдалась суровой. Было очень холодно, возникла проблема с одеждой и обувью. Из одежды носили шапки, фуфайки, штаны, вязаные свитера. А сапоги нам шили из шкур овечьей или коровьей – «поршни». Но их хватало ненадолго, так как от сырости они быстро рвались. Но в них был один плюс – они не промокали.

В конце декабря – начале января немцы ушли из села. И жители села себя почувствовали свободнее. Но это не облегчало жизнь урожайненцев. Из еды в основном были крупа и овощи. Мясо ели редко, в основном была птица, которую еще не успели забрать немцы. Немцы часто ходили по дворам забирали уток, гусей, куриц. Мать всегда старалась, чтобы нам что-нибудь найти покушать, а сама зачастую оставалась голодной. Но затем настало такое время, что и нам нечего было кушать. И однажды мать заставила меня идти по дворам и просить у людей еду. И так я со своей двоюродной четырехлетней сестрой Марией Стрельченко ходил по дворам и просил, чтобы нам дали покушать. А нам выносили по 1 картошке, кусочек тыквы, 1 свеклу. И с таким продовольственным запасом нам приходилось жить.

Весной 1943 года нам пришло известие, что отец пропал без вести. Его призывали вместе с соседом Федотовым. Они даже вместе служили. И от его известий мы узнали, якобы наш отец попал в отряд к «власовцам», и их забрали в плен. У нас оставалась надежда на чудо, что он еще жив и вернется домой.

И вот пришел победный 1945 год. Да, была радость, но не для всех. Для многих это было еще и горе, как и для нас. Отец наш так и не пришел с войны. И таких людей в селе, которые не дождались своих родных и близких, было много. Но конечно было радостно и за других людей, ведь они встретились с близкими. В селе был организован митинг, где объявили о долгожданной победе. Были организованы праздничные обеды. Люди радовались и веселились. Но радость было недолгой, так как впереди всех ждал непрерывный труд. Необходимо было восстанавливать разрушенное хозяйство.

Сейчас я живу в селе Урожайном со своей женой Евдокией Григорьевной. У нас двое сыновей, четверо внуков, двое правнуков.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 5 курса историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Ковтуненко Светлана Геннадьевна*.

Ковшова Надежда Михайловна

Плач стоял по всему селу

Я, Ковшова Надежда Михайловна, родилась 19 января 1936 года в селе Алексеевском Ставропольского края. У моих родителей, Архипенко Михаила Никодимовича и Матрены Семеновны, было шестеро детей: самая старшая Нина, потом Володя, Митя, Витя, Тоня и я.

Отец работал в колхозе учетчиком, мать тоже работала в колхозе (на селе другой работы и не найдешь!). Особого достатка в семье никогда не было – детей много, хозяйство маленькое. Трое детей у матери умерло, а осталось шестеро – попробуй, прокорми!

Вообще, я мало, что помню из своего детства. А в 1941 мне было всего 5 лет. Что я помню о начале войны? Плач стоял по всему селу – уходили мужья, братья, деды. Оставались только женщины и дети, да редко еще из мужчин кто – совсем немощные да больные.

Мой отец на войну не ушел. Остался в колхозе работать. «Бронь» ему не давали, наверное, не взяли на фронт по состоянию здоровья.

Самая старшая сестра, Нина, к началу войны уже вышла замуж. Ее мужа забрали на войну. Там он и погиб. А Нина так потом всю жизнь одна и прожила. Да и кому нужна была вдова? Незамужних-то братья некому было, а вдов – и подавно!

Помню еще, что немцы у наших соседей стояли, а лошади немецкие солдаты держали в нашем дворе. Так однажды лошадь отвязалась и ушла, а я пошла к немцам: «Немцы, ваша лошадь ушла!», да еще и ладони приставила к голове, как уши лошадиные, чтоб подходчивей было! А они посмеялись только, но лошадь свою поймали и назад привели.

Война не принесла никому радости. Пока в селе немцы стояли, все боялись выходить, говорить. Люди от них на чердаках и в подвалах прятались, скотину, и добро последнее старались тоже спрятать куда-нибудь. Они же мародерствовали: бывало все до лоскута последнего из сундука выгребали! Сколько детей высекли ни за что: то посмотрел на них не так, то отказался что-нибудь делать, то с работ сбежал...

А расстреливали как? Пленных солдат наших, евреев, коммунистов... Полицаи на немцев работали, ведь из местных же, из местных. Они и выдавали фашистам людей. А скольких ведь спасти можно было! Зачем было на фашистов работать? Один из семьи – полицай, другой – партизанит где-то... Судили их после войны, кого нашли. А людей погубленных никакой суд не вернет!

Что можно еще вспомнить? Тяжело это все вспоминать. Дostatка и до войны не было, а после войны – так и вовсе не стало. Братья старшие инвалидами остались – Володя ноги застудил, ходить не мог потом, а Митя вообще калекой остался.

После войны уже он с другими детьми по выгону бегал. Где-то там они нашли снаряд неразорвавшийся. А дети – они же везде дети. Решили снаряд этот разобрать, интересно же, что внутри. Прогремел взрыв. Мите глаз выбило и руку оторвало, других осколками посеколо. А он еще орду эту в больницу за собой повел. Мама так рассказывала: «Казаковал Митька, ох казаковал! У самого рука на жилах болтается, а он этим командует: «За мной, в больницу!», откуда силы взялись!»

Я сама младшая в семье была, меня жалели все, старались что-нибудь мне получше дать. А дать и нечего было – все полуголодные, полураздетые.

Кто в таких условиях выживет? У хороших хозяев и собака в теплой конуре зимует, а мы тогда хуже собак жили: грязные, завшивленные. А сколько болезней тогда было – и не перечить. Лечились сами, да по знахаркам ходили, ни таблеток, ни порошков никаких у нас не было. Сколько людей тогда от ангины умерло, от воспаления легких, от тифа.

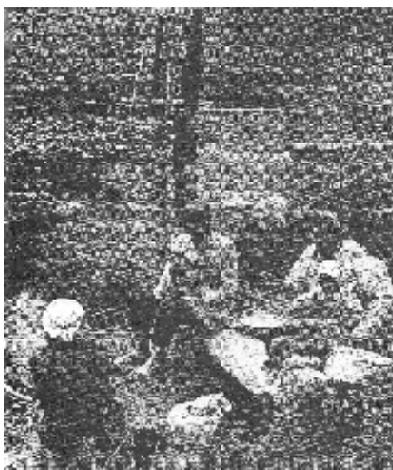
После войны я в школу пошла, а те, кто до войны хоть один, хоть два класса закончили, в основном, дальше не учились – как начали в войну работать, так и работали без учебы.

Я хоть и маленькая в войну была, а запомнила, что нет в ней радости, и не будет никогда. Когда похорожки приходили, кто плакал, а кто – нет. У каждого свое горе, своя беда. Каждый по-своему все принимал и понимал.

Мы, дети, не знали, что это такое война, но интуитивно понимали, что слово это несло в себе какую-то беду, горе великое. А по-

том, когда она закончилась, радовались все тоже по-разному. И победа для каждого своей была...

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 5 курса психолого-педагогического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Ковшиова Елена Васильевна*.

Кошелева Светлана Леонидовна

Состояние страха не покидало нас ни на минуту

Я, Кошелева Светлана Леонидовна, в девичестве Безугольная, родилась 24 апреля 1936 года. До войны жила в городе Баку. Затем, в 1938, вместе с мамой переехали в город Ставрополь.

Первые мои воспоминания о войне начались со страшных бомбардировок города. Это была осень. Во дворе у нас росло огромное дерево, которое было усыпано тутовником. Там всегда собиралось много детворы. Значит, один залазил на дерево и тряс ветку, а остальные собирали ягоды и ели. И вот однажды, сидя под тутовником, мы услышали страшный гул самолетов. Их было очень много, да еще они летели так низко, что казалось вот-вот зацепят крышу дома. От нашего дома недалеко находилась железная дорога. Там всегда проходило огромное количество поездов. И вот тут как раз началась бомбежка.

Немцы, подожгли вагоны, в которых было топливо, и они горели, да так сильно, что казалось, сторим и все мы. Когда немцы бомбили, мы прятались у бабушки. У бабушки был погреб, и в этом погребе была яма для картошки. Помню, в первую бомбёжку, она схватила нас детей и потащила в этот погреб. А нас было пятеро: я, мои двоюродные брат и сестра, соседские дети, и мы все залезли в эту яму. И еще сверху бабушка накрыла нас матрасом, но все равно мы слышали эти кошмарные взрывы. Когда же все стихло, мы вылезли на улицу и увидели, что все кругом горело. У нас был огород, где росла кукуруза. Куда мы тоже прятались. Таким образом, получалось, что днем мы прятались в кукурузе, а ночью в погребе. И вот, когда мы поняли, что Красная Армия оставила город, и немцы приближаются к Ставрополю, мы (наша семья и соседи) пешком пошли в село Надежду. В основном, это были женщины, дети и старики, так как большинство мужчин ушло на фронт.

Как говорится, мир не без добрых людей. В селе Надежда нашлись люди, которые приютили нас на несколько дней. Но нужно

было возвращаться домой. Когда мы с мамой подошли к нашему дому, то увидели, что у нас под деревом стоит немецкая машина. Но как не странно немцы в дом не заходили, а спали, ели в машине. Они как-то к нам относились спокойно, не трогали нас. Мы очень боялись пушек, которые находились в соседнем огороде. Думали, что вот-вот начнут стрелять по нашему дому. Но через несколько дней немцы уехали. Однако через некоторое время к нам подселили одного из них. Он оказался добрым человеком. По утрам ему выдавали поек, это был бутерброд, который он отдавал мне. Если бы не огород, то мы все бы умерли от голода.

Самые яркие воспоминания у меня о войне это о бомбёжке города. Когда наступала ночь, и мы ложились с мамой спать, слышали страшный гул самолёта. Мы тут же подскакивали и бежали прятаться в погребе. Состояние страха не покидало нас ни на минуту. Когда немцы должны были отступить, мы все ждали солдат Красной Армии в подвале. То один выйдет, посмотрит, идут ли солдаты Красной Армии, то другой. И тут вот наконец-то кто-то сказал: «Наши идут!».

Когда пришли красноармейцы, все обнимались, целовались, было столько радости, ну, это невозможно передать словами! Я слышала, как соседские женщины говорили маме: «Пойдём на мельницу, фашисты, отступая, взорвали её, и теперь там много отрубей». Когда мама принесла отруби домой и испекла первые лепешки, для меня это было большим праздником за весь период войны. Я, наконец-то, наелась отрубных лепешек. Далее из этих отрубей мама пекла лепешки для солдат Красной Армии, и мы с удовольствием угощали их ими. Мы сами голодали, но мама красноармейцам отдавала всё последнее.

Помню, чтобы отопить хату зимой, ездили в лес за дровами. Брали одну тачку на двоих. Воду доставали из колодца. Купались редко, так как не было мыла. На всю семью был один гребешок, которым мне иногда расчесывали волосы. Из одежды у меня было одно платье, которое мама стирала ночью, а утром надевала на меня. На холодный период времени у меня было старое пальто, шапка и старые валенки. Самым большим желанием на тот момент у меня было – съесть кусочек настоящего хлеба. Для меня это было чем-то недостижимым. Когда кончилась война, мы всё равно продолжали питаться кукурузой, травой. Делали из травы калачики, лепёшки. Постоянно были голодные, очень хотелось есть. Нас спасали небольшие запасы картошки. Брали сковородку,

подогревали её, добавляли чуть воды и потом раскладывали в неё картошку. Таким образом, получалась пареная картошка.

В 1944 году я пошла в первый класс. Было голодно и холодно, не хватало чернил, бумаги, но в школу я ходила с удовольствием. Это была женская школа №33, которая находилась на улице Маяковского.

В 1945 году я закончила 10 классов. После окончания школы я устроилась на работу на комбинат Горместпром, где проработала 6 лет вязальщицей. В молодости я очень любила петь, танцевать, была очень музыкальная, посещала кружки самодеятельности. Однажды, мы с подругами пели на конкурсе художественной самодеятельности, где в жюри были представители Ставропольского музыкального училища. После прослушивания мне предложили поступать в музыкальное училище по классу вокала. В 1960 году я так и сделала. После окончания музыкального училища я работала в начальной и общеобразовательной школе учителем музыки, а затем в музыкальной школе при хоровом обществе, где меня заметили и в 1973 году пригласили на работу в Ставропольское педагогическое училище, где я проработала до пенсии.

Далеко ушли «сороковые-роковые». Но, мне кажется, не случайно молодёжь всё чаще соприкасается с теми, кто стал её очевидцами. Мы не хотим, чтоб повторилось испытанное старшим поколением, нашими дедами и прадедами. Сейчас мы всё чаще слышим, что народы не хотят войны. Конечно, не хотят. Наверное, поэтому мне вспомнилась строки из стихотворения Юлии Друниной:

«Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне...»

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 2 курса психолого-педагогического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Ерёменко Маргарита Александровна*.

Куликова Таисия Анатольевна

Всегда уроки начинались с пения гимна нашей страны, который звучал как молитва о Победе

Я, Куликова Таисия Анатольевна, (девичья фамилия Погорелова) родилась в 1934 году в городе Серноводске Грозненской области. Перед самой войной я и моя семья переехали в станицу Троицкую Ставропольского края, там я вместе с семьей провела все свое детство и 5 страш-

ных военных лет. Родители работали в колхозе, дом у нас был деревянный и старый.

Папа, Погорелов Анатолий Романович, 1912 года рождения работал электриком, был очень трудолюбивым и умным человеком. Когда что-то случалось с электричеством, от домашней проводки до промышленных электроагрегатов, всегда в первую очередь все спешили за помощью и советом к нему. Отец никогда не отказывал никому и всегда был готов помочь. Но, однажды ночью, выполняя работу на высоте, он сорвался и получил тяжелую травму. В результате чего получил 3 группу инвалидности, это сыграло большую роль в том, что его не призвали в первые дни войны на фронт.

Моя мама, Погорелова Анна Алексеевна, родилась в 1914 году. Всю свою жизнь она проработала полеводом. Во время войны мать работала, не покладая рук. Все, что собиралось с полей, отправляли на фронт, оставляя себе самый минимум. Детям тоже приходилось нелегко. Утром они ходили в школу, а после занятий помогали взрослым.

Мой брат Виктор родился в 1940 году. Он часто плакал от голода и холода, а я утешала его и играла с ним. Для него я была и мамой, и папой. Мы с братом сами готовили еду, сами содержали дом, ухаживали за скотом и старенькой бабушкой. В огороде у бабушки росла кукуруза и тыква, ими всю войну и спасались от голода.

В годы войны очень большую помощь нашей семье оказывал сельсовет. Мы получали паек по карточкам и кое-какую одежду. Если бы не эта помощь, не знаю, выжили бы мы или нет...

В своих воспоминаниях особо хотелось отметить труд моей мамочки.

К началу войны мне уже было 7 лет, и я хорошо помню, как уходили на фронт отцы, старшие братья. Рвались и мальчишки в бой, осаждая военкоматы. Срочно перестраивали работу заводы, фабрики колхозы, все учреждения.

И с первых же дней войны, преодолевая огромные трудности, все женщины нашей округи заменили своих мужей, отцов и братьев у станков. Их труд золотыми буквами вписан в героическую летопись истории нашей Родины.

В нашем поселке, да и, наверное, повсюду в нашей стране рядом со старшими братьями и сестрами трудились самые юные граждане нашей страны – школьники, их посылали туда, где нужна была помощь старшим. Мы, школьники, с раннего утра помогали взрослым: весной сажать, летом полоть, а осенью убирать урожай, заготавливали и перевозили корм для скота, ходили в лес за дровами.

Кроме того, что я работала в поле, мы с остальными детьми пилили дрова, помогали ухаживать за колхозным скотом; возили сено, солому на лошадях, затем сами разгружали телегу и складывали корма. У меня постоянно болели руки и спина. Было очень тяжело, но шла война, и в это нелегкое время все испытывали невероятные трудности. Во время немецкой оккупации у нас в доме не было электричества, его заменила нам лучина. Воду мы носили из колодца. Купала нас мама очень редко, так как мыться было нечем.

В 1943 году нашего папу, двух его братьев, Сергея и Ефима Романовых, забрали на фронт. Отец часто писал письма с фронта, где подробно описывал свое состояние и события, происходящие вокруг. Из писем всем в семье становилось понятно, как тяжело и страшно было там, на фронте.

Немцы обошли наш посёлок стороной. Зимы были холодные, температура понижалась до 30 градусов, но, несмотря на холод и войну, дети продолжали ходить в школу. Хотя в классах было очень холодно, уроки не отменялись. В 1943 году я пошла в первый класс.

Моя учительница, Галина Петровна, была очень добрая и хорошая. Она всегда согревала меня своими теплыми словами, и всегда хотелось идти на ее уроки. В зимние долгие вечера учительница занималась с нами рукоделием и организовывала различные игры.

Галина Петровна появилась в нашем селе летом 1942 года. Она была комиссована из Красной Армии. На фронте она была медсестрой, которая получила ранение и стала учителем в сельской школе. Мы всей школой рисовали рисунки и собирали, что могли для посылок, которые отправляли на фронт, чтобы хоть чем-то подбодрить солдат на передовой. Наша учительница приносила из дома теплые носки и махорку, говорила, что это очень нужно нашим солдатам.

Она много рассказывала о фронтовой жизни, говорила, как страшно было видеть немецкие грохочущие танки, снаряды и бомбы. Много страшного видел этот человек, но в ее сердце остались тепло и нежность, которые она с радостью дарила нам. В классе я была самой маленькой по росту, поэтому она относилась ко мне очень трепетно, ласково называя Таичкой.

Именно благодаря ее настойчивому характеру у каждого ученика была тетрадь и много учебников. У нас была возможность получить полноценное образование, несмотря на военное время.

Даже в страшные годы немецкой оккупации Галина Петровна привила нам любовь к Родине. Всегда уроки начинались с пения гимна нашей страны, который звучал как молитва о Победе.

Из всех моих родственников, ушедших на фронт, с войны вернулся только мой отец, больной и израненный. Работать он не мог, поэтому с его возвращением жизнь нашей семьи не изменилась.

В 1953 году я закончила 10 классов и поступила в Сев.-Кав.ГПИ в городе Орджоникидзе (ныне Владикавказ). В 1957 году окончила институт и по направлению поехала на работу в Чечено-Ингушскую АССР город Малгабек, где проработала до 1968 года учителем географии в школе. В 1968 году я переехала в город Ставрополь в связи с назначением мужа. Работала в интернате для детей-сирот, в средней школе №18, а в 1975 году устроилась на работу в Ставропольское педагогическое училище, где проработала до 1985 года включительно, затем ушла на пенсию.

Мое детство было очень тяжелым, но я вспоминаю о нем с особым теплом.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 2 курса психолого-педагогического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Ширяева Ксения Олеговна*.

Немашкалов Владимир Владимирович

Голодное послевоенное детство

Я, Немашкалов Владимир Владимирович, родился 28 сентября 1942 года в селе Ремонтном Ремонтненского района Ростовской области. Моего отца и всех его братьев мобилизовали с первых дней войны в Красную Армию.

Жили мы на окраине родового села. Ничем не привлекательное степное село, но бои за него были тяжелые. Мать вспоминала, как, запеленав меня, уносила в сад, где была выкопана глубокая яма. Сверху набрасывала ветки деревьев и оставляла меня под присмотром 2-х летней своей дочери.

Часто вспоминаю время оккупации. Из рассказов матери, хочется отметить страдание людей от набегов банд, когда фронт продвинулся к Сталинграду. Через наше село проходили немцы, румыны. На хуторе было оставлено два пожилых немца-инвалида для поддержания немецкого порядка, которые редко его посещали и относились к жителям хутора сносно. В основном они объявлялись, когда проходили немецкие войска к Сталинграду. Иногда предупреждали об опасности, грозившей хуторянам от немецких вояк. Большую опасность для местного населения представляли румыны и калмыки воевавших на стороне немцев. Последние не только забирали все продукты и вещи, но и издевались над жителями хутора. После разгрома немцев под Сталинградом село было освобождено от немецкой оккупации, но жизнь не улучшилась. Не улучшилась она и после окончания войны.

Голод еще можно хоть как-то оправдать в военное время, но как оправдать голод людей, которые выращивали хлеб, производили мясо, молоко, шерсть и другие продукты?

С какой радостью мы встречали весну и не потому, что тепло, а в первую очередь из-за возможности досыта поесть мяса. Дело в том, что в степной зоне много сусликов, а это прекрасное мясо. С

другими малышами, взяв ведра и кружки, отправлялся их ловить. Набрал воды в лужах, выливал ее в нору. Суслик лез из норы, и его надо было хватать руками. Если чуть-чуть зазевался, суслик прокусывал палец или ладонь, да так, что отцепить его было невозможно. Когда заканчивалась вода в лужах, продолжали ловить петлями, капканами всю весну и лето, пока они не залегали в спячку, тогда мы опять переходили на полуголодное существование.

Мне было 5 лет, когда я первый раз пошел в школу вместе со старшей сестрой, но учеба заканчивалась с наступлением холодов. В школу ходил босиком: не было обуви, а школа была одна за три километра в соседнем селе на весь район. Обучение после семи классов было платное, поэтому о среднем образовании не могло быть и речи, а мне очень хотелось учиться. Учеба мне давалась легко, ведь я в пятилетнем возрасте уже читал все подряд, что попадалось под руку: всевозможные учебники, журналы, книги, газеты, не всегда понимая суть написанного.

Вместе с 6 - 7 летними малышами каждое лето пас скот или овец, а взрослые в это время работали в поле. После окончания семилетки пошел работать в совхоз. Начиная с двенадцати лет, уже работал прицепщиком на тракторах у взрослых.

Отец воевал с первых до последних дней войны. После войны работал бригадиром тракторно-полеводческой бригады, но по состоянию здоровья ему пришлось оставить эту работу. Перешел работать слесарем механических мастерских. Естественно, семья постоянно испытывала финансовые трудности, поскольку у отца нас было семеро детей.

И тем не менее судьба была благосклонна ко мне. Начав трудовую деятельность с неполных 16 лет разнорабочим, окончил училище механизации и вернулся в совхоз работать механизатором. Дважды (1959 и 1960 г.) по направлению убирал хлеб в Казахстане. К моменту призыва в армию (1962 г.) имел квалификацию - тракторист машинист широкого профиля первого класса. Во время службы был ранен, после долгого лечения в госпитали, комиссован со службы, получил инвалидность и работать механизатором по физическим данным не смог, работал учетчиком, бригадиром тракторно-полеводческой бригады, агрономом отделения, главным агроно-

мом хозяйства, главным агрономом района, заместителем начальника управления сельского хозяйства, начальником управления сельского хозяйства, Председателем районного агропромышленного объединения, начальником отдела Министерства сельского хозяйства края, начальником земельного департамента.

Женат, имею трех детей и пять внуков. Избран членом корреспондентом международной академии аграрного образования. Награжден тремя бронзовыми, одной серебряной и одной золотой медалью ВДНХа, медалями «За освоение целинных и залежных земель», «Ветеран труда», орденом «Знак Почета», множеством почетных грамот и приветственных адресов.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь к.и.н., доцент кафедры истории и права Ставропольского государственного педагогического института *Немашкалов Павел Григорьевич*.

Нестерова Таисия Федоровна

**Я для себя четко решила помочь Родине
любыми средствами**

“...Да разве об этом расскажешь
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!”

М. Исаковский

Я, Нестерова Таисия Федоровна (в девичестве Верзилова), родилась 18 ноября 1925 года в селе Труновское Труновского района Ставропольского края в семье сельского механизатора. Наша семья состояла из четырех человек. В 1930-е годы на Ставрополье пришла коллективизация, и семья была вынуждена переехать. Новым местом жительства был выбран поселок Большевикская искра Прикумского района. В 1932 году я пошла в 1 класс начальной школы поселка Б. Искра. Училась добросовестно, прилежно, в виде поощрения была награждена путевкой в пионерский лагерь.

Отец, Верзилов Федор Тимофеевич, был высококвалифицированным механизатором сельхозработ, и его по «брони» оставили в селе трудиться в тылу. Мать, Верзилова Евдокия Яковлевна, была домохозяйка и принимала активное участие во всех сельхозработах.

В 1941 году началась война. Я узнала о начале войны, будучи дома с родителями. Они находились в комнате, когда из черного круглого редуктора раздались эти страшные слова. Родители долгое время сидели молча и были потрясены услышанным. Я не представляла себе ясно того, что услышала, не знала, что такое война, но поняла, что произошло нечто чрезвычайное и страшное.

В сложнейших условиях военного времени решало свои задачи сельское хозяйство страны. Немецко-фашистские захватчики лишили в 1942 году главной хлебной житницы страны – Северного Кавказа. Война оторвала от сельскохозяйственного производства наибо-

лее трудоспособную и квалифицированную часть работников. Большинство колхозников-мужчин были призваны на фронт или направлены на другие работы. В деревнях остались в основном женщины, дети и старики, которые и составили большинство всей рабочей силы в сельском хозяйстве. И без того низкая производительность труда в сельскохозяйственном производстве страны претерпела дальнейшее понижение. Я для себя четко решила помочь Родине любимыми средствами.

В 1942 году немцы начали захватывать территорию и Ставропольского края. Для того чтобы остановить врага, многие жители поселка были мобилизованы на строительство оборонительных укреплений, в частности на рытье окопов. Среди прочих была и я, в то время еще ученица средней школы. На тыловые работы попала в Минераловодский район, село Сабля. Что испытали мы, молодые люди, работая в тылу, трудно представить и рассказать...

Основным занятием было рытье окопов. Мы рыли их в основном зимой, так как летом трудились на сельхозработках. Взрослые и дети работали в тяжелейших условиях: было жутко холодно, мы недоедали и недосыпали. Отдыхали немного в холодных помещениях – бывших конюшнях, на полу которых местами была настелена солома. Рабочим инструментом были лопаты и ломы, которые были тяжелы и отскакивали от промерзшей земли. К концу смены женщины и девушки были очень уставшими и падали без сил.

Я до сих пор с трепетом вспоминаю один из эпизодов, который случился во время рытья окопов. В небе внезапно показался самолет, летевший над нами. Мы криками и приветствиями обратили на него внимание. Но внезапно самолет начал снижаться, летчик открыл стрельбу из пулемета. Оказалось, что это был вражеский самолет. И только по счастливой случайности никто не погиб и не был ранен. Так впервые мирные люди, труженики тыла, соприкоснулись с ужасами войны. Строительство оборонительных укреплений велось вплоть до освобождения Ставропольского края от фашистских захватчиков.

В августе 1945 года я познакомилась с будущим мужем, фронтовиком Нестеровым Алексеем Максимовичем. Алексей Максимович прошел долгий военный путь. Он начал войну на территории Ставропольского края и дошел до Берлина. За свою героическую и

мужественную борьбу на фронтах Великой Отечественной войны был награжден множеством медалей и орденов, среди которых орден Великой Отечественной войны, медаль «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина» и др. Мой муж во время войны был несколько раз серьезно ранен.

Я с тяжелым чувством вспоминаю и сегодня те страшные годы, очевидцем которых была сама. Я горжусь подвигом русского народа, который выстоял и победил!

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь к.и.н., доцент кафедры истории и права Ставропольского государственного педагогического института *Нестеров Алексей Сергеевич*.

Останькович Владислав Анатольевич

От голода спасали стихийные рынки

Я, Останькович Владислав Анатольевич, родился 7 января 1938 года в Грозненской области станице Савельевской. Папа, Анатолий Александрович, был директором школы, мама, Галина Ивановна, работала учителем. Жили всей семьей в квартире, которая находилась при школе. В начале войны немцы очень быстро захватывали территории Советского союза, и поэтому в сентябре 1941 года родители решили переехать в город Ставрополь к моей бабушке.

По приезду в город Ставрополь отца взяли на фронт. Так, бабушка, бабушкина сестра, бабушкин брат, дедушка, мама, я и четверо детей стали жить в Ставрополе на улице Челюскинцев (сейчас улица Лопатина). 3 августа 1942 года немцы пришли в город Ставрополь.

Первые воспоминания о войне у меня связаны с фашистской оккупацией города. Магазины и больницы не работали. Людям было нечего есть, перебивались все как могли. У нас было небольшое хозяйство (корова и куры) и сад, где росли яблоки, груши, сливы. Мы выращивали картофель, подсолнухи и кукурузу, а потом на самодельной мельнице перемалывали её в крупу.

В холодные зимы необходимо было топить печь. Так как угля не было, маме, мне и братьям приходилось идти в лес собирать траву и дрова. Иногда моя мать собиралась с соседскими женщинами, они разговаривали о довоенной жизни и щелкали семечки. Потом мама сметала всю шелуху и клала в печь. Когда шелуха горела, она образовывала массу, которая остывала долгое время. Тепла от шелухи нам хватало на всю ночь.

В период оккупации магазины в Ставрополе не работали. От голода спасали стихийные рынки, на которых люди могли обмениваться товарами. Наша корова отелилась, и мы обменяли теленка на

спички, мыло, керосин и свечи. Я хорошо помню, как я переживал и плакал, когда мама уводила со двора теленка.

В городе не было ни света, не радио. Фашисты приказали сдать радиоприемники и все оружие, которое хранилось в доме. Мой дед и отец, да и впоследствии я сам были охотниками, и у нас было старинное ружье. Мама не понесла в комендатуру сдавать ружье. Она смазала его оружейным маслом, завернула в бумагу, потом в тряпку, а потом в брезентовый плащ, затем мы выкопали в огороде яму и закопали ружье туда.

В то время многие советские люди переходили на сторону фашистских оккупантов. Наш сосед Корниенко пошел в штаб и сказал немецкому офицеру, что у него по соседству живет семья большевиков, что мой отец – советский офицер и что у нас в доме хранится ружье. Через некоторое время к нам домой явились немецкий офицер и несколько солдат. Офицер начал спрашивать, где ружье и почему мы его не сдали. Мы очень испугались, так как если бы у нас обнаружили оружие, то всю семью немедленно бы расстреляли. Мама ответила ему, что ружья в доме нет, и что мы обменяли его на рынке на спички, мыло, керосин и свечи. Он попросил показать ему все это. Мы подошли к кладовке. Там лежало несколько свечек, бидон с керосином, спички и мыло. Ну, поверил он или нет, мы не знаем. Может быть, он пожалел нас и не стал производить дальнейших действий.

После этого у меня появился вечный страх. Мы боялись, что ночью в любой момент могли прийти немцы с проверкой и обнаружить оружие, а потом расстрелять всю нашу семью. Было страшно не только ночью, но и днем. Моей мечтой было завершение войны, а еще я очень хотел, чтобы вернулся отец.

У нас был огород, который находился в черте города, но немцы туда не пускали и не разрешали собирать урожай. Огороды охранялись полицейскими – советскими гражданами, перешедшими на сторону фашистов. Немцы жили в больших машинах, которые стояли вдоль дорог.

В городе фашисты проводили «чистки». Из разговора моей матери с соседкой я узнал о том, что в городской психиатрической больнице немцы выстроили в ряд всех больных, врачей и медсестер. Они предложили врачам отойти от больных и тогда они оста-

нутя в живых, но врачи остались стоять на местах. И их расстреляли вместе с больными.

Немцы отлавливали евреев и цыган. По городу ездили машины «душегубки» – крытые грузовики, у которых выхлопная труба выходила не наружу, а в кузов. Фашисты заталкивали людей в «душегубки» и они задыхались. Каждый вечер из леса возле Холодных родников доносились звуки пулеметной очереди. Мне и моим друзьям стало интересно узнать, что там происходит, и мы отправились в лес. Там мы увидели, как немцы вытаскивали тела людей и сбрасывали их в ров. Некоторые еще были живы, но фашисты расстреливали их из пулеметов и засыпали землей. Нам хотелось помочь им, но мы не могли, потому что всех, кто пытался подойти туда, сразу расстреливали.

Вокруг города Ставрополя располагались цыганские таборы. Немцы окружали их, расстреливали цыган и уничтожали все имущество, а потом советские солдаты, которые были взяты в плен во время оккупации, должны были закапывать тела.

21 января 1943 года я увидел, что фашистские войска подняли шум и, бросив все, внезапно покинули город. Рядом с нашим домом располагалась немецкая кухня. Работавший в ней немец бросил свой кипельно белый фартук, колпак и тесто, которое он замешивал, надел военную форму, побежал в машину и уехал вместе с ними. Наша семья и все соседи бросились с ведрами на кухню и стали растаскивать еду и тесто. Из этого теста мы напекли вкусные хлеб и булочки.

Город опустел, на улицах было тихо. Нам было очень страшно. Когда в город Ставрополь пришли советские войска, жизнь не стала лучше. Ставрополь был полуразрушен, по-прежнему людям было нечего есть. Но со временем жизнь начала налаживаться.

Вскоре вернулся отец. Он, прежде всего, откопал ружье. Оно осталось в целости и сохранности, даже не проржавело. Он был благодарен маме за то, что она сохранила его. После смерти отца оно перешло ко мне и хранится у меня как семейная реликвия до сих пор.

В 1942 году я пошел в школу № 5 города Ставрополя, которую успешно закончил. В 1955 году я поступил в педагогическое училище, по окончании которого в 1959 году был направлен на Украину в город Стаханов в школу-интернат на должность учителя русского языка, литературы и истории, потом стал старшим воспитателем, а пос-

ле директором этой школы-интерната. В 1969 году был назначен на должность директора педагогического училища города Стаханов. Я женился, родилось двое сыновей. Жена, Зоя Андреевна, работала со мной в педагогическом училище учителем педагогики и психологии. В 1987 году мы вернулись обратно в город Ставрополь к моей матери, и стали жить в том доме, в котором жили в годы войны.

На работу мы с женой поступили в Ставропольское педагогическое училище. Я стал преподавателем русского языка и литературы. Через год меня перевели на работу в школу-интернат на должность директора. Затем школу-интернат расформировали на интернат семейного типа и школу №32, в которой я стал директором.

Когда я пошел на пенсию, мне предложили стать председателем Совета ветеранов Октябрьского района г. Ставрополя и с 2003 года я нахожусь на этой должности.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 2 курса психолого-педагогического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Панкова Анастасия Сергеевна*.

Пшеничная Мария Андреевна

Радость была на грани с сумасшествием

Я, Пшеничная Мария Андреевна (в девичестве Стрельцова), родилась 1 марта 1935 года в Могилевской области Пропойском районе хуторе Хомино. В нашей семье было пятеро детей, я самая младшая. В 1939 году семья переехала под Новосибирск.

Мы узнали о начале войны из сообщения на радиоточке, которая находилась недалеко от нашего дома. Ощущение страха войны пришло тогда, когда папу, Стрельцова Андрея Спиридоновича, и старшего брата Владимира забрали на фронт. Мы очень плакали, переживали за них. Особенно мама, Фекла Кузьминична, ведь брат ушел на фронт, едва закончив 10 класс. Мы еще долго ходили на дорогу и смотрели борозды, которые оставили телеги, на которых увезли призванных в армию.

Брат воевал под Смоленском, в апреле 1942 года он прислал свое единственное письмо, а в мае того же года пропал без вести. В 1943 забрали на фронт старшую сестру Евдокию и еще одного брата Ваню. Горе переполняло наш дом, так как из большой семьи, в которой я родилась, мы остались с мамой вдвоём. Было очень страшно.

Мама много работала. Очень часто я оставалась одна и иногда уходила к соседям, где жила бабушка и двое внуков, с которыми я играла. Вот так заиграешься и засыпаешь, а мама после работы приходила и забирала меня домой. Иногда было так, что я не виделась с мамой целыми неделями, потому что когда я просыпалась, её уже не было. Я одевалась, ела, что оставляла мама на столе и выходила на улицу.

В 1942 году я пошла в школу. Очень далеко приходилось добираться до нее, зимой даже на лыжах ездили. Не хватало одежды, обуви. На несколько человек были одни валенки, вот ты приходишь, разуваешься, и эти валенки одевал кто-нибудь другой и шел по своим делам. А если нужно было быстро выскочить на улицу, то и босиком выбегали. Чтобы добыть чернила и бумагу, я и весь мой класс с учителем летом и осе-

ню в близлежащих лесах собирали ягоды и продавали в городе. Когда чернил и бумаги не было писали свекольным соком на газетах.

Весной и летом переходили полностью на «подножный» корм: все, что было на земле, на деревьях, в лесу ели. В 1943-1945 годах мы с учителем помогали взрослым сажать картошку, ухаживать за ней и собирать. Потом весь урожай сдавали на приемный пункт, где все отправляли на фронт. Мы жили единой мыслью о том, что все, что происходит вокруг так или иначе помогает приблизить победу.

На нашей улице почти в каждый дом пришла похоронка. Не миновала она и наш дом. Общее горе очень объединяло нас с соседями и друзьями, работали вместе, плакали вместе. В школе на переменах, чтобы не думать о еде, мы старались играть, петь песни вместе с учителем. Один раз в четверть каждый приносил из дома все что мог, для того чтобы собирать общую посылку раненым. Вместе с учительницей мы относили эту посылку и выступали с небольшими концертами. Сейчас это представляется наивным, но тогда мы верили, что каждый из нас вносит свою лепту в победу над врагом.

Школу топили дровами. Дрова привозили на тракторе, сбрасывали и оставляли большой кучей. Все ученики начальной школы, в том числе и наш класс, выходили и складывали дрова. А ученики старших классов распиливали и складывали поленицу. Конечно, дров не хватало до конца зимы, так как в каждом классе была одна печка, которую топили один раз, рано утром, а поскольку в зимнее время мы находились в школе целый день, то к вечеру конечно замерзали. Чтобы согреться, прижимались друг к другу. Если у кого-то в кармане обнаруживался сухарь или еще какая-нибудь еда (картофелина, горсточка кукурузы или просто зерна) делили на всех. Иногда кому-то не доставалось, тогда обида переполняла, слезы захлестывали, стоял дикий рев. Учительница, как могла, успокаивала нас. На этот случай у нее находилось всегда какое-нибудь утешение. «Обиженные дети» переставали плакать и тут же начинали играть.

Иногда во взрослой жизни я часто думаю, каким сердцем и какой душой должна была обладать моя учительница, которая находила доброе слово для каждого ребенка. Во время войны мы практически не болели, что сегодня звучит странно. И когда кто-то не приходил в школу, то это было самым страшным испытанием для оставшихся. Все молчали, но понимали, что к этому ученику пришла похоронка. И еще мы не рас-

спрашивали друг друга о тех родственниках, которые были на войне, потому что понимали, если у меня хорошо и пришло письмо от отца, братьев и сестры, то у кого-то в этот момент было очень плохо, потому что не было писем, или еще хуже – пришла похоронка.

Об окончании войны услышали из репродуктора. Радость была на грани с сумасшествием. Вернулись домой сестра Евдокия и брат Иван. Отец был в плену, поэтому приехал в сентябре 1945 года больной, обессиленный, со стекляшкой вместо одного глаза. Прожил еще несколько лет и в 1954 году умер от рака.

В 1949 году я закончила 7 классов и поступила в Новосибирское педагогическое училище. В 1953 году закончила его и стала работать воспитателем в детском саду от завода Сибсельмаш. После смерти отца всей семьей мы переехали в город Томск, где я работала в одном из городских детских садов. В 1957 я вышла замуж и переехала на родину мужа – город Ставрополь, где также начинала работу воспитателем. В 1970 году поступила на заочное отделение Ростовского государственного педагогического института, одновременно с этим я работала в Крайно, в краевом отделе народного образования. В 1974 перешла на преподавательскую работу в Ставропольское педагогическое училище, откуда, собственно, и ушла на пенсию.

С военной поры прошло много лет, но воспоминания живы. Я храню единственное письмо с фронта старшего брата Владимира и другие фотодокументы, которые стали для меня реликвией.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 2 курса психолого-педагогического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Панкова Анастасия Сергеевна*.

Рыбаков Владимир Борисович

Испытание на прочность всех и вся

Я, родился 19 февраля 1933 г. В Пензенской области. Я и моя младшая сестренка Валюшка остались без мамы. Под свое, так сказать, крыло взяла нас бабушка. В те времена это был огромный подвиг – воспитание детей-сирот. Как бы ни было трудно нам, она всегда нас окружала добротой и заботой. Вообще, моя бабушка была святым человек. Мы часто слышали, как соседи ласково называли ее мама Саша.

Бабушка была старенькой и потому все заботы о младшей сестре ложились на мои плечи. Утром я будил ее, одевал, умывал и даже кормил, так как бабушка просыпалась раньше, чем я и сразу начинала заниматься хозяйством. Будучи взрослым человеком, я часто думал о том, что мы с сестрой не видели, что и когда она ела. Я ей очень за все благодарен.

У нас была корова, которая спасала от голода не только меня и сестру, но и соседских детей. Но чтобы прокормить эту корову, нужно было заготовить сено. Летом 1943 года, когда мне исполнилось 13 лет, я уже умел косить траву наравне со взрослыми. А до этого я помогал бабушке собирать траву для коровы, пасти её, выкапывать картофель и собирать колоски на колхозных полях. Работы нужно было делать много, очень сильно уставал. Но, однако, школу посещали регулярно.

Помню, было очень много раненых. Мы ходили проведывать их, приносили им что-нибудь из еды, расспрашивали о фронте. Словом, мы жили их жизнью, а они нашей.

Одежды не хватало. Приходилось одевать то, что приносила бабушка. В основном это была одежда, которую отдавали соседские женщины. Чтобы сберечь единственные кирзовые сапоги, доставшиеся мне от соседа, ушедшего на фронт. В тёплое время года приходилось ходить босиком. Раньше, часов практически не было

ни у кого, но когда солнце начинало светить в макушку, то это значило что пора идти обедать. Вот и ждешь, когда же солнышко просигналил это время.

После обеда опять шли работать: в теплое время года – на огород, в холодное – выполняли разные поручения по дому, поэтому времени на развлечение не хватало. Очень часто зимой, чтобы отапливать дом, приходилось идти в сухостой и пилить там деревья. Брали, значит, салазки и впрягались в них с соседскими детьми, шли в лес, а он находился в 10-12 км от деревни. Вот напилишь там веток и обратно везешь, ноги, бывало, подкашивались от усталости, но все равно продолжали идти, потому что знали, что на нас лежит ответственность за семью, за дом. Мы очень рано становились мужчинами, ограждая своих бабушек, мам от тяжелой работы, брали ее на себя. Кроме работы по дому, нужно было ходить на работу в колхоз.

Во время войны и после нее всех детей отправляли в ремесленное училище, где они получали профессии токаря, слесаря. Но при нашем трудном положении бабушка не могла отпустить меня, и потому мне пришлось закончить 10 классов в нашей районной школе, после окончания которой я поступил в Горный институт в городе Пенза, затем армия. И я попал служить на Северный Кавказ. Отслужив там некоторое время, меня и моих сослуживцев перевели в город Ставрополь. У меня, как у многих в те времена, всё началось с армии. Сегодня пел в хоре, завтра бежал кросс, а послезавтра надо было сыграть в футбол. Этот «наряд» мне пришёлся больше всего по вкусу. Да и армейскому начальству понравился рыжеволосый паренёк, который пошел забивать голы. Так в далёком теперь пятьдесят третьем и произошло моё венчание с футболом, которому я остался верен до сих пор. Восемь лет я играл в чемпионатах СССР в ставропольском «Спартаке», а затем в привычном для нас «Динамо».

Когда время пришло «вешать бутсы на гвоздь», я, не раздумывая, пошёл учить молодёжь, став старшим преподавателем факультета физического воспитания Ставропольского пединститута. Затем я стал заместителем декана спортивного факультета. В 80-е годы получил приглашение перейти на работу в Ставропольское педагогическое училище, где проработал более 10 лет, а затем перешел

на тренерскую работу, тренировал в основном мальчишек игре в футбол, чем занимаюсь, по сей день.

Война не оставила у меня особо ярких впечатлений. То ли линия фронта находилась далеко, то ли время такое было, что понимали – идёт война, всем трудно, но надо выживать. Со своими товарищами воспринимали войну не как трагедию, а как будто должное событие – испытание на прочность всех и вся.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 2 курса психолого-педагогического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Ерёменко Маргарита Александровна*.

Рыбакова Валентина Ивановна

Люди боялись почтальона

Я, Рыбакова Валентина Ивановна (девичья фамилия Гусева), родилась 1 апреля 1935 года в Саратовской области Энгельском районе селе Красноармейском. Отец, Гусев Иван Яковлевич, 1910 года рождения, работал на тракторном заводе. Мать, Гусева Мария Ларионовна, 1915 года рождения, работала в колхозе. Наша семья, состояла из родителей и 3 детей: два брата Витя и Юра, и я самая старшая из де-

тей. Жили мы в маленьком домике на окраине села.

Летом 1941 года ничего не предвещало беды. Текла, как обычно, мирная жизнь. Также каждый день всходило солнце, и небо было чистым и голубым. И вот один из таких летних дней воздух пронзил голос диктора радио, который сообщал, что на нас напала Германия, идет война. Не верилось в это, так как с ними был заключен мирный договор. Но война началась внезапно, без объявления.

Началась мобилизация военных сил. В первых рядах шли самые лучшие парни нашего поселка. Родные, друзья выходили из дома со слезами на глазах, зная, куда они идут и что такое война. А солдаты шли с улыбкой на лицах, снимая страх родных за свою судьбу. Но что у них было на сердце, никто знает.

Невозможно без боли в сердце описать, как уходили люди на фронт, расставаясь с домом, семьей, детьми и думая о том, вернутся ли они когда-нибудь назад и увидят ли своих близких. Воздух наполнялся криком, а страдания эхом отражались в воздухе.

Дома оставались только старики, женщины и дети. На их долю выпали все тыловые тяготы. Мать становилась не только матерью, но и отцом. А малые дети и старики – помощниками. Все труженники тыла не знали, что такое отдых, путали день и ночь. Они трудились, отдавая все свои силы для победы над врагом, не гнушались никакой работы: были грузчиками, чернорабочими, швеями

(шили для солдат обмундирование, вязали теплые носки, рукавицы). Все делали для фронта, для победы.

Отца сразу же отправили на фронт. Он прошел всю войну, участвовал в битве на Курской дуге. В 1943 году ему было присвоено звание лейтенанта. В том же году отец был ранен на фронте, не погиб только благодаря молодому солдату, 19-летнему юноше, который собой закрыл командира от немецкой автоматной очереди. Отец остался жив, а парень погиб.

После ранения отец был отправлен на лечение в военный госпиталь. Рана была серьезная, поэтому лечение проходило достаточно долго. После выздоровления отца перевели из действующей армии в Сибирь. Немного погостив дома, после выписки из госпиталя, отец уехал по месту службы охранять пленных немцев.

В конце 1943 года в семье родился еще один сын – Владимир. В то время жизнь была очень тяжелой. Кругом люди испытывали нужду во всем. Не было возможности ни одеться, ни поесть нормально. В нашей семье постоянно чувствовался голод. Мать, как могла, добывала еду. Привозила с работы горох и жмых (то, что оставалось от переработанных семян), и варила его. На каждого человека получалось по 10 горошин.

И в это время люди старались согреть друг друга добрым словом, любовью, заботой, которая была так необходима в трудный момент. Народ очень сплотился в этот период.

Нам помогала соседка, тетя Феня. У нее была корова, и она нас угощала молоком. Юра и Витя, чтобы хоть как-то утолить голод, жарили пойманных сусликов, а осенью собирали в поле горох и колоски. Но поля с посевами охранялись, и объездчик гонял детей и сильно ругался. Однажды нам повезло, недалеко от дома нашли умершую от голода лошадь. Люди разделили ее тушу на несколько частей. Нам досталось 3 килограмма мяса.

Но, несмотря на войну и разруху, дети продолжали ходить в школу. В классах было холодно настолько, что замерзали чернила, и мы вынуждены были писать карандашами. Тетрадей у нас не было, писать приходилось на чем угодно: амбарные книги, картон, обрывки газет.

Учительница старалась хоть как-то развлечь нас. Она организовала в школе кружок самодеятельности, где дети могли играть, петь

и танцевать. Если дети выигрывали конкурс рисунков или танцев, то победителю доставался кусочек сухаря.

В нашем доме, в старом сундуке хранились книги, которые достались нам от дяди, маминого брата. Я очень любила перечитывать их. Это были классические произведения М.Ф. Достоевского, Н.В. Гоголя, Чехова. Книги я могла читать до 2 часов ночи, чтобы не было так страшно. Ведь мама с утра до поздней ночи была на работе, а мы, дети, оставались одни на хозяйстве.

Но больше всего в поселке не только мы, но и все люди боялись почтальона. Ведь именно он приносил письма с фронта, которые чаще всего были официальными. Это были – «похоронки». Если вдруг откуда-то доносился громкий крик, это всегда означало одно и то же – смерть. И каждый вздрагивал от этого крика и от мысли, что следующая весть может придти и к нему.

Наш отец, к сожалению, был неграмотным и поэтому он присылал всегда одну и ту же весточку с короткой фразой, написанной печатными буквами: «Я жив», но нам достаточно было и этой малости. Ведь мы знали, что у отца все хорошо, остальное можно было и додумать.

Плохо было у нас и с одеждой. Детской одежды почти не было. Я ходила в сапогах, доставшихся мне от отца, 43 размера, а зимой на всю семью были одни валенки. Одежду нам мама сшила из мешковины, братьям – брюки, а мне – юбку. Укрывались на ночь одной шубой, под голову можно было положить солому.

О гигиене трудно было и думать. Зимой вода из проруби была на вес золота, ведь за ней приходилось ходить за несколько километров. Поэтому об умывании и тем более о купании не могло быть и речи, поэтому у всей семьи были вши.

В 1944 году от голода умер наш младший братик Вовочка. Мама не могла найти еду и поэтому самый слабый человек – не выдержал.

Однажды мы всей семьей пошли на колхозное поле, там имелась возможность подработать, собирая урожай. Мама взяла нас в надежде, что во время сбора овощей (моркови и свеклы) мы сможем хоть немного поесть. Но во время работы над полем вдруг появился немецкий самолет. Он стал кружить над полем, стреляя из пулемета по разбегавшимся людям.

Кабина пилотов была открытого типа, и я отчетливо видела лица фашистских летчиков. Один хохотал, а второй стрелял из пулемета в нас. Кто-то крикнул: «Ложись», все попадали в грязь лицом и замерли. Слава богу, никто не пострадал.

Победа пришла так же внезапно, как началась война. Радио у нас не было, и мы не сразу узнали о победе. А когда я вышла из дому по пути в школу, трудно было понять, что происходит. Волнение, рыдания, радость – все слилось в один звук. Люди плакали, обнимали друг друга, даже незнакомых людей и говорили только одно – Победа!

На войне погибли два моих дяди. После войны, в 1947 году вернулся отец. В холодной Сибири он заболел страшной болезнью, туберкулезом легких. Уволенный из армии отец сумел устроиться на работу, благодаря чему мы и выжили в тяжелые послевоенные годы.

Несмотря на тяжелое детство, недоедание, я была крепкой и спортивной девочкой. Еще учась в школе, я занимала первые места, когда проводили соревнования по легкой атлетике. Мой учитель физкультуры в 10 классе посоветовал мне серьезно заняться спортом и поступать на спортивный факультет в институт. Так, я стала мастером спорта по легкой атлетике. Когда мне пришлось расстаться с большим спортом, меня пригласили на работу в Ставропольский педагогический институт. В 80-е годы я перешла на работу в Ставропольское педагогическое училище, где проработала до пенсии.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 2 курса психолого-педагогического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Ширяева Ксения Олеговна*.

Силатова Валентина Михайловна

Я часто вспоминаю войну...

Я, Силатова Валентина Михайловна, 1940 года рождения, живу сейчас в небольшом селе Лиман Ипатовского района Ставропольского края. Родилась я на Брянщине, в деревне Подзоричи Унеченского района, где и жила вся наша семья: отец, Бровков Михаил, мать, Бровкова Антонина Ефимовна, и пятеро братьев и сестёр: Витя, Вова, Маруся, Зина, Петя. Жили мы до войны в маленьком деревянном домике рядом с речкой, а за ней находился дремучий лес, который часто горел во время войны.

Я часто вспоминаю свою далекую родину, где проходило мое детство и где мне, совсем маленькой девочке, пришлось пережить страшные испытания. Иногда летними вечерами я разговариваю со своими внуками, рассказываю им о том, как жила наша семья во время войны. Часто пою песни военных лет, особенно мне нравится песня «Тёмная ночь», и я радуюсь, что внуки с удовольствием подпевают мне:

«Верю в тебя, дорогую подругу мою,

Эта вера от пули меня тёмной ночью хранила....

Радостно мне, я спокоен в смертельном бою:

Знаю, встретишь с любовью меня, что б со мной ни случилось.....

И вместе с этой песней я снова возвращаюсь туда, где прошло мое военное детство – на Брянщину.

В первые же часы и дни Великой Отечественной войны тысячи жителей Брянского края встали на защиту Родины. Брянщина направила в ряды Красной Армии свыше 200 тысяч своих сыновей и дочерей. Воевали абсолютно все: и те, кто находился на полях сражений, и те, кто ждал дома, оставаясь в тылу, ведь война стала народной. Не обошла она стороной и нашу семью. Мой отец – Бровков Михаил – ушёл в партизаны и 1943 году пропал без вести, до сих пор ничего о нём неизвестно.

Самое страшное началось, когда в деревню пришли немцы. Они угоняли людей в плен, куда попала и моя мама, Антонина Ефимовна, со своими детьми, а мы были ещё совсем маленькие. Чтобы спасти хотя бы одного ребёнка, она пошла на хитрость: сделала из тряпок «куклу» и по-

ложила её вместе с другими детьми, а сына Вову ей удалось переправить обратно в деревню. Когда пришли фашисты и стали проверять состав семьи, Антонина Ефимовна сказала: «Их пять, и все спят...». Однако тайна была раскрыта, и ребёнка пришлось вернуть. От плена и неминуемой смерти нас спасли партизаны. Я в то время была ещё совсем маленькая, но военные годы отложились в моей памяти, и я хорошо помню, как голодали (хватало только картошки, зимой приходилось есть «тошнотики» – гнилую картошку, запечённую в печи.)

Помимо отсутствия еды, постоянного страха перед захватчиками, скорби от потерь родных и близких, не хватало также одежды. Особенно явно это ощущалось в холодное время года (согревались, как могли, порой мужчинам приходилось даже надевать женские вещи). Летом мальчишки играли в футбол, мяч делали из тряпок, а играли многие в юбках, так как не было другой одежды, даже нижнего белья.

Дети, как и в довоенное время, веселились, играли в разные игры, пели песни. Возле дома вечером играли в прятки, но далеко нельзя было уходить, потому что ближе к лесу ходили волки, и Антонина Ефимовна боялась отпускать детей. Дружили также с соседскими ребятами, многих из которых не стало за годы войны. С ними ходили воровать картошку из-за голода, за что нас не раз ловили, но в силу совсем уж малого возраста просто ругали и отводили по домам.

После войны семья переехала на Ставрополье, но я до сих пор помню те места, где прошло мое тяжёлое детство, как приходилось голодать, жить в постоянном страхе и волнении, сохраняя в душе светлую надежду на будущее.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студент 1 курса историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Кокорев Максим Вячеславович*.

Стадникова Тамара Ивановна

Общее горе сближало людей

Я, Стадникова Тамара Ивановна, родилась 20 августа 1935 года в селе Красном Спицевского района Ставропольского края. К началу Великой Отечественной войны мы жили в военном городке, где отец в чине лейтенанта служил при штабе пятой армии Дальневосточного округа.

Помню 22 июня 1941 года. В этот день мама повела нас вечером в кино. Вдруг во время сеанса включили свет в зале, и взволнованный голос военного объявил о начале войны с Германией. В зале стояла гробовая тишина. Наутро был дан приказ эвакуировать все семьи военных в Сибирь. Боялись, что Япония тоже начнёт военные действия. Приказали вещей не брать. Все, что было в нашей квартире осталось вместе с папой.

Всё происходило тихо, но когда стали увозить нас на вокзал, люди опомнились, что они прощаются со своими мужьями, отцами. Было страшно смотреть на женщин, рыдающих и кричащих. Многие падали в обморок, и врачи приводили их в чувства.

Погрузили нас в товарные вагоны и повезли. Должны были выгрузить нас в Свердловске, но поезд всё шёл на Запад. Подъехав к одной станции, наш поезд простоял всю ночь. Рано утром подъехали какие-то люди и на машинах нас стали развозить по квартирам. Потом мы узнали, что этот посёлок располагался недалеко от Уфы. Оказалось, что мы не уезжали от войны, а приближались к ней. Произошла ошибка, думали, что этот состав едет на запад с оружием и его пропусками без задержки. Всех людей приютили сибиряки, они очень хорошо нас приняли и во всём помогали.

Моя маленькая сестра оставалась на Кавказе с бабушкой. Вскоре, в январе 1942 г., мы получили телеграмму, что умерла бабушка и моя сестра осталась с дедом. Мама решила ехать в Ставрополь. Её не пускали, но она сказала: «Умрём – так вместе, но дочь одну

там я не оставлю». Пока мы доехали до Ставрополя, раненых солдат было столько, что вокзалы были забиты военными, не было мест в залах ожидания, но маме с маленьким ребёнком уступали место.

Мне было шесть лет, я как могла, помогала маме. Следила за вещами. Спать хотелось, но я знала, что нужно охранять вещи. Очень много было воришек. Приходилось мне залезть под стулья и спать, сил не было стоять на ногах.

В конце лета немцы захватили Северный Кавказ. Я пошла в первый класс, но немцы приказали закрыть школы. Было очень страшно, на наших глазах забирали евреев и увозили куда-то, часто бомбили наш город. После узнали о том, что их всех расстреляли и закопали где-то. В нашем дворе жили русские, армяне, греки и две семьи евреев. Я их немного знала. Когда забирали евреев, то многие плакали, а они садились в машину молча. Я после, вспоминая этот эпизод, думала, с какой гордостью за свой народ, с каким достоинством они шли на смерть, не давая возможности фашистам насладиться их отчаянием и слезами.

Мы перебрались в село Красное, но и там было беспокойно. Нас предупреждали, что подожгут наш дом, дедушка был коммунист и считался заслуженным партизаном Гражданской войны. Его и других товарищей эвакуировали. Все ночи мы спали одетыми, потом полицей нам сказал, чтобы мы ушли к кому-нибудь подальше. Мы ушли к родственникам на край села. Но всё обошлось, наши войска быстро вели наступление, и немцам не удалось выполнить приказ.

Когда в январе 1943 г. наши войска начали наступление на Северо-Кавказском фронте, румыны, служившие у немцев, стали ходить по домам и забирать все, что им нужно было: одеяло, шали, валенки, сапоги и животных, у кого они были. В нашем селе был настоящий бой. Самолёты бомбили, немцы со всех высот стреляли из пушек. Очень много полегло людей, были сбиты два наших самолёта, лётчики были ещё живы, они горели. Люди хотели их спасти, но по ним строчили немцы из пулемётов. Потом всем селом похоронили лётчиков на почётном месте.

Мы были ещё малы, чтобы осознавать всё то горе, которое переживали наши мамы. Я видела слёзы на глазах у моей 28-летней мамы. Она уходила пешком в город, чтобы продать какую-либо

вещь, а на эти деньги покупала немного крупы. Многие люди пухли от голода, но если у кого-либо, хоть немного появится еда, ею делились с соседями.

Папа воевал с японцами, они ещё больше, чем немцы были жестокими, вырезали на границе людей без шума и стрельбы. Они готовы были появиться даже из-под песка, земли. Зарывались, как кроты, и ждали своей жертвы. В 1946 г. в марте папа забрал нас в Корею, там мы были до вывода войск. И опять очутились на Дальнем Востоке. Когда объявили Победу, всё село ликовало. Столько было радости, слёз и от горя, и от счастья. Все поздравляли друг друга. Потом стали возвращаться военнослужащие домой, встречали их всем селом. Мне кажется, что дружба, уважение и общее горе сближало людей и согревало теплом друг друга.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 2 курса факультета искусств Ставропольского государственного педагогического института *Стадников Максим Евгеньевич*.

Стригунова Надежда Тимофеевна

Помню, как немцы убивали жителей села

Я, Стригунова (Калмыкова) Надежда Тимофеевна, родилась 10 августа 1932 года в селе Урожайном Левокумского района Ставропольского края. Мои родители, Тимофей Абрамович, 1907 года рождения, и Мария Антоновна, 1912 года рождения, работали в колхозе. В семье нас было четверо детей: я, брат Александр (1935 года рождения), брат Николай (1938 года рождения), младшая сестра Лидия (1941 года рождения).

22 июня 1941 года в селе было организовано собрание, где объявили о начале войны. На собрании был объявлен лозунг «Все для фронта, все для победы!» Для жителей села это было настоящим ударом, потому что начался призыв мужского населения. Нашего отца забрали 23 августа 1941 года. В основном всех мужчин села забрали на фронт в это же время. В село прибыли грузовые машины для сбора мужчин на фронт. С этого времени начались тяжелые времена для оставшихся людей в селе. А остались женщины, старики и дети. Начался голод, людям нечего было кушать, но еще оставались кое-какие запасы с прошлого года. Мы часто ходили по полям и собирали листья какой-то травы, затем эти листья сушили и использовали в чай. В целом можно сказать, что ели все, что первое попадалось под руку, и было съедобным.

Отца забрали на фронт летом, а осенью у нас родилась сестра Лидия. Это было радостью для нас. Но в то же время мать была озабочена тем, как нам можно было выжить. Ведь она одна и четверо детей, которых нужно было кормить каждый день. Причем ей самой необходимо было хорошо питаться, так как на руках грудной ребенок.

Немцы пришли в село в августе 1942 года. Немцы шли со стороны мельницы, которая находилась за селом, а точнее со стороны села Величаевского. Они сразу же пришли в школу. Занятия в школе были отменены и нам сказали, что их вообще не будет. Немцы сразу же стали ходить в селе по всем дворам и начали искать евреев. Они нашли около 50 человек евреев, повели за село. Издалека было все видно. Там была очень большая лужа, немцы выстроили в ряд несколько ев-

реев и начали их расстреливать. Они падали прямо в эту лужу. И так несколько раз это повторялось, пока они их всех не расстреляли.

Семья Бобиных скрыли от немцев семью евреев. Но их нашли. Константину Бобину удалось спасти девочку еврейку 2-3 лет. Сейчас она живет в Америке. Когда Бобины были еще живы, она вела с ними переписку, где постоянно выражала благодарность за то, что они спасли ей жизнь.

А я и мои друзья: Павел Маркелов, Рая Лизина, Надя Шкабурина, Ира Колпакова – спрятались у меня дома за забором и начали наблюдать за немцами. Мы увидели картину, когда трое немцев вели Барко Таисию (отчество, к сожалению, не помню). Она была партийным работником. На улице был бассейн, где была вода. Они подвели её к бассейну, ударили то ли прикладом, то ли палкой, выстрелили и кинули в бассейн. Немцы стали идти по нашей улице, и мы очень испугались, думали, что они зайдут к нам домой и могут нас расстрелять. А у нас во дворе была вырыта землянка, которая сверху была накрыта кураем (сухая трава). Мы залезли в эту землянку. Нам было очень страшно, стали там плакать. Мы просидели там до самого вечера. Немцы к нам так и не зашли.

Штаб немцев находился напротив школы. Я не помню, в чей дом они заселились. Там находился их военный арсенал: автоматы, пулемёты. Туда постоянно приезжали машины, мотоциклы.

В 1942 году отец приехал домой. Его ранило под Ставрополем, и он на 2 месяца прибыл домой. Мы были рады его видеть, и вечерами слушали рассказы о военных событиях.

С нами жил младший брат отца Анатолий, 1927 года рождения. Во время оккупации села его немцы хотели отправить в концентрационные лагеря. Нашим родственникам, оставшимся в селе, и матери пришлось скрывать его от врага. Затем его отправили на Урал работать на заводе. У отца были еще два старших брата, Владимир и Александр, которые мечтали стать военными. Они собирали портреты политических деятелей. И у нас дома на стене висел портрет Молотова. И когда немцы пришли в село, мать сразу сорвала портрет со стены и спрятала. Александра убили под Ставрополем, а Владимира после Победы отправили служить на Дальний Восток. И с тех пор мы его больше не видели.

9 мая 1945 года объявили о Победе в Великой Отечественной войне. В центре села был организован митинг, посвященный Великой По-

беде. Возле клуба была построена трибуна. На митинг собралось все село. Председатель колхоза читал списки погибших, списки вернувшихся с войны, списки людей, кто совершил трудовые подвиги. В селе был организован праздник. Люди веселились, пели, танцевали, но в то же время и плакали, так как победа была не для всех радостью.

Я работала «подпаском» (помощник пастуха) на кошаре у Стефана Арсентьевича Колганова, помогала пасти отару овец. Была осень. Мне пришли и сказали, что нужно срочно ехать домой. Я подумала, что наверно умер наш дедушка. Но не тут то было! Пришел с войны наш отец. Он был высокого роста, широкоплеч, но худощавый. Когда я зашла в дом, братья и сестра лежали на печи. Он подошел ко мне, поцеловал, поднял на руки и сказал: «Эх, Надюша, Надюша, ты, что осталась за главного кормильца в семье?» Я улыбнулась и говорю: «Ну, я же самый старший ребенок в семье!». Затем он спросил, почему я не хожу в школу. А мне в то время было не до школы, так как необходимо было помогать матери кормить семью. У меня были длинные косы, и в этот же вечер он мне их остриг. А на следующий день он повел меня в школу к учителю – Давыдовой Татьяне Ивановне.

Сейчас я живу в селе Урожайном, у меня один сын, одна внучка, один правнук.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 5 курса историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Ковтуненко Светлана Геннадьевна*.

Фирагин Николай Андреевич

Детство на колёсах

Я, Фирагин Николай Андреевич, родился в 1939 году в совхозе Арапино Пензенской области. Война застала всю нашу семью, когда мы проживали в городе Воскресенске Московской области. Папа, Фирагин Андрей Максимович, 1904 г.р., работал плотником. Мама, Наталья Ивановна, 1903 г.р., должна была заботиться о нашей большой семье, так как, кроме меня, у неё было ещё три сына: Владимир – самый старший, ему в 1941 году исполнилось 18 лет; пятнадцатилетний Василий и Виктор, которому было тринадцать.

Первые воспоминания о войне у меня связаны с началом поспешных сборов и подготовке к эвакуации из города. Все были охвачены паникой, люди в беспокойстве спешили по улицам и все спрашивали: «Как долго продлится война? Почему немцы уже здесь? Когда мы вернемся домой? Что будет с теми, кто остался?» Рой мыслей кружился в голове каждого не зависимо от того, был ли он взрослым или ребенком. Помню горе и страх, отчаяние и растерянность на лица многих людей. Война ворвалась в наш дом и заставила нас покинуть свой родной дом.

Помню переполненные платформы поездов, мне казалось, что весь город уезжает. Моя семья была эвакуирована обратно туда, где я родился – в совхоз Арапино Пензенской области. Современному человеку трудно себе представить те условия, в которых мы оказались. Без промедления из города вывозили тысячи людей. Нас отправили на железнодорожных платформах буквально в том, в чем пришли, без запасов, провизии и лекарств. Я не знаю, сколько мы ехали, но для меня, маленького ребенка, наш переезд показался вечностью. С трудом вспоминаю места, которые мы проезжали, но помню, как сейчас: плач детей, причитания женщин и запах махорки.

По приезду в совхоз нам помогли разместиться. Наша жизнь не отличалась разнообразием. Лишь некоторые события могли отвлечь нас. Одним из них являлась полевая почта. Так как совхоз был небольшой, то о пришедших письмах сразу знали все. Они буквально завораживали и приковывали к себе внимание. Когда получали письмо, на некоторое время жизнь в нашей семье замирала – это те мгновения, в течение которых читалось письмо. Эти письма назывались треуголками. Это обычные письма, сложенные треугольником. Письма складывались простым треугольником, что не требовало конвертов, которые на фронте всегда были в дефиците. Конверт-треугольник – обычно тетрадный лист бумаги, сначала загнутый справа налево, потом слева направо. Оставшаяся полоса бумаги (поскольку тетрадь не квадратной, а прямоугольной формы) вставлялась, как клапан, внутрь треугольника. Готовое к отправке письмо не клеивалось – его всё равно должна была прочитать цензура. Почтовая марка была не нужна, адрес писался на наружной стороне листа. Такие треугольные письма с фронта были у каждой семьи. Я сейчас очень жалею, что мы не сохраняли приходившие к нам письма, но до сих пор испытываю радость, когда в почтовом ящике замечаю уголок конверта.

Во время эвакуации мы жили в одноэтажном деревянном бараке, который очень трудно было назвать жилищем. Он был предназначен для размещения нескольких семей. Мне хорошо запомнился эпизод, который произошел во время обстрела. На улице, к одной из стен барака была приставлена лестница, по которой можно попасть на его крышу. Когда началась бомбардировка, моя семья постаралась скрыться в убежище, но они не смогли найти меня. Через некоторое время меня обнаружили братья на крыше барака, приветствующим надвигавшиеся на нас вражеские истребители, и несшие для всех смертельную опасность. Для меня это была всего лишь веселая игра, где я был главным действующим героем, а летящие самолеты всего лишь дополнение к этой завораживающей картине. Мне в то время было всего три года. Лишь став взрослым, я понял весь ужас и безрассудство своего поступка, который мог стоить мне жизни.

После переезда мой отец и старшие братья поступили рабочими на мостопоезд – это специальный поезд со строителями, занимаю-

щимися восстановлением разрушенных сооружений на железных дорогах, их ремонтом и строительством мостов и путепроводов. Можно сказать, что вагоны были жильём для строителей и эксплуатационников железных дорог. Дом на колёсах. Ну, кто не мечтал путешествовать по нашей обширным, бескрайним и нескончаемым просторам России? В 1942 году мы с отцом, мамой и братьями не только стали ездить на мостопоезде, но и фактически жить в нем.

Конечно, это путешествие было небезопасно. Не один раз наш поезд пытались вывести из строя немецкие самолеты. И не только сам поезд, но и нас. Отец с другими мужчинами, работая большую часть суток, восстанавливали связующие звенья цепочки «фронт – тыл», путем невероятных усилий. Одним из сильных детских впечатлений военных лет, оставшихся в моей памяти на всю жизнь, был жуткий и сильный звук, который мы часто слышали в то время.

Я помню, что отец уже после войны рассказывал мне о том, что это немцы сбрасывали с самолетов пустые, продырявленные бочки, чтобы распугать людей, занимающихся ремонтом. Эти бочки летели с ужасающим звуком, заставляющим почувствовать себя беспомощным и беззащитным «маленьким» человеком, неспособным что-либо изменить. Под бомбежку наш поезд попадал не раз. Чаще всего ночью: как правило, именно тогда немцы бомбят поезда. Трудно забыть тот ужас, который испытываешь, когда вдруг внутри вагона начинается паника, люди пытаются спрятаться по разным углам. Во время обстрелов мама всегда брала меня на руки и старалась своим телом заслонить меня. Все это сопровождалось теми звуками, которые доносились снаружи.

Обычно самолеты совершали, так называемый бреющий полет они опускались очень низко над землей и летели в горизонтальном направлении, сопровождая полет сильным пулеметным огнем по поезду. Пулеметный огонь штурмовиков наносил большой урон, как людям, так и нашему «дому на колесах» и другим легкоуязвимым объектам. Хотя в одном случае пилот-немец поступил милосердно. Однажды, когда они пролетали вблизи поезда, мой брат взял лопату и направил ее в сторону вражеского самолета, имитируя стрельбу из винтовки. Пилот самолета, пролетавшего вблизи стоявшего снизу поезда, заметил это и, вместо того, чтобы просто подбить та-

кую заметную мишень, он погрозил пальцем в сторону брата и очень скоро скрылся из вида.

Сам мостопоезд состоял из старых пассажирских вагонов, непригодных для дальнейшей эксплуатации. У нас был так называемый телячий вагон – это вагон товарного поезда для перевозки скота. Как известно, на замене изношенных шпал, укладке рельсов, балластировке пути и других тяжелых работах больше всего использовался женский труд. В мостопоезде были кроме нас еще семьи с детьми, но в основном он был заселен женщинами – у каждой полка и закуток, отгороженный висящей простыней. Всю обстановку составляли нары, на которых лежали матрасы из соломы и небольшая печка. Вот такая экстремальная советская коммунальная квартира с длинным коридором, вдоль и поперек которого уже даже не комнаты, а просто полки в сложных полевых условиях, но даже это не мешало делать свое дело на совесть.

А мне, маленькому ребенку, больше всего запомнилось, что вместо хлеба мама кормила нас лепешками. Меня часто сажали помогать их делать. Для теста, из которого его пекли, нужно было толочь в ступке картофельные очистки и березовые листья. И так как маме особенно помогать было некому, она часто меня привлекала к этому занятию. Вкус этого хлеба запомнился на всю жизнь, он и сейчас вспоминается как что-то очень вкусное.

Не только ели мы всё, что можно было в то время найти: что попадалось по дороге, что могли собрать в лесах, которые мы проезжали; что было в тех скудных пайках, которые нам выдавали, но также и играли мы во все, что находили там. В то время мы, дети, росли без игрушек. Взрослым было не до нас, а тем более у них не было времени, чтобы сделать хотя бы что-нибудь, что могло нас развлечь. Конечно, дети на войне взрослеют очень быстро, но лишь игрушки могли немного отвлечь от той обстановки, которая царила вокруг. Так мои братья вместе со своими друзьями, мальчишками из других семей, которые жили вместе с нами в поезде, во время остановок любили обследовать близлежащие деревеньки, леса – все, что попадалось им на пути. В основном, как они мне потом рассказывали, им больше всего нравилось отвинчивать детали от подорванных и брошенных танков. Конечно, им попадались по дороге и патроны, и ору-

жие, и снаряды, но они старались их не брать. Я никогда не участвовал в этих вылазках, но братья всегда приносили мне, как самому маленькому, небольшие подарки. Никогда не забуду, какой восторг вызывали у меня эти проводки, гайки, болты, шурупы, кнопки, которые им удавалось найти. Так как других игрушек во время войны я не видел, то все эти детальки казались мне лучшими на свете игрушками и очень ценными, потому что получал я их от близких и дорогих мне людей. Наверное, с тех самых пор у меня появился интерес различным приборам, что впоследствии переросло в увлечение радиоэлектроникой. Так я до сих пор собираю микросхемы, транзисторы, диоды и даже сам собрал телевизор в молодости.

Известия о Победе мы получили, когда находились на станции Бегосово в Белоруссии. Целый день взрослые праздновали и отмечали это событие. Для нас же, детей, это тоже было своеобразным праздником. Да, наконец-то кончилась война. Больше не будет этих бессонных ночей и ужасающих звуков; больше не услышим мы крики раненых и убитых; не увидим мы вражеских самолетов и разрушенных деревень. «Теперь все будет хорошо!» – так думали мы, гоня в тот день по улицам мяч, который сделали сами из старой тряпки, набив ее найденной соломой.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 4 курса психолого-педагогического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Фирагина Анастасия Александровна*.

Удовиченко Нина Васильевна

Мое военное детство

Я, Удовиченко Нина Васильевна, родилась 15 января 1935 года в селе Ольгинском, которое впоследствии слилось в 1961 году с двумя немецкими колониями, основанными ещё до появления на этих землях переселенцев с Украины, и стало называться Кочубеевское. Оно расположено на реке Кубань, что в 59 км к юго-западу от Ставрополя по автотрассе Ставрополь-Черкесск.

До войны наше село, как рассказывали старожилы, было зажиточным. Моя мама (Лада Марфа Моисеевна) работала на инкубаторной станции, папа (Лада Василий Акимович) – в пожарной охране.

Жизнь села изменилась с началом Великой Отечественной войны. Уже 23 июня 1942 года призвали папу на войну. Мне тогда было 6 лет. Я плохо помню его, только до сих пор стоит перед глазами железнодорожный состав с мужчинами. И среди чужих лиц прощальный взмах руки моего отца. Я долго плакала. Наверное, детское сердце почувствовало, что это прощание навсегда. Через месяц пришла похоронка. Мой отец, Лада Василий Акимович, погиб на Киевском фронте.

Немецкое население, находившееся на территории района, в октябре 1941 г. было депортировано в Западную Сибирь. Великокняжеское (одно из немецких поселений) заселили эвакуированными из прифронтовой полосы, а также жителями близлежащих сел.

Немцы появились в Ольгинском 2-5 августа 1942 г. со стороны Армавира. Мне, ребенку, запомнился ужасный момент, когда немцы бомбили железную дорогу, и рядом находился элеватор с зерном. Взрывы, огонь. Казалось, горит и земля и небо.

Оккупанты вели себя как хозяева: приходили в дома, забирали птицу, молочные продукты, яйца. Но в нашем селе большой «шкоды» они не делали, потому что большинство из них были не фашисты, а чехи, поляки, бессарабы. Выглядели они жутко: уставшие, грязные, кто в сапогах, а кто или босой или в обмотках. Так они выглядели в момент отступления. К детям относились сносно, но даже самые маленькие понимали, что это враги.

Был случай, мы (дети 5-7 лет) взяли дома кухонный нож и пошли к немецким машинам, чтобы порезать покрышки на колесах. Нас вовремя остановили родители. Вот такая была детская ненависть к врагу. Но я помню и другой случай: один из постояльцев подарил мне, маленькой девочке, игрушку – рождественскую ёлочку, – которую ему прислали из дома. Наверное, он скучал по своим детям. У меня эта игрушка военных лет хранится до сих пор, и я показываю её своим внукам и рассказываю о войне.

В январе 1943 г. советские войска освободили наш край от фашистов. В сентябре этого же года мы пошли в школу, которая с приходом немцев была закрыта. Новый год (1944) мы встречали в школе. Родители сделали нам праздничный пирог из кукурузной муки и на каждый кусочек положили ягодки из варенья. Для нас, детей, это был незабываемый праздник!

Военные годы были испытанием и для взрослых, и для детей. Но детство есть детство. Хотелось радости. У нас не было магазинных игрушек, девочки играли с куклами, которые делали сами из початков кукурузы. Получались красивые игрушки.

Минул уже не один десяток лет после окончания Великой Отечественной войны, но в моей памяти события военного времени свежи, как будто все было только вчера. Я не хочу, чтобы мои внуки и их дети когда-нибудь испытали то, что пришлось испытать нашему поколению, детям войны. Пусть будет мир!

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1 курса историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Старченко Елена Андреевна*.

Швырева Екатерина Владимировна

Немцы вели себя как хозяева

Я, Швырева Екатерина Владимировна (девичья фамилия Горлова), родилась 6 сентября 1937г. Во время войны наша семья проживала в станице Расшеватской Новоалександровского района Ставропольского края.

Отец, Горлов Владимир Иванович, 1911 г.р., работал в колхозе. Ушел на фронт в первые дни войны, а вернулся весной 1945г, после объявления победы. На фронте был ранен 2 раза в ногу, находился в военном госпитале в г. Керчь, имеет награды. Мама, Горлова Анастасия Семеновна, 1909 г.р., во время войны работала в колхозе птичницей.

Еще с нами жила моя бабушка Хима, папина мама, она не работала, а была все время со мной. Я была совсем маленькой, мне было 4 года.

Бабушка рассказывала, что немцы жили прямо у нас в доме, причем они поселились в жилой теплой комнате, а нас отравили жить в холодную комнату, в ту, где зимовали у нас пчелы. Однажды утром мы проснулись, но никого не застали. Не было ни немецкой техники, ни их лошадей, ни военной формы, ни самих фашистов.

За все то время, что немцы прожили у нас, они никогда не обижали и ничего не просили для них делать. Еду готовили сами, правда из наших продуктов, самостоятельно вели хозяйство и справлялись с бытовыми трудностями. Доили нашу корову, но молока нам не давали. Если бабушка успевала опередить немцев, то тогда у нас тоже было молоко. Всю птицу, которая была в нашем хозяйстве, они тоже упрятали в свои желудки. В общем, они чувствовали себя полными хозяевами.

Рано утром они садились на свои мотоциклы и куда-то уезжали. Весь день их не было дома, поздно вечером они возвращались.

В один из дней немец подошел к моей бабушке и протянул ей плитку шоколада, объяснив, что это для меня и, что у него в Германии остался маленький ребенок, девочка примерно моего возраста. А потом, я помню, бабушка подошла ко мне, протянула шоколадку и

сказала: «Держи, это тебе подарок от немца». Я тогда многого не понимала, но мне было приятно, ведь шоколад был сладкий.

Так же на фронте были три мои родные дяди. Папин брат, Горлов Павел Иванович, в довоенное время работал учителем в школе, а как только получили известие о войне, сразу ушел на фронт, защищать Родину. Он прошел всю войну, от начала до конца, но вернуться домой героем-победителем ему не довелось. В День Победы он со своей группой ушел в разведку, и вся группа пропала без вести, а потом выяснилось, что он погиб. Об этом мы узнали из «похоронки». Похоронен он в Германии на Девичьем кладбище, а вот в каком городе я уже не помню.

Два маминых брата, Иван и Василий, также принимали участие в военных действиях на фронтах Великой Отечественной Войны. Приняли это решение незамедлительно после известия о наступившей войне, как и миллионы наших соотечественников. Когда немцы стали наступать, они попали в плен. Их держали под открытым небом в загоне для скота. Как уже позже выяснилось, они были в одном лагере и даже в одном загоне, но друг друга они там не видели. Были освобождены русскими войсками и переброшены на разные фронты войны. Оба были ранены и лежали в госпиталях.

Дядя Ваня пострадал очень сильно. У него было изуродовано лицо и вся правая сторона тела. После операции осталась только половина легкого. Вернулся домой после объявления победы советских войск над фашистской Германией, получил инвалидность. Дядя Вася по возвращении домой работал ветеринарным врачом в колхозе.

Именно такой след и такие детские воспоминания Великая Отечественная война оставила в моей памяти.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 5 курса психолого-педагогического факультета Ставропольского государственного педагогического института *Калашикова Ольга Александровна*.

Язвинская Людмила Ивановна

У нас была одна забота – выжить

Я, Язвинская Людмила Ивановна (девичья фамилия Донская), родилась в 1934 году в городе Ставрополе. Мой отец, Донской Иван Степанович (1905 года рождения), до войны был членом ВКПб и занимал должность приказчика продуктового магазина. В октябре 1934 года в период «ежовщины» он был репрессирован и приговорён к смертной казни. В камере «смертников» он просидел 10 месяцев, после чего смертная казнь была заменена 10-летней ссылкой (Север, Дальний Восток, Монголия). И моя мама осталась одна с двумя маленькими детьми: я и моя старшая сестра Валя (она на 4 года меня старше).

Мама, Вера Григорьевна Шипкова-Донская (1906 года рождения), в то время не имела никакой специальности. Ей надо было как-то растить дочерей, и она стала продавать на базаре пирожки (как сейчас говорят – реализовывать, ведь самой печь было не из чего), стирать и гладить людям побогаче бельё, собирать в лесу сушняк и продавать его на рынке. Это было трудное время для нашей семьи. Из квартиры, где мы проживали до папиного ареста (Ворошиловский проспект, в доме, где находился кинотеатр «Гигант», наша семья занимала квартиру над ним: большой длинный балкон, охватывающий 3 комнаты), нас выселили и дали две комнаты в доме по ул. Казачьей (1-ая Калинина). Это был многоквартирный одноэтажный каменный дом. В нём, кроме нашей семьи, проживало ещё 12 семей с детьми. Во время бомбёжек этот дом не раз спасал нам жизнь.

Когда началась война, мне было 7 лет, а сестре – 11 лет. Первые тяготы войны в моих воспоминаниях связаны с голодом. Не хватало хлеба, картофеля и других продуктов. Нам выдавали карточки по 400 гр. на 1 человека, но хлеб был не всегда. Тогда мама пекла нам оладьи из мороженого картофеля с горчичным маслом.

А в 1942 году немцы оккупировали Ставрополь и железнодорожную станцию (тогда она называлась Ворошиловск). Немцы вошли в город со стороны Армавира и быстро разместились по всему городу. Но особенно они заселились в домах по ул. Шоссейной до са-

мой Татарки (ныне – это ул. Доваторцев в Юго-западном р-не). Везде на машинах и домах немцы разместили громофоны, в которых играла музыка, звучали песни на немецком языке, передавались сообщения. Многие жители, особенно, кто побогаче, уехали из города и расселились по отдаленным сёлам. Мне особенно запомнилась страшная бомбёжка при входе немцев в город. Тогда мне показалось, что сотни тысяч бомб опустились вокруг, особенно в район Нижнего рынка. Это был воскресный базарный день. Колхозники съехались, чтобы продать свои продукты горожанам. В небе показалось очень много самолётов, но жители даже не подозревали, что они сейчас начнут бомбить и расстреливать людей. Торговля продолжалась, пока не раздались взрывы и в самое скопление народа полетели бомбы. Прятаться негде, бежать некуда. Мы с мамой бросились выбираться прямо по трупам под продолжающиеся взрывы на ул. Горького. А затем через дворы побежали к своему дому. А он один из немногих стоит целёхонький и нетронутый.

В моих воспоминаниях немцы были весёлые, шумные, хорошо одеты, их хорошо кормили. А мы пухли от голода и, если просили у них продукты, то часто получали по рукам и ногам. В нашем доме тоже некоторое время жили немцы. Нам с сестрой иногда везло: немцы учили нас считать по-немецки. Дети легко обучаются, и мы быстро научились считать, за что нас каждый раз угощали галетным печеньем. А однажды мне перепала целая сумочка с галетами – это было счастье! Только сейчас осознаёшь, какое это было унижение, но ведь тогда мы были детьми, а есть так хотелось!

Никогда не забыть мне как немцы забирали в машины население еврейского происхождения, как расстреливали их прямо на месте, заставляли рыть одну большую яму и закапывать в неё своих родных. Не жалели ни женщин, ни детей. Многие сходили с ума. В нашем доме жила еврейская семья Фельдман. Я, маленькая девочка, восторгалась красотой этих людей: дядя Исаак, тётя Катя и дети – Клара и Галя. Они были совсем молодые, а дети совсем маленькие. Дядю Исаака заставили самого убить жену и детей, а потом закопать их. Его оставили в живых, но он впоследствии сошел с ума и умер в психиатрической больнице. До сих пор они стоят у меня перед глазами. Это тяжкое воспоминание останется до конца моей жизни.

Самое страшное для нас было – это когда была бомбёжка. Бомбили город наши же войска. Это всегда начиналось в 18.00 ч. Во дворе дома жильцы вырыли траншею шириной в 1 м. и длиной где-то около 15 м., где и пережидали бомбёжку до 19.00 ч. Потом было затишье. Окна домов затемнены.

И вот однажды завыла сирена на Гулеевской мукомольне (что рядом с железнодорожным вокзалом). Сиреной созывались жители города: немцы собирались взорвать мукомольню, и люди хотели разобрать муку, которая там ещё была. В это время как раз началась очередная бомбёжка. Погибло много народу. Мы с сестрой тоже были там, но остались живы. На мукомольне всё горело, а люди всё старались вытащить уцелевшую муку. Нам с сестрой муки не хватило, но зато перепало целых полведра красного вина. Этим вином жители нашего дома и отмечали потом освобождение нашего города от немецких захватчиков в феврале 1943 года. Стояли лютые морозы. Немцы, отступая, прихватывали с собой всё, что могли.

Во время войны детям было не менее тяжело, чем взрослым. Нашими с сестрой обязанностями было насобирать сушняк в лесу (на Холодных родниках), подготовить для розжига печь, растопить её, почистить лампу, сходить за керосином. Его тогда продавали в будке на пл. Ленина (в то время это ещё была торговая площадь). Мы помогали маме готовить: до её прихода варили суп из крапивы и лебеды.

В 1941 году я как раз пошла в школу в 1 класс. Я училась в школе № 7 (рядом с гостиницей «Интурист»). Учёба была прервана оккупацией города, и только после освобождения города школа вновь начала работать. Весной 1943 года мы начали приводить школу в порядок: разбирали завалы, мыли, расчищали классы. Все ученики старались, как могли, помочь фронту: писали солдатам письма, собирали продукты и носили их в госпитали раненым солдатам, ставили для них концерты. Госпиталь тогда располагался в районе спиртного завода на площади Ашихина. Ходили туда пешком. После концертов мы вместе с ранеными пили чай, да ещё с сахаром (а ведь в основном продавали сахарин!).

Мы очень старались учиться, потому что считали, что это тоже наш вклад в победу. Никаких кружков или секций в школе тогда, конечно, не велось. До этого ли было! У нас была одна забота – вы-

жить. И мы с мамой и сестрой выжили. Обе закончили институты, защитили диссертации, появились свои семьи. Но то время оккупации не забудется.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь *Язвинская Светлана Дмитриевна*, кандидат педагогических наук, доцент кафедры математики Ставропольского государственного педагогического института.

СВЕДЕНИЯ О СОСТАВИТЕЛЯХ ВОСПОМИНАНИЙ

ЧАСТЬ I «ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ»

Балахонова Ирина Михайловна – студентка 5 курса психолого-педагогического факультета. Научный рук. – *Каневская Жанна Олеговна*, к.п.н., доцент кафедры начального и дошкольного образования.

Бовтунова Юлия Сергеевна – студентка 2 курса факультета искусств. Научный рук. – *Козырева Инесса Валерьевна*, к.п.н., доц. кафедры хорового дирижирования.

Волобуева Юлия Сергеевна – студентка 5 курса историко-филологического факультета. Научный рук. – *Каменева Галина Николаевна*, к.и.н., доцент кафедры теории и методики преподавания исторических и филологических дисциплин.

Вяткин Александр Александрович – студент 4 курса историко-филологического факультета. Научный рук. – *Нестеров Алексей Сергеевич*, к.и.н., доцент кафедры истории и права.

Гордеева Людмила Вячеславовна – студентка 4 курса психолого-педагогического факультета. Научный рук. – *Зима Виктория Андрониновна*, к.п.н., доцент кафедры начального и дошкольного образования.

Ковтуненко Светлана Геннадьевна – студентка 5 курса историко-филологического факультета. Научный рук. – *Каменева Галина Николаевна*, к.и.н., доцент кафедры теории и методики преподавания исторических и филологических дисциплин.

Коршикова Юлия Сергеевна – студентка 1 курса факультета специальной педагогики и психологии. Научный рук. – *Евмененко Елена Владимировна*, к.п.н., доцент кафедры специальной педагогики и психологии.

Локтионова Оксана Сергеевна – студентка группы 4 курса психолого-педагогического факультета. Научный рук. – *Кульчицкая Ирина Юрьевна*, к.п.н., доцент кафедры начального и дошкольного образования.

Мартыненко Алёна Евгеньевна – студентка 2 курса факультета искусств. Научный рук. – *Козырева Инесса Валерьевна*, к.п.н., доцент кафедры хорового дирижирования.

Мезина Виктория Олеговна – студентка 4 курса факультета искусств. Научный рук. – *Алейникова Наталья Геннадьевна*, ст. преподаватель кафедры хорового дирижирования.

Митрохина Елена Валерьевна – студентка 3 курса историко-филологического факультета. Научный рук. – *Каменева Галина Николаевна*, к.и.н., доцент кафедры теории и методики преподавания исторических и филологических дисциплин.

Москвитина Инна Викторовна – студентки 5 курса историко-филологического факультета. Научный руководитель – *Овчаренко Татьяна Семёновна*, к.и.н., доцент кафедры истории и права.

Олабенко Марина Николаевна – студентка 1 курса факультета специальной педагогики. Научный рук. – *Нестеров Алексей Сергеевич*, к.и.н., доцент кафедры истории и права.

Пашалиева Хажар Кушалиевна – студентка 3 курса историко-филологического факультета. Научный рук. – *Жданова Елена Сергеевна*, к.филолог.н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы.

Писаренко Максим Владимирович – студент 4 курса историко-филологического факультета, научный рук. – *Нестеров Алексей Сергеевич*, к.и.н., доцент кафедры истории и права.

Рец Лилия Викторовна – студентка 1 курса факультета специальной педагогики. Научн. рук. – *Хорошилова Наталья Юрьевна*, ст. преподаватель кафедры начального и дошкольного образования.

Тищенко Инна Викторовна – студентка 1 курса факультета специальной педагогики. Научный рук. – *Гостунская Яна Игоревна*, к.п.н., доцент кафедры специальной педагогики и психологии педагогики и психологии.

Толочко Юлия Евгеньевна, Краус Татьяна Викторовна – студентки 2 курса историко-филологического факультета. Научный руководитель – *Крупина Оксана Викторовна*, ст. преподаватель кафедры теории и методики преподавания исторических и филологических дисциплин.

Уманская Анастасия Константиновна – студентка 1 курса факультета специальной педагогики. Научный руководитель – *Нестеров Алексей Сергеевич*, к.и.н., доцент кафедры истории и права.

Урванцева Виктория Викторовна – студентка 1 курса факультета искусств. Научный рук. – *Козырева Инесса Валерьевна*, к.п.н., доц. кафедры хорового дирижирования.

Уско Ирина Владимировна – студентка 3 курса историко-филологического факультета. Научный рук. – *Каменева Галина Николаевна*, к.и.н., доцент кафедры теории и методики преподавания исторических и филологических дисциплин.

Щитковец Кристина Сергеевна – студентка 5 курса психолого-педагогического факультета. Науч. рук. – *Рубанова Лариса Михайловна*, к.п.н., доцент кафедры иностранных языков.

ЧАСТЬ II «ВОЙНА ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ»

Андрющенко Юлия Васильевна – студентка 5 курса историко-филологического факультета. Научный рук. – *Каменева Галина Николаевна*, к.и.н., доцент кафедры теории и методики преподавания исторических и филологических дисциплин.

Беляева Анна Николаевна – студентка 5 курса психолого-педагогического факультета. Научный рук. – *Каневская Жанна Олеговна*, доцент кафедры начального и дошкольного образования.

Бовтунова Юлия Сергеевна – студентка 2 курса факультета искусств. Научный рук. – *Козырева Инесса Валерьевна*, к.п.н., доц. кафедры хорового дирижирования.

Будко Марина Витальевна – студентка 2 курса психолого-педагогического факультета. Научный рук. – *Макеевич Лариса Михайловна*, ст. преподаватель кафедры начального и дошкольного образования.

Ерёменко Маргарита Александровна – студентка 2 курса психолого-педагогического факультета. Научный рук. – *Халилова Франгиз Адиль-Кызы.*, ст. преподаватель кафедры начального и дошкольного образования.

Калашникова Ольга Александровна – студентка 5 курса психолого-педагогического факультета. Научный рук. – *Кульчицкая Ирина Юрьевна*, к.п.н., доцент кафедры начального и дошкольного образования.

Ковтуненко Светлана Геннадьевна – студентка 5 курса историко-филологического факультета. Научный рук. – *Каменева Галина Николаевна*, к.и.н., доцент кафедры теории и методики преподавания исторических и филологических дисциплин.

Ковшова Елена Васильевна – студентка 5 курса психолого-педагогического факультета. Научный рук. – *Кульчицкая Ирина Юрьевна*, к.п.н., доцент кафедры начального и дошкольного образования.

Кокорев Максим Вячеславович – студент 1 курса историко-филологического факультета. Научный рук. – *Смоленская Тамара Михайловна*, к.филол.н., доцент кафедры русского языка.

Коршикова Юлия Сергеевна – студентка 5 курса психолого-педагогического факультета. Научный рук. – *Евмененко Елена Владимировна*, к.п.н., доцент, декан факультета специальной педагогики

Мартыненко Алёна Евгеньевна – студентка 2 курса факультета искусств. Научный рук. – *Козырева Инесса Валерьевна*, к.п.н., доц. кафедры хорового дирижирования.

Немашкалов Павел Григорьевич – к.и.н., доцент кафедры истории и права.

Нестеров Алексей Сергеевич – к.и.н., доцент кафедры истории и права.

Панченко Виктория Михайловна – студентка 2 курса психолого-педагогического факультета. Научный рук. – *Халилова Франгиз Адиль-Кызы*, ст. преподаватель кафедры начального и дошкольного образования.

Тадевосян Нвер Владимирович – студент 5 курса историко-филологического факультета. Научный рук. – *Каменева Галина Николаевна*, к.и.н., доцент кафедры теории и методики преподавания исторических и филологических дисциплин.

Тарнакина Марина Юрьевна – студентка 2 курса психолого-педагогического факультета. Научный рук. – *Халилова Франгиз Адиль-Кызы*, ст. преподаватель кафедры начального и дошкольного образования.

Стадников Максим Евгеньевич – студент 2 курса факультета искусств Ставропольского государственного педагогического института. Научный рук. – *Козырева Инесса Валерьевна*, к.п.н., доцент кафедры хорового дирижирования.

Старченко Елена Андреевна – студентка 1 курса историко-филологического факультета. Научный рук. – *Смоленская Тамара Михайловна*, к.филол.н., доцент кафедры русского языка.

Ширяева Ксения Олеговна – студентка 2 курса психолого-педагогического факультета. Научный рук. – *Камызина Анна Владимировна*, к.п.н., доцент, зав. кафедрой начального и дошкольного образования; *Халилова Франгиз Адыль-Кызы.*, ст. преподаватель кафедры начального и дошкольного образования.

Панкова Анастасия Сергеевна – студентка 2 курса психолого-педагогического факультета. Научный рук. – *Макеевич Лариса Михайловна*, ст. преподаватель кафедры начального и дошкольного образования.

Фирагина Анастасия Александровна – студентка 4 курса психолого-педагогического факультета. Научный рук. – *Зима Виктория Андрониковна*, к.п.н., доцент кафедры начального и дошкольного образования.

Язвинская Сетлана Дмитриевна – к.п.н., доцент кафедры математики.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-------------------	---

ЧАСТЬ I. ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ

<i>Алексеевко Сергей Корнеевич</i> Откровение фронтовика	5
<i>Азберг Яков Георгиевич</i> Повезло, остался живой сапер, не ошибся ни разу	12
<i>Астраданцева Татьяна Никитична</i> Я кричала от ужаса, как не в себе	16
<i>Борковский Леонард Мичиславович</i> Иных уж нет, а те далече	22
<i>Верескун Анна Филипповна</i> Как больно видеть смерть	38
<i>Гончаров Виктор Осипович</i> Берлин брал вместе с супругой и отцом	45
<i>Гордеева Татьяна Николаевна</i> Огненный дождь над Керченским проливом	49
<i>Дудников Иван Георгиевич</i> Защищая родной Кавказ	57
<i>Захарченко Павел Сергеевич</i> Дважды рожденный	61
<i>Иванов Сергей Семенович</i> Любой ценой попасть на фронт	65
<i>Качанов Фёдор Тимофеевич</i> Это было под Ельней	74
<i>Луканский Нинел Васильевич</i> Случайно на всю жизнь	77
<i>Москаленко Алексей Иванович</i> За стеной огня и дыма не было видно солнца	80
<i>Москвитина Мария Ивановна</i> Война в моей судьбе	84
<i>Мошников Николай Александрович</i> Когда возникала необходимость, шёл врукопашную	89
<i>Орлов Исай Гаврилович</i> Ранение было тяжёлым	92
<i>Орлова Валентина Ивановна</i> Я освобождала 30 населенных пунктов родного края	94
<i>Павлючук Виктор Петрович</i> К вам тут юнга просится	99
<i>Плаксин Иван Егорович</i> Дошёл до Берлина	123

Просолов Иван Пантелеевич «Благодари этого сержанта!» – сказал Жуков	126
Романенко Иван Максимович На завтра бой	138
Стороженко Дмитрий Иванович Кто хочет идти в бой комсомольцем?	142
Фролов Алексей Петрович Самое страшное воспоминание 1943 г. – Огненная дуга	149
Хазанова Антонина Андреевна Я расписалась на Рейхстаге	156
Шевякова Анна Стефановна «Родину защищать будем?» – спросили нас. «Будем!!!» – ответили мы	163
Шиков Владимир Иванович Командир танкового экипажа	168
Юнда Фёдор Фёдорович Дорогами войны от Сталинграда до Тумыни ..	178

ЧАСТЬ II. ВОЙНА ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ

Алтухова Нина Михайловна Безотцовщина	187
Беляев Николай Тимофеевич Войну я не видел, но в полной мере ощутил её горечь	193
Вабель Зинаида Григорьевна Я плакала от боли, как и другие дети, но продолжала работать	196
Вабель Роман Августович Меня ни на минуту не покидало чувство голода	199
Глушченко Раиса Васильевна Среди немцев были разные люди	203
Долгова Анна Егоровна Всю войну сопровождало гнетущее ожидание похоронки	207
Захарченко Евгения Ивановна Как гром среди ясного неба...	209
Иванова Тамара Дмитриевна Прощай детство! Началась война... ..	214
Калмыков Александр Тимофеевич Старались помочь матери изо всех сил	224
Кацак Мая Евгеньевна Нам всем не хватало родительского внимания ..	227
Ковтуненко Владимир Егорович Дом наш полностью сгорел	231
Ковшова Надежда Михайловна Плач стоял по всему селу	235

<i>Кошелева Светлана Леонидовна</i> Состояние страха не покидало нас ни на минуту	238
<i>Куликова Таисия Анатольевна</i> Всегда уроки начинались с пения гимна нашей страны, который звучал как молитва о Победе	241
<i>Немашкалов Владимир Владимирович</i> Голодное послевоенное детство	245
<i>Нестерова Таисия Федоровна</i> Я для себя четко решила помочь Родине любимыми средствами	248
<i>Останькович Владислав Анатольевич</i> От голода спасали стихийные рынки	251
<i>Пшеничная Мария Андреевна</i> Радость была на грани с сумасшествием	255
<i>Рыбаков Владимир Борисович</i> Испытание на прочность всех и вся ..	258
<i>Рыбакова Валентина Ивановна</i> Люди боялись почтальона	261
<i>Силатова Валентина Михайловна</i> Я часто вспоминаю войну	265
<i>Стадникова Тамара Ивановна</i> Общее горе сближало людей	267
<i>Стригунова Надежда Тимофеевна</i> Помню, как немцы убивали жителей села	270
<i>Фирагин Николай Андреевич</i> Детство на колёсах	273
<i>Удовиченко Нина Васильевна</i> Мое военное детство	278
<i>Швырева Екатерина Владимировна</i> Немцы вели себя как хозяева .	280
<i>Язвинская Людмила Ивановна</i> У нас была одна забота – выжить	282
СВЕДЕНИЯ О СОСТАВИТЕЛЯХ ВОСПОМИНАНИЙ	286

Научное издание

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА:
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ**

Сборник воспоминаний

Редактор Т.Б. Кузнецова,
Компьютерная верстка П.Г. Немашкалов

Формат 60x84 $\frac{1}{16}$	Усл.печ.л. 17,09	Подписано в печать 30.04.10
Бумага офсетная	Тираж 100 экз.	Уч.-изд.л. 15,01
		Заказ 22

Отпечатано в ООО «Бюро новостей».